ISSN 0131—0097

ОКТЯБРЬ № 40 1991

THE WEEKLY MAGAZINE

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

КУШАТЬ ПРОДАНО!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Выходит с 1 апреля 1923 года
УЧРЕДИТЕЛЬ —
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ
РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

№ 40 (3350)
28 сентября — 5 октября

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фото Владимира МАШАТИНА. (См. в номере материал «Большая рыбалка».)

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА
при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ.
Цена подписки на год — 46 руб. 80 коп.,
на полгода — 23 руб. 40 коп.,
на квартал — 11 руб. 70 коп.
Цена одного номера в розницу — 1 рубль.

Сдано в набор 09.09.91. Подписано к печати 24.09.91. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 1 790 000 экз. Заказ № 860. Цена 1 рубль.

Адрес редакции: 101456, ГСП,
Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Справки по рекламе — 212-12-00.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Типография издательства «Правда».
125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Алла БОССАРТ
Фото Владимира МАШАТИНА и Марка ШТЕЙНБОКА

НА ХОЛМЫ ГРУЗИИ ЛЕГЛА НОЧНАЯ МГЛА

Похоже, что 206-я статья Уголовного кодекса — нарушение общественного порядка — становится в Грузии столь же популярной, как в свое время 58-я.

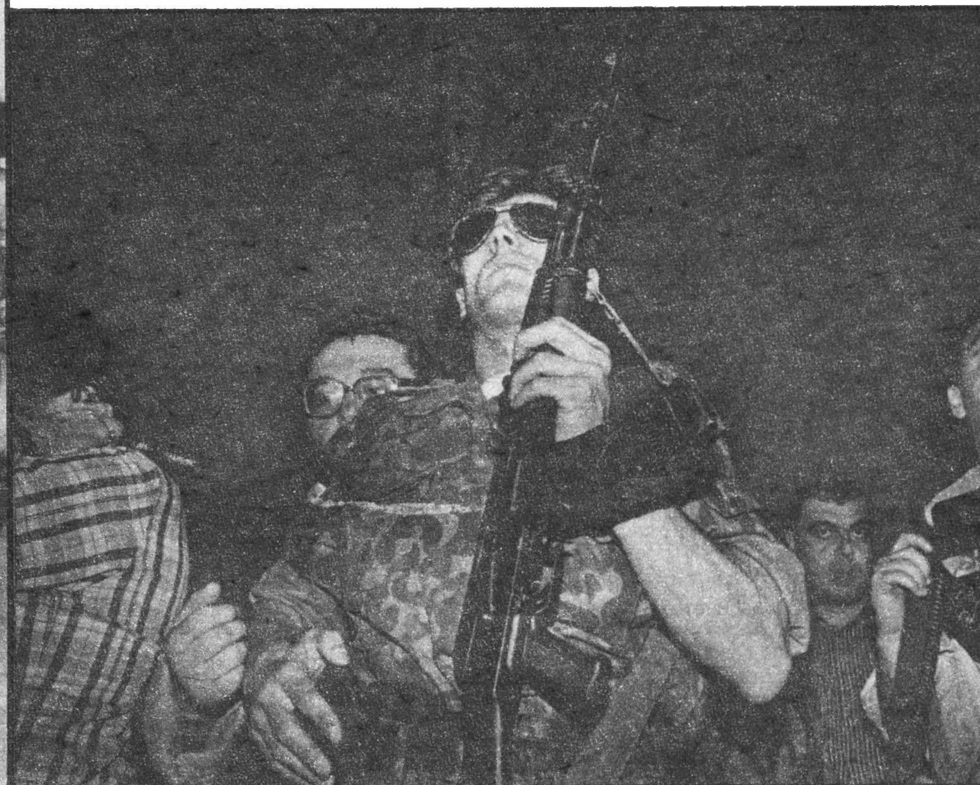
Когда командир экипажа ТУ-134 Грузинского управления гражданской авиации пилот первого класса Оганесян получил распоряжение садиться, он решил, что диспетчер сошел с ума. Сажать без крайней необходимости едва взлетевший самолет с полными баками инструкция запрещает. Но и причина веская: террористы на борту. Так сообщили с земли, что и зафиксировала бортовая запись.

Я ничего не понимаю в технике. Но схема такая: для снижения опасности взрыва топливные резервуары обволакиваются инертным газом, создающим как бы амортизирующую подушку.

Когда Оганесян попытался включить систему подачи газа, выяснилось, что она не работает. Двести пассажиров самолета, попутчики Георгия Чантурия и его жены Ирины Саришвили, еще не знали, что через несколько минут они смогут считать себя заново родившимися. А экипаж почти не надеялся.

У трапа лидера оппозиционной Национально-демократической партии Грузии Гию Чантурия с женой, летевших в Москву по приглашению посла США Страуса, арестовали за нарушение общественного порядка. По инициативе Чантурия проспект Руставели перекрыт баррикадами, но не подумайте, что в момент взлета, нет. Недели за две до того.

Это был довольно дикий арест, если даже не считать угрозы для двухсот жизней, включая детей. Арест без санкции. Арест по анонимному приказу. Арест, по поводу которого функционерами нанесено столько чуши, что из стенограмм пресс-конференций можно соорудить неплохую пьесу абсурда. Пресс-секретарь президента Георгий Бурджунадзе договорился до того, что заявил: «Следствие покажет, кто отдал приказ о посадке самолета». Иными словами, следствие по делу арестованных хулиганов должно показать, кто же хулиганов арестовал.

На следующий день, 17 сентября, по той же статье арестован кинооператор Георгий Хаиндрава, снявший фильм о событиях 9 апреля и не снявший — о событиях 2 сентября, так как у него разбили камеру. На его арест санкция прокурора также не была выписана. Говорят, что Чантурия и Саришвили проходят по ведомству МВД, Хаиндрава числится за КГБ.

Вообще в Тбилиси много говорят. Улицы не пустеют даже глубокой ночью. Митинг из события превратился в учреждение: вот здесь, объясняют журналистам, у бывшего ИМЭЛа, сидит митинг Церетели, у здания бывшего ЦК комсомола находится митинг Чантурия, у Дома правительства сутками напролет митингуют «звиадисты», или, как окрестили их злые языки, «черные колготки». «Советского президента охраняют черные береты, а грузинского — черные колготки». Звиад Гамсахурдиа — роковой тип «женского» лидера. Экстатический градус, до которого накалена площадь перед Домом правительства, делает митинги в поддержку президента похожими на концерты самых крутых рок-звезд.

Митинги и толковища на Руставели, у университета, у здания телевидения — единственный источник информации в сентябрьском Тбилиси. Республиканское телевидение пикетируют в основном тележурналисты в знак протеста против тематической, скажем так, монотонности. Месяцев десять, как

местные программы отданы в распоряжение правительственного Круглого Стола и его рыцарей. Программ ЦТ, передающихся через спутник, большая часть телезрителей Грузии тоже лишена. А в первый канал — канал ТСН и «Времени» — врезаются выступления президента. Две оппозиционные газеты «Дрони» и «Мамули» («Отчизна») до провинции, конечно, не доходят. Центральные газеты — «Известия», «Комсомольская правда», «НГ», «Куранты», «Мегаполис» и другие в республике запрещены к печатанию. А правительственные газеты, в частности русскоязычная «Свободная Грузия», в своей трактовке придерживаются испытанных традиций: «...сессии предшествовали события 2 сентября на митинге у Дома кино, разгул страстей, недопустимое поведение милиции и митингующих, тех деструктивных сил, которым в очередной раз в Грузии очень хотелось спровоцировать конфликт, пролить кровь...» Идея о провокации, разумеется, не является счастливой находкой газеты. «Я слушал ваши оценки. И удивляюсь одному: никто не сказал, против кого была направлена та акция, хотя, думаю, нетрудно догадаться, что она направлена была в первую очередь против президента»,— предложил Звиад Гамсахурдиа неувядаемую версию событий 2 сентября на открытии второй сессии ВС Грузии.

Сегодня, когда я пишу эту заметку, 21 сентября, омоновцами и милицией избиты сорок пикетчиков от НДПГ, объявивших голодовку на ступенях Дома правительства с требованием освободить всех политзаключенных. Ирину Саришвили, освобожденную из предварительного заключения с подпиской о невыезде и продолжающую сухую голодовку, бравые защитники общественного порядка отделали так, что в больницу она доставлена без сознания. (Об этом сообщили московские представители партии.) Президент объяснил в печати и по ТВ, что такая мера принята как защитная: сорок «деструктивных сил» угрожали Дому правительства штурмом.

С Ирой Саришвили мы говорили 19 сентября в кабинете прокурора Мтацминдского района, который выдал ордер на ее задержание к концу положенных трех суток.

Как ни странно, из всей набившейся сюда большой компании членов НДПГ и работников прокуратуры сочувствие вызывал главным образом сам прокурор, Элгуджа Микашевидзе. Задержанная не желала освобождаться одна, и он просто не знал, что с ней делать.

— Если меня выведут под конвоем, я немедленно нарушу подписку о невыезде и улечу в Москву.

— Имеет ли право кто-нибудь приказать вам выдать санкцию на арест или на освобождение? — спросила я бедного прокурора.

— По закону — нет,— грустно ответил он.

— А не по закону?

Господин Микашевидзе с тоской поглядел в окно, и во взгляде его отчетливо читалось: ну хоть вы-то оставьте меня в покое...

В Грузии сегодня разыгрывается довольно бездарный фарс о справедливом правителе и каком-то демоническом сонме злокозненных стрелочников. Стрелочников, конечно, жалко. Правда, не всех. Не жалко, например, майора милиции Сахвадзе, который при разгоне митинга 2 сентября сломал челюсть депутату, члену парламентской фракции Акакию Бобохидзе. А вот пилота Оганесяна, его экипаж, диспетчеров и вообще всю тбилисскую службу «Аэрофлота» жаль ужасно. Жалко милиционеров, которым приказывают командиры, и командиров, которым приказывают министры. Даже министров отчасти жалко. Жалко даже крупнейшего виртуоза дворцовой игры генерального прокурора Вахтанга Размадзе. Единственный из крупных функционеров, он сохранил свою должность после большевиков. Можно только догадываться, как изнуряют друг друга месяц за месяцем два титана, один из которых совсем недавно был зеком в пенитенциарном хозяйстве другого. Впрочем, Размадзе не дал в свое время санкции на арест Гамсахурдиа... Как и сейчас — на арест Чантурия, Саришвили и Хаиндравы. Почему? Что он знает, этот грозный Порфирий Петрович? И — сколько? И как оно, должно быть, неуютно — знать так много...

Но больше всего — до отчаяния — жалко грузинский народ, которому досталась роль статистов в этом фарсе народного кумира. Фарсе, что все отчетливей приобретает очертания трагедии. Потому что трагично и страшно, когда в конце двадцатого века на территории Европы к микрофону перед толпой выходит лукавая шестерка и, не стыдясь своих седин, исполняет, как молебен, речитатив: «Богоподобный Звиад! Твоими устами говорит с нами Бог!» А многотысячный хор рукоплещет и долго скандирует: «Зви-ад! Зви-ад!» И женщина, чей сын встал Девятого апреля за демократию, за святую свободу и за свое достоинство,— выходит все к тому же измочаленному микрофону и кричит сорванным голосом: «Звиад! Ты — наш Дата Туташхиа!» А Чабуа Амирэджиби объявлен врагом народа...

На проспекте Руставели я остановила опального экс-министра иностранных дел Георгия Хоштария — спросить, что он думает по поводу арестов оппозиции. За минуту нас облепила толпа человек в пятьдесят и принялась выкрикивать (а женщины в черных чулках размахивали пальцами у самого лица импозантного министра): «Изменник Хоштария! Подлый враг! Почем ты продал нас Кремлю? Правильно твоих дружков сажают! И твое место — за решеткой!» Хоштария что-то кричал в ответ, и дело едва не кончилось дракой. К счастью, подоспели какие-то спокойные ребята, вытащили министра, усадили в машину и увезли от греха. А я спросила: «Почему, собственно говоря, вы называете его врагом?» «Потому что он враг президента!» — вскричал маленький с рыжими усами щеткой. «Но не ваш же»,— возразила я. «Враг президента — это враг народа,— отвечал рыжий.— Потому что президент — народный избранник!»

Это правда. Звиад Гамсахурдиа — народный избранник, за него голосовало 87 процентов избирателей, сакраментальную эту цифру рекламируют на всех углах. Голосовали потому, что — диссидент, борец за независимость и против коммунистов, потому что его имя — первым в списке кандидатов, потому что лидер Круглого Стола, а главное, потому что к моменту выборов не было уже в живых Мераба Костава, самого популярного в республике демократического лидера.

Но правда и другое. Если бы Костава был жив и если бы случилось чудо, и Звиад Гамсахурдиа обошел его, живого и здорового, на президентских выборах, нет сомнения, что сегодня Мераб Костава был бы объявлен врагом народа. Откуда такая уверенность? Оттуда, что в действиях Звиада Гамсахурдиа просматривается очень простая и уже знакомая по истории закономерность: он отсекает всех своих бывших соратников и друзей. Всех до единого. Врагами народа и агентами Кремля объявлены Джаба Иоселиани, Ираклий Церетели, Георгий Чантурия, Нодар Натадзе, Резо Чхеидзе, Тенгиз Китовани, Тенгиз Сигуа, десятки деятелей культуры и науки, с этим почетным клеймом умер несгибаемый Мераб Мамардашвили,— другими словами, врагами президента становятся все мыслящие люди, обладающие авторитетом и твердой позицией.

И особенно горько, что народ, так называемые простые люди, от имени которых вещает сегодня богоподобный Звиад, поносили бы на улицах своего вчерашнего любимца и требовали бы

ему кары, как требуют ее сегодня для всех врагов президента. Почему? Да потому что народный избранник.

Я собственными ушами слышала, как рукоплескала толпа у Дома правительства в ответ на сообщение, что в Москве за участие в путче арестован... Шеварднадзе. Накануне Гамсахурдиа лично сообщил народу, что причастность ненавистного Маккиавели к перевороту практически доказана. И верят. Редактор «Свободной Грузии» Ия Мухранели в сердцах открыла мне страшный секрет, что Чантурия взят, когда летел за инструктажем к Шеварднадзе, ибо вся грузинская оппозиция находится на содержании у Москвы. И верят. Даже не удивляясь, почему официальные органы так упорно отрицают политические мотивы арестов и «шьют» направо и налево безобидную 206-ю... Все как-то глупо, нелепо, нелогично, не стыкуется. Все события прошлой недели в Тбилиси оставляют ощущение паники, ощущение того, что главный герой грузинского трагифарса, попросту говоря, загнан в угол и мечется, истерически круша что под руку подвернется.

22-е. Из Тбилиси передают о новой крови. Перед отъездом в Москву, 19-го, я слышала, как Гамсахурдиа призывал «народ» республики встать на защиту президента и его культа. Как и во всех остальных случаях, он, правда, пользовался эвфемизмом «независимость». И тут вторая, а может быть, первая причина гипноза Гамсахурдиа, существо его личной вариации распространенного среди диктаторов синдрома крошки Цахеса. Он нашел самую болезненную, тонкую и отзывчивую струну своего народа — национальную гордость. Грузия, как и все республики Советского Союза, рвется к суверенитету. А Гамсахурдиа обещает. Независимость — главный лозунг президента. И люди, съехавшиеся из районов с транспарантами типа «Бог защитит законного президента», говорили мне: мы согласны голодать, мы согласны отдать жизнь, мы все перетерпим — нам нужна только свобода. И способен ее дать один лишь Звиад.

Для начала он прервал все связи с советскими республиками, заблокировав Закавказскую железную дорогу. В Грузии настоящий голод. Я езжу сюда, в мой любимый город, много лет и никогда еще не видела такой скудости. Вторым номером объявил всех нас иностранцами. И народ снова поверил, что вот он уже и суверенен, как верит ватага ребятишек своему дворовому атаману, что они — «Команда», а он — Арнольд Шварценеггер.

А теперь, успешно объявив войну антидемократическому Союзу и лично «кровавому иуде Шеварднадзе», великий Арнольд скликает свою Команду на гражданскую войну. И Команда встает под ружье. За независимость. Грузины — против грузин.

В первую ночь в Тбилиси, еще не разбираясь в расстановке сил на проспекте Руставели, мы пришли к Дому правительства и спросили у кучки мужчин, на чьей они стороне. «Как на чьей? — усмехнулся один.— Все мы на одной стороне — на стороне Грузии...» Мы не догадались тогда поставить вопрос иначе: в кого он будет стрелять?

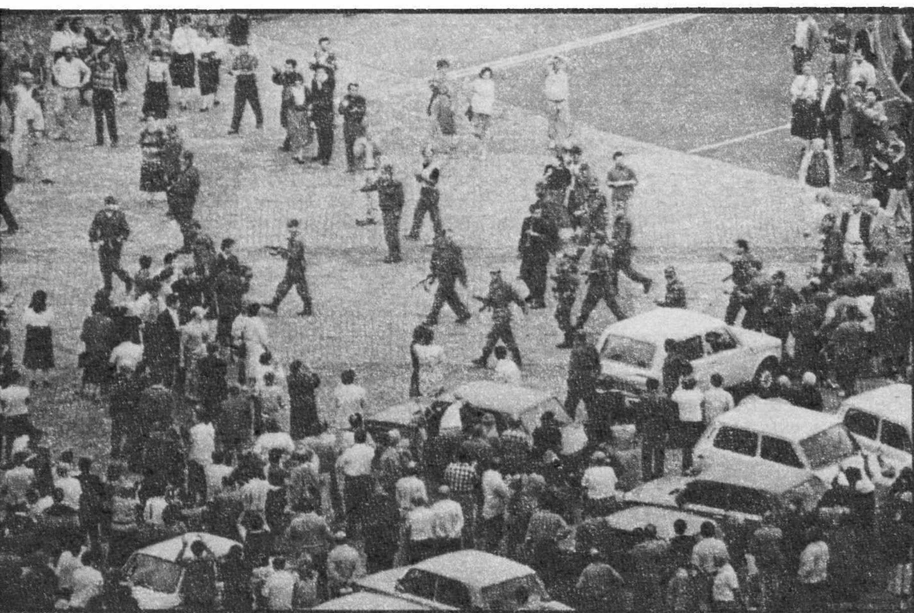
Все центральные газеты напечатали сенсационные разоблачения премьер-министра в отставке, признанного лидера объединенной оппозиции Тенгиза Сигуа о причастности Гамсахурдиа к путчу, о встрече нынешнего министра иностранных дел г-на Оманидзе с Янаевым, о тайной встрече Гамсахурдиа с заместителем Язова Шуралевым по вопросу разоружения национальной гвардии. Я тоже говорила с господином Сигуа, но, к сожалению, сейчас уже интервью потеряло былую эксклюзивность и публиковать его не имеет смысла. Впрочем, на один факт хотелось бы обратить внимание. Сигуа напомнил, что 20 августа в соответствии с указом ГКЧП Гамсахурдиа вызвал своего бывшего друга, главнокомандующего национальной гвардией Тенгиза Китовани и предложил расформировать гвардию, объединив ее с милицией. Китовани отказался. Вечером того же дня по телевидению выступил генерал Патрикеев, командующий Закавказским военным округом, с ультиматумом гвардии сдать оружие в четырехдневный срок. А через час его сменяет в эфире министр МВД Хабулиани и сокращает срок до 24 часов (после чего вся гвардия, за исключением одного батальона, со всем вооружением заняла оборону недалеко от города, в местечке Шавнабада, — надеюсь, у меня будет случай подробнее рассказать о гвардейцах, самой удивительной силе, которую выдвинуло грузинское противостояние). Другими словами, Звиад Гамсахурдиа, борец за национальную независимость, родивший блистательный девиз «свобода — вечером, стулья, простите, демократия — утром!» — при первом же звонке стал немедленно избавляться от единственного вооруженного формирования, которое могло встать на защиту народа.

Думаю, что Тбилиси Гамсахурдиа потерял уже тогда. Но что еще должно произойти, чтобы прозрела провинция, проценты, которые мы так привыкли называть народом? В Германии для этого должно было разразиться поражение в мировой войне.

Гвардия обещала спуститься в город, если прольется кровь. Китовани производит впечатление человека, который держит слово. Думаю, что это будет конец политической карьеры президента. Но — и конец фарса, который станет трагедией. Кровь-то — прольется, а мы уже научены, что никакая демократия ее не искупит.

Тбилиси.

Из интервью
З. ГАМСАХУРДИА 23 августа

— В дни путча здесь никто не проявил верноподданнических чувств к ГКЧП? Спрашиваю об этом не случайно, ибо до меня уже дошли слухи о ваших якобы чересчур крутых мерах по отношению к подобным лицам. Вот и в телеграмме Борису Ельцину от 22 августа вы не скрываете своих чувств...

— Да, у ГКЧП в Грузии нашлись сторонники. В первую очередь это центристские силы Советской Абхазии и самозваные власти так называемой Юго-Осетии. Они поддержали ГКЧП и были готовы следовать всем его установкам.

Чтоб не быть голословным, зачитаю вам только одно предложение из обращения Юго-Осетинского обкома партии и исполкома Совета народных депутатов Юго-Осетии к населению: «Ответственность за судьбу многонационального Союза и здравый рассудок взяли, наконец, верх над авантюризмом и политическим безрассудством». И вот чуть дальше: «Призываем весь народ Южной Осетии поддержать шаги советского руководства и ГКЧП СССР...»

Подобные документы были приняты и абхазским Советом Министров. Подлая, преступная позиция! Мы отдаем их под суд.

— А что с компартией Грузии?

— Ее тоже будем судить. Газета коммунистов «Цховреба» сообщила в дни путча, что ЦК Компартии Грузии поддержал ГКЧП. Прокурор уже вынес постановление о запрещении этой партии.

— Знаете ли вы, уважаемый Звиад Константинович, что и оппозиция выдвигает против вас обвинение? В нерешительности, в...

— ...дружбе с ГКЧП. Угадал? Говорите, говорите уж все, что слышали.

— Да вы сами уже все сказали.

— Оппозиция ради своих политических целей способна на любую ложь и провокацию. В данном случае она использовала фальшивку в «Красной звезде», где якобы со слов командующего Закавказским военным округом Патрикеева утверждается, будто Гамсахурдиа дал согласие выполнять все установки ГКЧП. Абсурд! Подлая клевета... Злопыхателей не остановило даже опровержение самого генерала Патрикеева: он, естественно, ничего подобного не говорил.

— Главный урок путча?

— Наших просчетов я здесь не вижу. Мы твердо стоим на своих позициях, боремся за независимость. Происшедший переворот еще больше укрепил нас в сознании правильности избранного курса. Думаю, теперь многие республики провозгласят свою независимость. А вот центру надо серьезно подумать о случившемся. Вспомнить Тбилиси, Баку, Вильнюс. Вспомнить Сумгаит... Если бы тогда своевременно была дана оценка злодеяниям, то не пролилась бы кровь на улицах Москвы.

Вспомните, когда генеральный прокурор Трубин бессовестно заявил, что 9 апреля в Тбилиси ничего особенного не произошло, то народные депутаты не потребовали его отставки, не призвали к ответу за надругательство над безвинными жертвами. А безнаказанность рождает жестокость. Безнаказанность и равнодушие. Вот главный урок, который нужно извлечь из случившегося.

Из телефонного интервью
З. ГАМСАХУРДИА 2 сентября

— Что случилось в Тбилиси?

— Последние события и резко изменившаяся ситуация в СССР вскрыли несостоятельность и ложность политических концепций ряда оппозиционных партий Грузии, в частности Национально-демократической партии Г. Чантурия. Не найдя почву для дальнейшей пропаганды своих идей и чувствуя, что с достижением Грузией подлинной независимости им угрожает окончательный распад, эти партии 2 сентября перешли к открытой борьбе, призывая своих сторонников к свержению законного правительства Грузии и захвату власти. Дестабилизация общества, по их мнению,— лучший способ для достижения своих целей.

Во время провокационного митинга группа приверженцев Г. Чантурия, перекрыв центральную магистраль города, не давала возможности милиции поддержать порядок и всяческими ухищрениями пыталась спровоцировать столкновения с ней, снимая нужные им кадры с помощью видеокамеры. К сожалению, это им удалось: с обеих сторон есть покалеченные.

— Как достичь мира, как избежать в будущем подобных инцидентов?

— Коль скоро эти партии не откажутся от своих амбициозных притязаний, народ Грузии, следуя мудрым заветам своих предков о единстве всех сил в борьбе с врагом, должен сплотиться для оказания отпора тем деструктивным силам, которые тормозят торжественное шествие нашей страны к независимости и вносят раскол в наше общество. Показанные по союзному телевидению кадры, заснятые 2 сентября оппозицией, и комментарии, которые их сопровождали, показывают, что центр не только заинтересован в дестабилизации политической обстановки в Грузии, но всячески подстрекает деструктивные элементы в нашей республике и направляет их по угодному центру руслу. Это тот же нажим, который осуществляется в Прибалтике: у нас нет интерфронта — эту обязанность должны выполнять так называемый «Национальный конгресс» и люди, жаждущие вернуть коммунистический «порядок». Их попытки, однако, тщетны и обречены на провал. Достижение мира и обретение подлинной независимости Грузии — в руках самого грузинского народа, а я надеюсь на мудрость и решительность моего народа.

Г. МАРТИРОСЯН

ИЗ ПОЧТЫ ОДНОГО ДНЯ

В связи с победой над ГКЧП, его пособниками и покровителями хочу, чтобы вы поостерегли читателей от излишней эйфории, так как августовская победа демократических сил не является окончательной. Была затронута лишь вершина айсберга бюрократических и мафиозных структур, тормозящих прогресс в стране.

Э. ЗВЕРОВИЧ
Минск

Все, о чем писал «Огонек», отнесенный необольшевиками к «желтой» прессе, свершилось. Может быть, и хорошо, что так произошло, иначе мы бы еще неизвестно сколько времени топтались на месте, а Горбачев, как котенок, тыкался в кошку-КПСС, набирая оттуда кадры. Сейчас испытываю чувство большого удовлетворения, хочется лучше и больше работать, что-то сделать, для того чтобы быстрее пройти путь к нормальному обществу.

П. ПЛАТУХИН
Харьков

3 сентября с. г. смотрел по ТВ интервью с В. Жириновским. Казалось бы, этот человек полностью дискредитировал себя во время путча и никогда больше не появится на экранах наших телевизоров. Нет, жив курилка! Он вещает с тем же пафосом, на этот раз осуждая ГКЧП, но с несколько иных позиций: оказывается, ГКЧП потерпел фиаско лишь по той причине, что в его состав не был включен сам Жириновский (!), за которым, вне всякого сомнения, пошел бы народ. Лавры Герострата не дают спокойно спать Владимиру Вольфовичу.

С. ПАВЛОВ
Красноярск

Я давно и горячо симпатизирую А. Н. Яковлеву. Рада, что он сохранил себя в сложившихся обстоятельствах или даже судьба его для нас сохранила. Умных людей всегда хватает, но справедливые, добрые, совестливые в политике скорее исключение, чем правило.

Г. ЧЕРЕДНИЧЕНКО
Санкт-Петербург

Расцениваю отказ А. Н. Яковлева, Э. А. Шеварднадзе и Г. Х. Попова войти в состав Совета безопасности как ничто иное, как завуалированно высказанное недоверие Президенту Горбачеву.

В. ГЕРШОВ
Винница

Предстоящий суд над членами ГКЧП должен превратиться в суд над партией, своего рода Нюрнбергский процесс. Такой суд просто необходим, и не только нам, но и грядущему поколению.

С. АЛЕКСАНДРОВ
Тверь

Бесконечно рад победе демократии, свободы и здравого смысла. Жизнь приобретает нормальный человеческий облик. И в этом огромная заслуга Бориса Николаевича Ельцина. Хотелось бы, чтобы, сохраняя решительность и принципиальность в своей дальнейшей деятельности на благо народов России, Борис Николаевич не потерял чувства меры, не перешагнул бы «планку демократичности».

А. КИРЬЯНОВ
Кунгур Пермской области

■

Мы сегодня говорим о «нерешительности» Президента страны, его уступках реакции. А уверены ли мы в том, что, прояви он годом-двумя раньше неуступчивость в определенных вопросах, правый переворот не произошел бы еще тогда, когда общество гораздо меньше было готово к защите? Уверены ли мы в том, что при каждом кажущемся нам странным назначении на высшие должности в спину Президента не упирался пистолет «черных полковников», а главное, тех, кто за ними стоит? С угрозой все того же переворота.

Разве не шел он, как в песне Высоцкого, один по канату, стремясь пройти «четыре четверти пути», не сорвавшись? И не ради себя. А разве не было так, что мы сами затрудняли Президенту движение вперед, не желая подниматься с колен? Достаточно вспомнить референдум о сохранении Союза, когда нам была дана возможность сказать «нет». А мы, 76 процентов из голосовавших, сказали «да», прекрасно зная, что те, кто преобладал тогда во властных структурах, никакого «обновления» Союза не допустят. И не случайно одним из аргументов заговорщиков стали результаты референдума.

Все это говорит о том, что не следует спешить с обвинениями в адрес Президента страны. Можно с ним спорить, в необходимых случаях твердо настаивая на своем, но никогда нельзя забывать, что этот человек сделал для страны и мира.

Н. БОГДАНОВ,
участник
Великой Отечественной войны
Киев

■

В связи с известными переменами в нашей действительности, к которым, судя по всему, можно отнести и перемены в оценке и трактовке многих межнациональных конфликтов, хотелось бы узнать официальное мнение нового министра обороны СССР по вопросу, общему для многих разжалованных и уволенных офицеров и прапорщиков в связи с их отказом убыть в районы, объявленные правительством СССР на особом положении.

При этом официально, под козырек, никто не ставил. Просили... Принимались в оправдание отказа любые аргументы, вплоть до насморка. Один не был принят: осуждение использования армии во внутренних делах и конфликтах, то есть несогласие с официальным курсом. Вообще-то отказываться трудно. Во-первых, пошлют твоего товарища, во-вторых, не иначе как трусом назовут и начнут везде склонять. Но начинать-то надо когда-нибудь. Афганистан меня кое-чему научил. Ну и начал.

А вот итог: командующий Одесским военным округом разжаловал меня в рядовые, а командир части как рядового по дисциплинарному уставу и уволил. Ни тогдашнее членство в КПСС, ни 17 лет выслуги не были приняты во внимание.

Так вот, хотелось бы знать, могут ли надеяться прошедшие этот «классовый» отбор военнослужащие на восстановление в своих законных правах — должность, звание, выслуга и т.д.?

Э. ВОЛЯНСКИЙ,
бывший командир танка
и прапорщик
Тирасполь

■

Высылаю вам номер нашей районной газеты «Знамя труда», где говорится о том, что в нашем Красночикойском районе Читинской области установлена дневная норма продажи хлеба на человека — 200 граммов и что в дальнейшем следует ожидать уменьшения этой нормы до 100 граммов. Такого мы не знали даже в тяжелые годы войны. Если еще добавить, что хлеб у нас продается не в хлебном магазине, как было раньше, а в продовольственном вместе с другими продуктами (200 граммов селедки, 500 граммов сахара, 200 граммов крупы, другие продукты в месячном рационе, достаточном разве что для кошки), нерегулярность завоза хлеба в магазины, отсутствие хлеба по выходным дням, то каждому будет понятно настроение людей в очередях.

Может, кто-нибудь ответит: что это за экономическая программа и какую цель преследуют вечно ненаказуемые ее исполнители?

Ф. МАЛКОВ,
ветеран войны и труда

■

Я, бывший партаппаратчик, в настоящее время, как вы понимаете, безработный... Мне нет еще и пятидесяти, я полон сил, энергии, здоров. Специальности (в прошлом комсомольский работник, затем закончил ВПШ) или какого-нибудь ремесла, как, например, бывший секретарь компартии Литвы В. Швед, не имею.

Один из чиновников Московской биржи труда высказался, что жалеть таких, как я, мол, нечего: и деньжонок поднакопили, и связи остались. На недостаток денег до сих пор не жаловался, но не скажу, что скопил какой-то капитал: для этого надо было брать взятки. Связи... Да, были друзья, знакомые, деловые связи. Но о каких связях можно говорить сейчас! Кому я и мне подобные теперь нужны, когда от нас уже ничего не зависит? Если даже близкие друзья не звонят, а уж так называемые «деловые люди» и вовсе теперь постараются откреститься от столь сомнительных в наши дни связей.

Так что передо мной два пути: или идти в истопники, что в условиях наступающей безработицы почти нереально, или в рэкетиры, что более перспективно.

Поймите меня правильно, я ни в коей мере не хочу вызвать жалость к себе и к своим коллегам, но следует помнить, что всякое подавление, угнетение вызывают ответную реакцию. А в этот смутный период нашей страны, когда необходима консолидация всех, подчеркиваю, всех сил — и правых, и левых,— пусть, наконец, «худой», но мир, нужно подумать и о нас. Организаторский опыт, деловые навыки таких, как я, могут еще пригодиться.

По понятным причинам не хотелось бы подписываться своим именем.

В. Г-ов
Москва

■

Не пользуйтесь услугами Госстраха — это организация нечестная и мошенническая. Думаю, что разумного человека должно отпугнуть само название — ГосСТРАХ. Моего мужа и меня, к сожалению, не отпугнуло. Мы два с половиной года тому назад застраховали пенсию, то есть в течение нескольких лет обязались платить ежемесячно довольно крупную сумму, с тем чтобы, выйдя на пенсию, ежемесячно получать по 50 рублей прибавки к пенсии. В условия страховки входило удержание 8 процентов выплаченной суммы в случае разрыва договора.

После второго апреля мы решили, что нам, во-первых, будет затруднительно выплачивать по 111 рублей в месяц, а во-вторых, прибавка к пенсии 50 рублей практически полностью съедена инфляцией. Я навела справки в Госстрахе, где мне объяснили, что никакая индексация добавочной пенсии не планируется, и поняла, что 50 рублей через два с половиной года хватит разве что на три чашки кофе. Мы с мужем решили прервать договор страхования, так как хотя он и не нарушен по форме, но полностью нарушен по сути.

Каково же было наше удивление, когда мы узнали, что нас наказывают еще на кругленькую сумму. Вопреки Указу Президента о компенсации всех видов денежных вкладов, находящихся в государственных учреждениях к 1 марта 1991 года, Госстрах платит компенсацию только тем, кто продолжает договор страхования, а тех, кто этот договор прервал, обворовывает в размере компенсации. Таким образом, нас с мужем «нагрели» на 1200 рублей, не считая 8 процентов.

Теперь появляются альтернативные страховые компании, может быть, они честнее, а Госстрах — организация жульническая, с ней дела иметь нельзя.

И. ТЕТЕЛЬБАУМ
Киев

■

В последнее время участились публикации, посвященные восстаниям политзаключенных ГУЛАГа. Начало было положено А. И. Солженицыным, посвятившим восстаниям в лагерях несколько глав «Архипелага», отдал дань им в своих воспоминаниях и Варлам Шаламов, в этом году во многих газетах («Комсомольская правда», «Казахская правда» и др.) появились публикации о Кенгирском восстании 1954 года. Пишутся статьи, в Джезказгане прошла конференция бывших заключенных Степлага — участников и свидетелей Кенгирского восстания.

Между тем одно событие из этого ряда, по-видимому, самое первое, до сих пор остается в тени. Речь идет о восстании заключенных лагпункта «Лесорейд» Воркутлага, располагавшегося в районе села Усть-Уса Коми ССР. Восстание началось 24 января 1942 года. В нем участвовало более сотни заключенных лагпункта и других лиц, а последний бой, приведший к гибели М. А. Ретюнина и других руководителей повстанцев, произошел 2 февраля. У Солженицына этому восстанию посвящено всего несколько строчек, полстранички написано в воспоминаниях Л. М. Городина «Одноэтапники» (альманах «Чистые пруды», изд-во «Московский рабочий», 1990 г.). И только недавно в молодежной газете Сыктывкара начали появляться первые публикации.

Почему же так произошло? Почему замалчивается одна из первых, если не первая попытка заключенных ГУЛАГа с оружием в руках заявить режиму о своем нежелании пребывать в состоянии рабской покорности? Да по той простой причине, что абсолютно все участники и множество свидетелей погибли в боях

или были расстреляны после разгрома восстания, а оставшиеся в живых были запуганы так, что молчат до сих пор. Среди погибших в одном из боев был и мой отец, Стройковский Константин Александрович, осужденный в 1936 году в Ленинграде особым совещанием НКВД на 5 лет за «участие в троцкистской организации на Ижорском заводе». Сейчас осталось, по-видимому, только «Дело», находящееся в закрытом архиве и, очевидно, трактующее события, связанные с восстанием, с позиций следователей НКВД. Поэтому я обращаюсь к родственникам погибших, к свидетелям и очевидцам тех трагических событий, к бывшим узникам лагеря «Лесорейд» — откликнитесь. Нельзя допускать, чтобы имена наших отцов, безвинно погибших в те трагические годы, канули в Лету. Через четыре месяца исполнится 50 лет со дня их гибели — людей, предпочевших умереть стоя. Надо собрать и опубликовать свидетельства лиц, знавших восставших, располагающих любой информацией о происшедших в Усть-Усе событиях.

Писать можно по адресу: 470032, Караганда, ул. Ержанова, д. 47/2, кв. 88. СТРОЙКОВСКОМУ Александру Константиновичу.

■

Мне 85 лет. Я вдова репрессированного в 37-м году, а после XX съезда КПСС реабилитированного члена Союза писателей СССР, автора книг о молодежи и для молодежи, Василия Даниловича Нефелина (Нагорского).

Муж возвратился из ссылки с туберкулезом и умер в 1968 году. За это время не переиздана ни одна его строка. В республиканском музее-архиве литературы в Киеве лежат никому не нужные его лагерные рассказы. В 1993 году истекает срок моего авторского права, которым за 25 лет я не воспользовалась ни разу.

В 1987 году по случаю открытия мемориальной доски в память о Нефелине на Остерской средней школе, где он 40 лет проработал учителем литературы, я передала его книги в киевское издательство «Днiпро» для переиздания хотя бы какой-то доли. Почти пять лет издательство кормило меня обещаниями, надеясь, видимо, что долго я не протяну, а сейчас возвратило книги под тем предлогом, что нет бумаги.

Майский выпуск республиканского журнала «Днiпро» сообщил о том, что в ближайших номерах начинает публиковаться «Майн кампф» Адольфа Гитлера. Для этого автора и бумага нашлась.

М. НАГОРСКАЯ-ЛЕХМАН
г. Остер
Черниговской области

■

Некоторые падкие до сенсации и жаждущие прославиться журналисты не только сами попадаются на крючок, но и нас приобщают к «великой тайне». Я имею в виду передачи телесериала околонаучного детектива под названием «НЛО. Необъявленный визит». Проблема уфомании давно вышла за рамки чисто научного интереса и все более и более принимает социально-политическую окраску. Средствами массовой информации, особенно телевидением, искусственно разжигается нездоровое любопытство обывателя ко всему необычному, загадочному, мистическому. Закономерно, что всегда в смутные, тяжелые для народа времена возникали вспышки интереса к оккультизму. Но почему же в наше просвещенное время люди, считающие себя не только образованными, но и культурными, усиленно вбивают в головы народа всякую чертовщину? Ясно одно — раз это делается, значит, это кому-то выгодно. А кому? Видимо, кто платит, тот и заказывает музыку.

Я не отрицаю наличия НЛО и того, что в природе реально существуют пока неразгаданные, непознанные явления. Но это не значит, что на один процент фактов наблюдений неизвестного нужно приплетать 99 процентов домыслов ради одной-единственной цели — урвать кусок славы и погреться у костра нездоровых человеческих страстей.

Я понимаю в общем-то малообразованных людей, несмотря на наши прежние уверения о всеобщей грамотности, им простительно стремление верить хотя бы во что-то, хотя бы в чудо. Но как понять тех, кто обязан нести нам свет и культуру, лелеять пока еще редкие ростки просвещения, кто ответствен перед историей за культурный уровень нации и в конечном счете за ее будущее?!

А. ВАРЛАМОВ,
старший механик
Балтийского морского пароходства
Выборг
Ленинградской области

■

30 июня в воскресенье по 2-й общесоюзной программе ЦТ был показан конкурс, правда, уже не красавиц, а конкурс «Учитель года, 1991».

Конечно, заимствовать у Запада то положительное, что оправдало себя жизнью, совсем не грешно, даже полезно. А в данном случае? Аналогичный конкурс прошел в США. Учительница года из США была в Москве, ее даже благодаря усилиям газеты принял Президент страны. И, конечно же, чем мы хуже? Но при этом забыли о состоянии образования и его уровне в США и в СССР, о положении учителя там и тут и пр. Нам бы выбраться из той ямы, в которой оказалось народное образование, а уж потом и конкурсы организовывать. Это, так сказать, по существу.

А теперь — по форме. Если бы не название конкурса, то можно было подумать, что это очередная «тусовка» клуба веселых и находчивых. Здесь было все: песни под гитару, танцы, рисование, чтение стихов — чужих и своих, вопросы на сообразительность. Но не было главного: если это конкурс учителей, то, следовательно, нужно выявить, кто из них лучше может донести знания по своему предмету. А это можно сделать, только выяснив уровень знаний учащихся. Но это задача совсем не простая, ибо любые показательные уроки (отрывки из которых были показаны), а тем более когда присутствует ТВ, куча учителей,— сплошная фикция (знаю по своему опыту, сам неоднократно давал показательные уроки).

Так вот, я лично не умею ни писать стихов, ни плясать, ни петь и, следовательно, согласно условиям этого конкурса был бы, наверное, на последнем месте. Хотя мои ученики, сдававшие экзамены в вузы, ниже четверки не получали. Что же касается учителей, которые соревновались за звание лучшего учителя страны в текущем году,— я отнюдь не хочу обидеть своих коллег, скорее всего они прекрасные учителя,— то я даже не сразу понял, кто какой предмет ведет. И вообще собирать в одну кучу физика, литератора, учителя труда и сравнивать, кто из них лучший, на мой взгляд, полная бессмыслица.

Короче говоря, мне было стыдно за это рекламное (организаторы конкурса, видимо, таким путем хотели поднять престиж учителя) шоу, организованное когда-то прекрасной «Учительской газетой», которая, к сожалению, поменяла не только форму, но и содержание.

В. ГОРБАНЕВ,
учитель
Москва

■

Мне 60 лет, и сейчас я невольно оцениваю свою прожитую жизнь. У меня высшее образование. Я любила свою работу. Муж — майор в отставке. Мы не бедствовали. Почти год муж был в Индонезии, поэтому в 66-м году мы купили «Волгу». Есть она у нас и сейчас, есть и гараж, и «дача», то есть загородный садогород с фанерно-картонным курятником. У нас трехкомнатная квартира улучшенной планировки, ковры, хрустальная посуда, цветной и черно-белый телевизоры, холодильник, магнитофон. У нас два сына, оба получили высшее образование.

В общем, по меркам нашего правительства, мы богатые. Многие из соседей нас тоже считают таковыми, завидуют нам, тем более что в семье никто не пьет и не курит.

Раньше я тоже считала, что жизнь моя удалась. И вот в 60 лет подвожу итог заново. Какая моя самая заветная мечта была в жизни? Выспаться. Я даже радовалась, если попадала в больницу, так как могла поспать вдоволь. А забота была — как свести концы с концами, рассчитаться с долгами после очередной крупной покупки, где купить одежду, обувь для подросших сыновей, где мясо достать.

У меня пальто с чернобуркой, шапка норковая, но чулки при этом штопаные-перештопаные, ночная рубашка самая дешевая, наволочки сшиты из клочков и т. д. В кино билеты — подешевле, в театр — пореже, и так всю жизнь. В санатории на экскурсиях не бываем, не фотографируемся, в рестораны тем более не ходим. Если деньги есть, то тратим на покупки для дома. Мы с мужем на пенсии, но оба работаем. Я часто болею, склероз. Привыкла жить в очередях. Давят? Ну и что, задавят и конец, избавление от такого «благополучия».

ФЕДОРЦОВА,
Тверь

■

Из средств массовой информации узнал об идущей в стране реабилитации жертв сталинского террора. Но она касается главным образом «больших людей», деятелей партии и государства. Большинство же репрессированных не имеют на руках документов, удостоверяющих, что они прошли ад ГУЛАГа. Такая реабилитация, растянутая на десятки лет, для многих заканчивается словами: «Реабилитирован посмертно».

Вот и я через полвека с лишним со дня ареста, считая себя и тогда, и сейчас невиновным в том вреде, который якобы нанес советской власти, решился напомнить о себе. И из Прокуратуры РСФСР получил уведомление, в котором говорится: «...Признано, что приговор... является необоснованным. Однако задержка с направлением в Верховный суд РСФСР дела с протестом объясняется тем, что... не принят Закон о порядке применения Указа Президента СССР от 13.08.90 по вопросу реабилитации репрессированных граждан».

Не понимаю. Значит ли это, что процесс реабилитации после Указа Президента откладывается до лучших времен? Уж не существуют ли в верхах люди, которые не прочь подождать, пока тех, кому материальные компенсации действительно полагаются, останется совсем мало? Если ж подобные мысли у меня от лукавого, то, может, более здрава мысль о том, что следовало бы рассматривать реабилитационные дела не только быстрее, но и в хронологическом порядке — сначала 20—30-е годы и т. д.

П. Ш.
Ташкент

■

Молодой, стройной, симпатичной девушке нужна помощь торговых предприятий, инофирм. Дело в том, что у меня размер обуви 43 (27,5). Наши фабрики экономят на коже и не шьют обувь больших размеров. Импортная обувь, конечно, бывает, но вот вопрос: где ее купить? Хожу пока в мужской, потом — босиком, наверное... А скоро — зима! Помогите, кто сможет. Я куплю.

Ирина ПРОКОПОВИЧ
121087, Москва,
ул. Береговой проезд,
д. 9, корп. 1, кв. 10

ПОЗДРАВЛЯЕМ

Лучшей публикацией в августе этого года признана статья Леонида Никитинского «Последний диссидент» (№ 34). Мы поздравляем Леонида Никитинского с присуждением ему премии американской фирмы КОМПЬЮТРЭЙД ИНТЕРНЭШНЛ.

БОЛЬШАЯ РЫБАЛКА

Александр БОЛОТИН,
Владимир МАШАТИН
(фото)

К Сахалину пришла большая рыба. Это событие! Серое августовское небо изредка роняет капли дождя, словно рыдает от умиления, глядя на переполненные хвостами горбуши кунгасы, идущие к берегам, низко опустив, как говорят рыбаки, скулы в воду, и весь остров будто звенит от азарта добычи, готовый днем и ночью черпать из бездонных глубин живое, пульсирующее, остро пахнущее морем серебро. Редкая удача или серьезное испытание?

Невольно вспоминаешь великую заповедь В. Гюго о трех силах, с которыми человеку постоянно приходится вести борьбу. Эти силы — религия, общество, природа. «...человеку должно верить — отсюда храм, должно созидать — отсюда город, должно существовать — отсюда плуг и корабль. Решая тройную задачу, он вступает в тройной поединок». Бог милостив, и случаются исключения из великих правил. Во всяком случае, здесь, в этой точке земного шара. Сегодня, сейчас... В нынешний год Мать-Природа расщедрилась, широко распахнула свои тайники, и кажется, что теперь спокойно и мудро созерцает, как распоряжается этим богатством человек. Но благоразумен ли, мудр добытчик?

На акватории залива Мордвинова в юго-восточной части острова Сахалин, там, где в Охотское море, словно вода через краешек блюдца, переливается озеро Тунайча, разбивают волну большие и малые суда, мечутся, запутываясь в ловушках сетей рыбные косяки, с надрывом кричат люди и чайки, переговариваются в эфире десятки радиостанций, всхлипывают устало корабельные гудки, будто дробят на слоги и без того короткое, тревожное, как удар хлыста, слово — путина! В проклятиях и слезах радости разыгрывается драматическое действие, скучно именуемое в официальных документах «Лососевая экспедиция-91».

Чувство сопереживания в этом прекрасно поставленном природой спектакле рождается не сразу, трудно вот так запросто войти в дело, которое потрясает близостью к стихии, будто творят его не люди, а боги в оранжевых робах на фоне серого моря, и даже самый тщедушный мужичонка-рыбачок со стертым лицом, на котором и глаз-то не задержится где-нибудь в пивной Корсакова или Холмска, вдруг предстает великаном, оседлавшим морскую пучину, а ты в своих цивильных кроссовках и джинсах всего лишь пассажир бригадирского катера, случайный попутчик на празднике жизни, где много мужской силы и хриплого мата, где сон урывками

и еда на ходу, где молятся и верят в удачу, где люто ненавидят и трогательно любят свой каторжный труд.

Нынешняя суетня, однако, запрограммирована. Еще в начале года сахалинские рыбоводы и океанографы предсказали огромный вал лососевых, который обрушится на остров. Называлась и рекордная цифра планируемого вылова, примерно 80—85 тысяч тонн. Созданный облисполкомом штаб, координирующий стратегию и тактику путины, охрип на бесконечных заседаниях: учитывались ошибки прошлых лет, изыскивались резервы, проверялось наличие вспомогательных материалов, завозились горючее, тара, соль... Вроде бы поди застань кого-нибудь врасплох... Но реалии жизни, как всегда, оказались чуточку прозаичнее и жестче теоретических наметок и кабинетных расчетов. К известному нашему, глубоко почитаемому в России головотяпству добавились проблемы, в определенной степени отмеченные печатью времени.

Бригадир Анатолий Осадчий представляет компанию «Тунайча» — самостоятельное многопрофильное предприятие, одно из тех, которые с благословения председателя облисполкома Валентина Петровича Федорова впервые в этом году получили возможность свободно распоряжаться своим трудом. Красивого, сильного мужика Анатолия, по натуре крайне невозмутимого, в тот день, когда мы побывали на промысле,

трудно было узнать. Оказывается, ночью кто-то порезал систему неводов, проложенную вдоль берега моря. Мало того, что ушла накопленная рыба, теперь потребуется немало времени на ремонт и восстановление снасти. Кому и зачем понадобилась эта доселе неслыханная диверсия? Пока никто не пойман за руку, пока никто не вор, но элементарная логика может кое-что подсказать. Рядом ведут лов колхозные рыболовецкие бригады. (По аналогии: на одном поле пашут фермер и колхозник.) Один — полный хозяин орудий лова, своего труда, своей добычи, другой — работник, привычно нанятый за зарплату. Умышленно не привожу цифр, показывающих разницу в достигнутых результатах тех и других. Пощажу самолюбие людей, для которых ничего в этой жизни не изменилось, все осталось по-старому, прошел день рабочий, да и ладно... Но, как видим, доброй конкуренции не получается.

— В самую точку ударил злодей,— еще раз вздыхает Анатолий.— Убытки? Один взмах ножом — и триста тысяч рублей как Фома шилом сбрил...

Однажды жена Татьяна подарила бригадиру репродукцию картины с изображением рыбной ловли. «А на продавца ты сам похож,— добавила,— такой же косматый...» Я видел эту картину на бригадирском стане, в маленьком вагончике на берегу моря. «Вот глядите,— просвещал меня Анатолий,— здесь все есть: горбуша, кета, кежуч, чавыча, нерка, краб, кальмар, сом, осетр, карась, судак — все, что водится в наших морях, реках и озерах. Даже морская собака есть, жаль, что нельзя приучить ее сети охранять. Да и ловить рыбу русский человек как никто умеет... Почему же на прилавках рыбных магазинов совершенно пусто? Куда пропадает эта наша рыба?»

Я вспомнил о заветной мечте сахалинского губернатора Валентина Федорова, который спит и видит превратить остров в этакий рыбный цех страны, ежедневно отправляющий на материк воздушные эшелоны со свежей продукцией, с самыми изысканными продуктами моря, о которых за многие годы и как они выглядят забыл российский человек. Неужели когда-нибудь накормим рыбой все области России?

А пока мотоботы и морозильные сейнеры перекачивают живой серебристый груз в могучие трюмы стоящих на рейде плавучих баз. Приветливо мигает огнями «Рыбак Балтики» — судно водоизмещением 20 тысяч тонн. Несколько непривычное ощущение... Качаемся в люльке над морем, как попугаи в клетке, прежде чем ступаем на его твердую палубу. Это корабль-завод. Капитан Владимир Рользинг показывает технологическую цепочку: здесь рыба замораживается, разделывается, солится... Здесь в довольно сложном процессе готовится икра. Здесь этот деликатес пакуется в ладные деревянные бочки. А дальше?.. А дальше все утопает в таком простом и таком сложно загадочном слове, как госзаказ. Груз предназначен не конкретным жителям Брянска, Тулы или Иркутска, а всему абстрактному государству, точнее, его пока до конца не познанному механизму распределения. Кто возьмется посчитать все ступеньки гигантской лестницы, ведущей от сахалинского рейда до прилавка районного магазина где-нибудь в российской глуши?

Впрочем, нелегкая и запутанная судьба сахалинской горбуши начинается уже здесь, на острове, который, к сожалению, и себя пока рационально, по-хозяйски кормить не научился. Какие ломались копья на заседаниях штаба, чтобы исключить возможность гибели рыбы в пиковый заход ее в реки на нерест! Но вот настал решающий момент, и снова повторились ошибки прошлых лет. Я верю в деловой настрой руководителей области — председателя облисполкома и его заместителя В. Мухина, отвечающего за ход путины, в их искреннее желание круто повернуть дело к лучшему, и тем более обидно, что и в этом году на сахалинских реках можно было видеть скользящие по течению бесшумные косяки мертвой рыбы. Кто в этом повинен? Аварийные выбросы промышленных предприятий, нерасторопность контрольно-наблюдательных постов и передвижных групп, недостаточная сеть рыбопропускных сооружений?..

На эти вопросы еще предстоит ответить. Хотя некоторые «герои» рыбной жатвы уже известны. В самый критический момент путины выяснилось, что Корсаковский рыбозавод стоит. Его директор запил, один зам ушел в отпуск, другой — срочно уволился. Председатель горсовета делает вид, что ничего трагического не произошло, и покрывает виновных. Об этом можно было слышать и в коридорах облисполкома, и в очередях местных магазинов. Народ начальникам подобные шутки не прощает.

А на реках в воскресные дни творилось столпотворение. Рыба сошла с ума, вырываясь на нерест, даже старожилы такого напора не припоминают. Люди, казалось, тоже потеряли рассудок от обилия горбуши. Не погибать же добру, а потому полезли в воду от млада до стара. Ловили сетями, самодельными сачками, мешками... Великий лозунг социализма «Хватай сколько можешь!» получил здесь наиболее яркое воплощение. И хватали, и хапали. Над берегами сахалинских рек витало это сладкое слово: «Халява!»

А ведь браконьерский беспредел легко устранить. На реке Очепухе организовали продажу горбуши, пускай за символическую цену, но продажу — хотя бы из уважения к ее лососевому происхождению. И порядок был полный, и люди сказали «спасибо!».

А потом наступало пресыщение. В дворах жилых домов Южно-Сахалинска появился нехороший запах. Интерес сосредоточился только на самках с красной икрой, особей мужского пола местные гурманы начали потихоньку отправлять на помойки. Представляю, как подобная информация может быть воспринята в глубине России, где люди годами не видят красной рыбы. Но это реальность, от которой никуда не уйдешь. Крепко сидит в каждом из нас психология сиюминутного потребительства.

...А плавбазы все уходят и уходят в промысловые зоны. Ночью весь рейд залит огнями, от берегов Японии доносятся теплые ветры, кажется, что большие влажные звезды цепляются за мачты судов. В эти часы забываются заботы о хлебе насущном, разливаются покой и уют, а в сонных кубриках громко тикают ручные часы. И снится, наверное, бригадиру Толе Осадчему рыбное изобилие с картины известного фламандского живописца Франса Снейдерса или песчаные отмели залива Мордвинова, похожие на знаменитые пляжи Копакабаны, где юный Пеле когда-то отрабатывал свои непревзойденные финты, и кажутся корабли не гулкими железными коробками с рыжими подтеками ржавчины на высоких бортах, а легкими гриновскими корветами, пронизанными от брашпиля до юта солнцем и синью моря.

Сахалин просыпается загадочно и тихо, будто несуетливый мастеровой примеривается к полному напряженных тревог рабочему дню, и так же неторопливо уходит на очередную добычу. Здесь, на краю земли, особенно остро ощущаешь мощь и величие нашей державы, все ее богатства, и что все у нас есть и все у нас будет, и так же остро понимаешь, что, пока в южно-сахалинских дворах стоит нехороший запах, ничего у нас нет и никогда ничего не будет, потому что изобилие еще не гарантия удачи. Помните, как у Хемингуэя. «Кто же тебя победил, старик? — спросил он себя.— Никто,— ответил он.— Просто я слишком далеко ушел в море».

Вот и я об этом. Не заблудиться бы в море...

Илья ЦЕНЦИПЕР

ДОМАШНИЕ РАДОСТИ

В выставочное пространство «Библиотеки безумцев» выбросили то, что никак не предназначалось для показа: милый домашний мусор, частные архивы, завалявшиеся по сусекам после генеральной уборки, проведенной нашими аккуратными иностранными друзьями. Это была выставка книг художников, написанных-нарисованных, как правило, в единственном экземпляре, ради шутки, для подарка. Лишь немногие делались для показа, как альбомы Кабакова, или для типографского тиражирования, как последние книги Тишкова.

Когда несколько лет назад мне впервые подарили такую книжку, я долго не мог понять, куда ее деть. На стену под стеклом не повесишь. На полку не поставишь — жаль зажать, потерять ее между типографскими кирпичами. Положить на стол (на специальный пюпитр?) — как-то слишком торжественно и места нет. В конце концов я сунул книжку в ящик письменного стола — к письмам, фотографиям и всякому смешному барахлу, которое жалко выкинуть.

«Библиотеку безумцев» Юля Кисина и Сергей Радлов сделали в тот момент, когда книжки художников превращаются из обаятельного семейного развлечения, привлекательного своей неприменимостью, незаметностью в качестве какого-то специального вида или жанра, в искусство среди искусств, серьезное вполне занятие, обрастающее традициями и организациями, подлежащее обсуждению, фотографированию, репродуцированию, описанию, штемпелеванию на вывоз из страны, объяснению, показу и продаже.

Уже существует по крайней мере два московских издательства, занимающихся «авторскими» книгами,— одно хорошее, «Даблус», и одно плохое, «ИМА-Пресс». «Синтаксис» печатает русских художников в Париже; крупная фирма «Рихерт и К°» финансирует выставку, о которой идет речь; организуется галерея, пишутся статьи, а на искусствоведческом факультете Московского университета даже был защищен диплом.

В связи с такими книгами принято вспоминать альбомную культуру прошлого века, книги футуристов, самиздат. Однако большинство выставленных художников, кажется, не очень беспокоится о традициях и особенностях такого письма — бытового, частного, содержащего понятные только своим намеки, обращенного к тому, чье имя заранее известно. Делались работы просто, как Пушкин в альбомы писал,— в никуда, не примериваясь к собранию сочинений, а кому — вот для А. О. Россет, а вот для А. И. Вульф.

Работы Юли Кисиной, собравшей «Библиотеку безумцев»,— наилучший пример такой книги. В них присутствуют друзья и знакомые, поучения и сентенции, иностранные слова и выражения — обрывки услышанного сквозь дверь table talk, превращенного в экзотическое собеседование. Книжки Кисиной — подарки, игрушки: страницы покрыты яркими разноцветными разводами и аккуратными изображениями принцесс и кроликов. Для большинства участников выставки книжки — только маргиналии, описки, черновики. Кисина стилизует эту необязательность, ненужность, которые должны отличать домашнюю книгу. В ее книжках есть приблизительность, неотточенность сделанного руками и для себя. Когда «Даблус» воспроизвел ее «Книгу о незначительных изменениях» типографским способом, рукописная неточность стала недостатком. В оригинале она — достоинство.

Книга поворачивается на выставке разными сторонами и понимается по-разному, сопровождаемая визуальной поэзией Всеволода Некрасова и Дмитрия Пригова, пространственно организованными стихами Льва Рубинштейна, мейл-артом, подпольными журналами вроде «Синефантома» и так далее.

Например, для Владимира Сулягина, для Майи Чхония книга — способ организации пространства. У Сулягина она — сверхъемкое пространство, содержащее и упаковывающее образы.

У Кабакова книга, альбом-представление — серия последовательных картин мира.

Собственно, ничего безумного на выставке «Библиотека безумцев» нет. Выставленные книжки делали в основном люди совершенно вменяемые, ведущие более или менее обычный образ жизни, ценители радостей домашнего очага и дружеского круга. Большая часть книжек делалась просто так, в них нет откровенности, нет последовательной предельности модернизма или «человеческой критики» постмодернизма. Однако, подобно многим важным художественным событиям последних лет, эффект этой выставки связан с перемещением искусства, когда возможность найти для него новое место оказывается более значительной, чем оно само. В качестве примера можно привести «Другое искусство», о котором писал «Огонек»,— выставку вроде бы хорошо известного искусства шестидесятых годов, переоцененного и переосмысленного попаданием в Третьяковскую галерею. Потому же столь интересной оказалась «Библиотека безумцев», вдруг оценившая, придавшая значение милым мелочам. Пустяки, книжки в несколько страничек как нельзя лучше представляли ту ерунду, которая выдержала давление монумента, раздавившего вещи куда более прочные, исполненные смысла и способные к сопротивлению.

BOOK ART

ОГОНЁК

Юлия Кисина.
Лист из альбома «ИНФАНТА-ДЕВОЧКА».
1989.

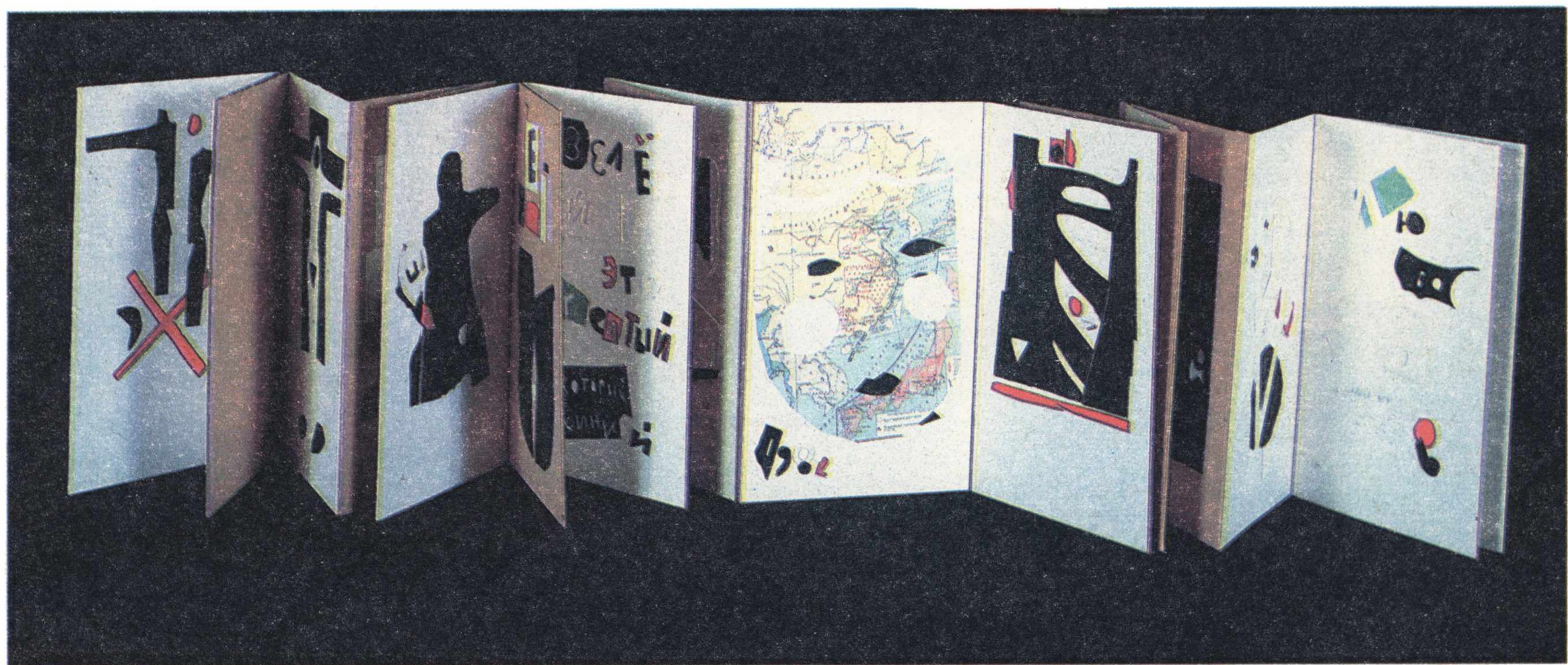
Первые номера журнала «СИНЕФАНТОМ». Издание братьев Алейниковых. 1988.

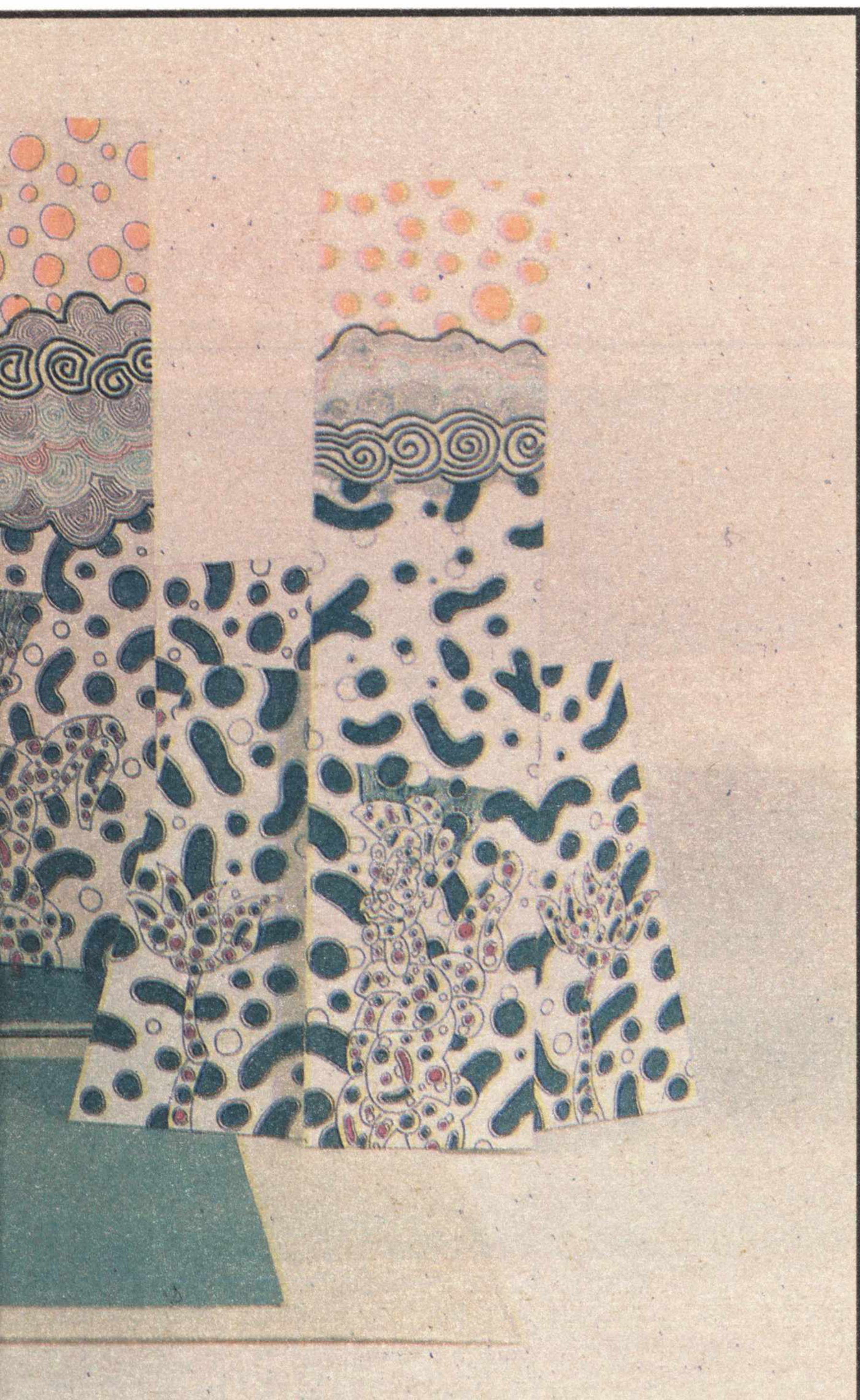
Михаил Карасик. Литографированные книги разных лет.

Михаил Молочников. Электростатические альбомы. 1991.

Владимир Сулягин. Книга «ОБОЛЬЩЕННЫЙ МИРОМ». 1981—1982.

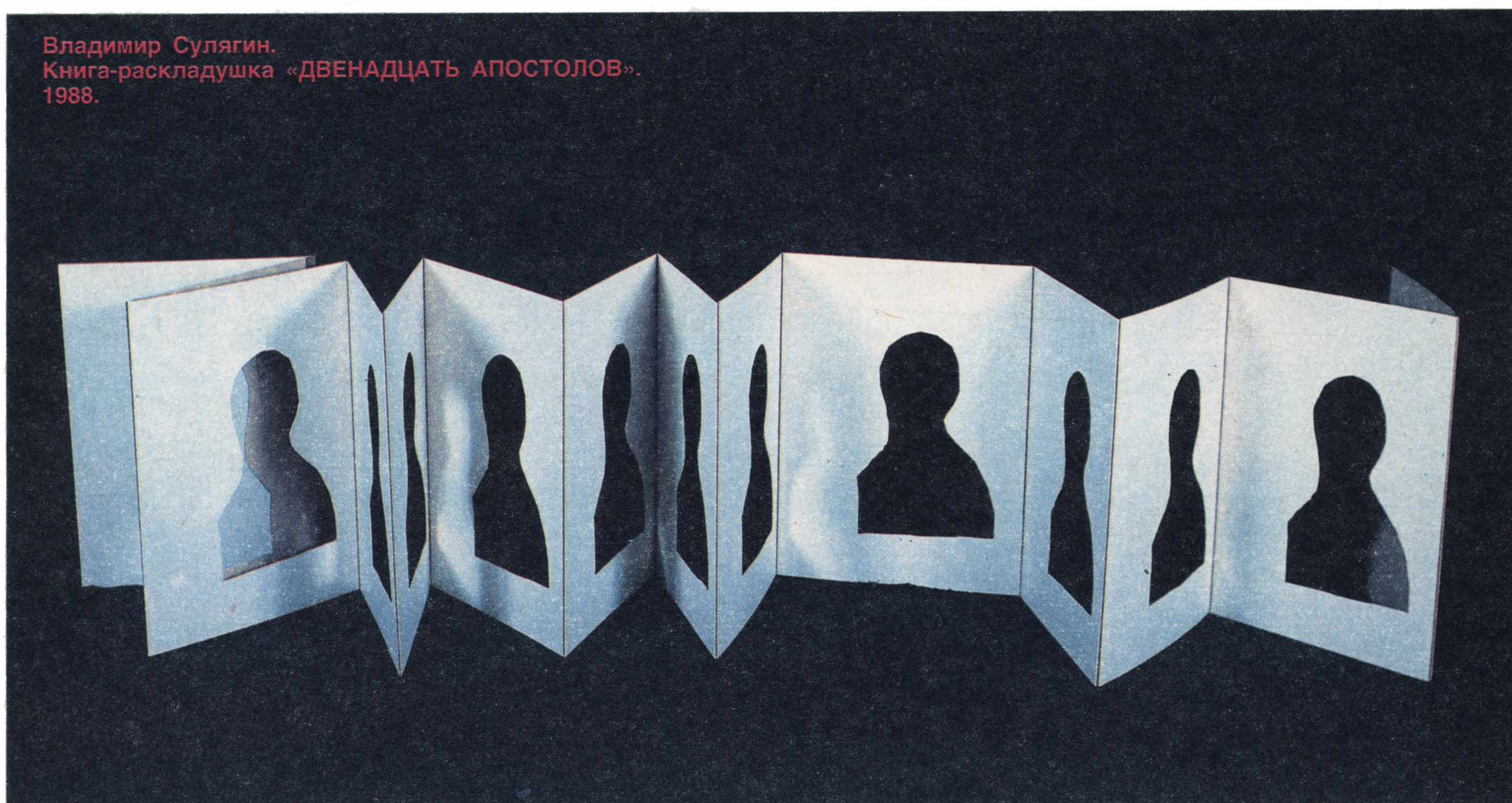
Леонид Тишков. Из книги «ПАЛИМПСЕСТЫ». 1991.

Юлия Кисина.
Лист из книги «ИГРУШКИ ДЬЯВОЛА».
1990.

Владимир Сулягин.
Книга-раскладушка «ДВЕНАДЦАТЬ АПОСТОЛОВ».
1988.

Сергей ИВАНОВ,
Николай ЛАММ

АПРЕЛЬ конца наших дней

ГЛАВА
ИЗ РОМАНА

Весной этого года мне передали верстку рукописи, которая должна была выйти «через некоторое время» в одном из совместных издательств Москвы и уже вышла во Франции. Она называлась «Апрель конца наших дней», а написал ее некий загадочный писатель Ив Ланс. На самом деле под цирковым псевдонимом начала века спрятались два моих добрых знакомых — детские писатели Сергей Иванов и Николай Ламм. Им, людям даровитым, тем более не первый год пишущим для детей, не занимать легкого языка, юмора, умения плести интригу. Но я отложил рукопись с сожалением. Не подходила тема: военный переворот в СССР. «Ну сколько можно! — думал я с раздражением.— Кабаков уже написал нечто подобное. Да и не будет никакого переворота! Проехала ситуация...» Сейчас вы прочитаете главу из повести «Апрель конца наших дней». В конце ее, когда герои (симпатичные журналисты, берущие на себя роль «частных детективов») смотрят по телевизору репортаж о Первомайской демонстрации — они успели предупредить Президента о грозящей ему опасности,— с крыши ГУМа по Мавзолею меткие выстрелы снайперов отправляют в небытие Бакатина, Шеварднадзе, Язова — кстати, повесть писалась в декабре прошлого года. А в самом конце мы узнаем, что... Стоп. В общем, кое-что они угадали, но в целом их сценарий (который я раскрывать не буду, чтобы не мешать тем, кто захочет эту книжку купить) не оправдался. Добавим, что печатаемая глава называется «Видеофильм». Так уж задумано авторами: часть глав написана от лица героев, а часть — как сценарий для видео. И все-таки чуть-чуть стыдно. Ведь напечатать произведение писателя Ив Ланса можно было еще в мае. Или в июне. Или даже в июле. Вдруг бы они испугались? А?.. Смешно.

Борис МИНАЕВ

Если пробить голубую скорлупу апрельского небосвода, то внизу увидишь город. Сверху земные города выглядят совсем не так, как привыкли живущие на земле. В них просматривается мысль архитектора, и не видно переполненных всякой дрянью урн, и нельзя заглянуть в грязные подворотни... Да, сверху все выглядит много привлекательней. Зато снизу — интересней. Вот, например, бежит мальчишка. Даем крупным планом его лицо, и становится ясно: движет мальчишкой не желание установить спортивный рекорд, не любовная страсть, не простая спешка. Мальчишку гонит страх! А это для фильма неплохое начало. Бежит он, между прочим, по Москве, по Тверскому бульвару и в такой прекрасный апрельский день, в который, казалось, бояться чего-то просто невозможно. У Никитских мальчишке прямо в лоб ударил красный свет. Машины агрессивно-радостной лавой полились в улицу Герцена (которую все никак не переименуют в Большую Никитскую). Но мальчишка продолжал бежать, лавируя в самой середине автоледохода,— спасаться от своего страха.

А лет ему было двенадцать или, может, четырнадцать — их теперь, акселератов, не разберешь...

Фильмы, если вы замечали, состоят из небольших таких сценок. На профессиональном языке это называется эпизод. Обычно в эпизоде некогда рассусоливать — про пейзаж, про душевные переживания. Главное — действие: побежал, ударил, спрятался, выпил. В нашем фильме будет так же. Кстати, первый эпизод как раз кончился несколько строк тому назад.

* * *

Там же где-то, в районе Никитских, притулилась мастерская «Ремонт импортной электроники. Оплата желательно в валюте. Качество гарантируем». Это была частная собственность некоего Вадьки Летуева. Он, можно сказать, с детства увлекался радиоделом и всю армию просидел, как говорят связисты, «в колпаке»... Где двадцатичетырехлетний Вадька надыбал пятьдесят тысяч на эту мастерскую, о том вы не спрашивайте. Но далее он вел себя практически незапятнанно. И даже имел попользновение ходить в театры, где и встретил однажды свою троюродную сестру Летуеву Ларису, журналистку — так по крайней мере казалось Вадьке.

Между ними установились те самые воздушно-прозрачные отношения, когда сестрица любит заскочить к братику на чашечку кофе, а братик непременно замечает, какие у сестрицы не слабые ножки. Хотя, впрочем, ничего серьезного между ними никогда не было.

Вот и сейчас Лариса забежала к Вадьке: мол, глянь, пожалуйста, мой магнитофон, а то чего-то протяжка барахлит — буквально голос Ельцина не отличишь от голоса Полозкова.

— А ты чего, брала у Ельцина интервью?!

— Пока еще нет,— ответила Лариса интригующе.

Вадька почти без сожаления отложил денежную работу и стал копаться в ее барахляной «Яузе» (вот тебе и весь «магнитофон»). Именно в этот момент и влетел в мастерскую тот мальчишка из первого эпизода. Для удобства сразу скажем, что его звали Егор.

— Здрасьте! А вы срочную работу делаете?.. Только очень срочную!

— Ну, это смотря сколько стоить будет,— ответил Вадька хорошо знакомым нам голосом советского сервисмена.

— Стольник! — И было понятно, что мальчишка обозначил свои предельные возможности.

— Ну, это смотря какая работа...

Поколебавшись мгновение, Егор вынул... портсигар не портсигар, а все ж что-то на него сильно похожее. Только с выдвижной антенкой.

Вадька повертел странный предмет в руках. Хм... Сработан явно в какой-то советской конторе. Но в то же время — культурно. И Вадька безошибочно догадался: военка трудилась...

— Так что за штука-то?

Егор пожал плечами:

— Сам не пойму... Вроде приемник или... кто его знает. Я кнопки вот эти нажимал-нажимал, вдруг какой-то голос. Я еще нажал — замолкло... А мне его на место надо положить!

— На какое место? — строго поинтересовалась Лариса, потому что мальчишка был все-таки лет двенадцати, а вовсе не четырнадцати.

— Ну, на одно место... к одному моему товарищу...

Лариса и Вадька невольно переглянулись. Они сами не так уж давно избавились от этого наваждения, имя которому «детские тайны», и оттого чувствовали себя дико взрослыми.

— Ладно,— сказал Вадька,— разберусь. К вечеру заходи, часам к шести. — И протянул Егору пластмассовый жетончик, удостоверяющий, что аппаратура у клиента принята

— А сейчас?.. А побыстрей хотя бы нельзя?

— Нет, командир, побыстрей не получится. Должен срочно налаживать систему для посольства Замбии!

Это было вранье, рассчитанное не столько на ворвавшегося пацана, сколько на Ларису.

Лариса и Вадька договорились сегодня вместе пообедать. Деньги у юного кооператора водились, и он пригласил свою стройную сестрицу в новомодное и довольно дорогое кафе «У Никитских ворот». «Подкормить тебя надо» — так он выразился. Лариса улыбнулась и кивнула: не часто она получала от мужиков такие приглашения. Ее все больше в койку зазывали, а не в кабак.

Договорились встретиться прямо в кафе, часа в два, в Вадькин перерыв. А пока Вадька принялся исследовать принесенный «портсигар». Не обращая внимания на пломбу, содрал крышку — никогда не виданные им печатные схемы, причем вряд ли наши. Япония небось. Тут он ничем портсигару помочь не мог. Только проверил соединительные проводки — нигде оторвано не было. Тогда Вадька, скорее по наитию, стал нажимать кнопки, которые раньше нажимал и Егор... Можно, конечно, послать этого парнягу. Но жаль стольника. Да и хотелось разобраться: надо заметить, хоть это и не имеет прямого отношения к действию, что Вадька был радиотехник милостью Божьей.

И вот милость эта вдруг снизошла на него. Пальцы нашли нужное сочетание кнопок, своего рода код: первая, четвертая, третья, вторая... аппарат заработал. Сперва послышалось характерное такое «радиоприемниковское» шипение, потом Вадька услышал голоса. Они ворвались прямо с полуслова:

— ...аешь, хочу проверить график поступления продуктов питания в город. Откуда поступает, сколько, где хранится?..

— Ясно, товарищ Третий!

— Да ничего тебе пока не ясно. Вопрос первостепенной важности. После дня «икс» все магазины должны быть завалены: колбаса, мясо, масло! И надо это изобилие хоть несколько недель продержать. Тут подготовка нужна, учет и контроль. И чтоб продукт налево не уходил, и чтоб на прилавок раньше времени не попал, и чтоб моссоветовские козлы ничего не разнюхали...

— Ясно.

— Ну что ты заладил, как попка: ясно, ясно! Слушай меня внимательно. Я уже час разыскиваю Верюжского, чтобы все это прояснить. А он не отвечает.

— Вы же знаете, товарищ Третий, Верюжский нами тщательно...

— Слушай, что ты мне толкуешь! Однако бережененого Бог бережет. Так что ты уж проверь, будь ласков. Чтобы до пяти, до общей переклички, мы этот вопрос полностью закрыли...

Невольно Вадька посмотрел на часы. Было без двадцати два. Если б знал Вадька, что жить ему оставалось всего три с половиной часа, он бы что-нибудь придумал, что-нибудь сделал хорошее. Поды-

шал хотя бы свежим воздухом. Вместо этого Вадька выключил «портсигар», запер мастерскую и отправился в кафе «У Никитских ворот».

«Надо бы в пять послушать, что они там про колбасу будут говорить»,— подумал Вадик, закуривая по дороге одну из последних сигарет в своей жизни.

* * *

А Егор-то наш оказался отнюдь не простым мальчишкой. Стоило лишь бросить взгляд на эти сверхпросторные комнаты, на эту мебель — не старинную, конечно, однако весьма искусно сделанную под старину, на эти хрустальные люстры, которые даже не зажженными сверкали и подрагивали в лучах солнца, свободно входившего в широкие окна. Пользуясь своим преимуществом кинովидеозрителей, мы прошлись по пустой квартире. А потом проникли туда, где за плотно прикрытой дверью слышались голоса. Это было то, что у людей состоятельных называется кабинетом. Его хозяин, мужчина лет сорока пяти, высокий, красивый, с атлетическим разворотом плеч и лишь, быть может, с несколько тяжеловатыми чертами волевого лица, сидел за столом. Напротив него, опустив голову, стоял Егор.

— Честно, пап, не брал!

— Хорошо, я тебе верю,— сказал мужчина, стараясь не терять самообладания. И вдруг резко выдернул руку из-под стола: — А это что такое?!

Даже в самом лучшем видеофильме не предусмотрена передача запахов. Но Егор-то сразу учуял дух анисовой американской резинки, которую жевал, разглядывая вынутую из отцовского стола ту самую непонятную коробочку.

— Так что это?! — Сильные пальцы отца легко расплющили уже застывшую резинку.

Ах, как глупо Егор поступил, прилепив ее снизу к столешнице — привычка проклятая!

— Но это я давно, пап, не сегодня...

— А откуда ты знаешь, что у меня пропало сегодня?! — И тыльной стороной ладони он ударил сына по щеке. Кажется, несильно, однако Егор отлетел чуть не к самой двери.— Будешь говорить?!

Папаша еще пару раз приложился к физиономии Егора, но ситуацию этим ничуть не прояснил. Напротив, она стала еще более безнадежной и путаной. Егор окончательно заврался, дал все клятвы, какие знал. И теперь ему просто ничего не оставалось, только держаться, подобно партизану, а потом умереть... Но это именно партизану ничего не оставалось, причем из кино «Беларусьфильма». А Егорка надеялся хотя бы на некоторую благосклонность судьбины. На то, что он в конце концов сумеет улизнуть от сурового батюшки, привезти починенный «портсигар» и незаметно подсунуть его... Егор даже почти придумал куда.

Беда была в том, что отец и не собирался прекращать дознание. Хорошо хоть в мастерскую можно было пока не спешить: без десяти три — время терпит. Еще только без десяти три!

Отец заметил, как Егор, вместо того чтобы виниться, бросает тайные взгляды на часы.

— Что, мерзавец, на свидание опаздываешь?!

Ну, скажите, можно ли признаваться в чем-нибудь серьезном человеку, который делает столь нелепые предположения?

— Вообще никогда не выйдешь из дому!

Угрозы действенны, лишь когда они выполнимы. Это со злостью вспомнил отец Егора, который кончал не только пединститут и аспирантуру по кафедре истории КПСС, но и Высшую партийную школу. Кричать: «Вообще не выпущу никогда».— нонсенс, или, говоря по-русски, полная херня.

— Егор! — Отец попробовал сменить тон.— От тебя зависит престиж нашей семьи!

И понял, говорит опять эту самую... обозначенную выше неприличным словом. Ибо давно не общался с сыном по-человечески и абсолютно не умеет говорить, а умеет лишь командовать. Но все же попытался еще раз:

— Пойми ты! Мы можем потерять все!

Неожиданно именно эта попытка удалась, потому что в глазах отца Егор увидел самый настоящий страх. И ему тоже стало страшно. Наверное, он сейчас признался бы в своей не такой уж смертельной вине, они бы сели в машину... Однако ничего подобного не случилось — неожиданно отцу пришла помощь... Лучше бы она никогда не приходила!

Некто в сером костюме остановился у двери с медной табличкой «И. Е. Верюжский» и позвонил.

— Гнида! Дурак! Трус! — Отец собрался отвесить Егору еще одну из фирменных своих затрещин, но сообразил, что должен иметь хотя бы относительно спокойное лицо, и пошел открывать.

На пороге стоял человек, о специальности которого по внешнему виду сказать что-то было совершенно невозможно: то ли бухгалтер, то ли сочинитель детских сказок, то ли хозяин частного магазинчика, то ли пчеловод... Он имел абсолютно неприметную внешность, мешковатую фигуру, однако Иван Егорович безошибочно догадался, кто стоит перед ним, и побледнел.

— Товарищ Верюжский? — спросил тот тихо, но твердо.— Я от Семнадцатого!

Иван Егорович молчал, стараясь совладать с собой. Они таким образом продолжали стоять в просторной и темноватой прихожей. Вошедший подождал секунду, не предложат ли ему пройти... Не предлагали. Тогда он коротким, неожиданно энергичным движением захлопнул дверь:

— Семнадцатый приказал мне узнать, почему вы не вышли на связь.

Он немного окал, что выдавало в нем уроженца русского Севера — Вологодской или Псковской губернии. В иное время Верюжский умилился бы, поскольку при случае любил поговорить о своем крестьянском происхождении. Однако сейчас это уютное оканье показалось Ивану Егоровичу отвратительной подделкой, предательством.

— Я с товарищем Семнадцатым сам разберусь!

Да и почему он должен отвечать на вопросы какого-то порученца?

— Никак нет. Приказано все выяснить мне!

— Что значит «все выяснить»?.. Аппарат отказал — что я могу поделать? Когда починят...

— Не откажите взглянуть. Я как раз связист... И... может, мы пройдем в комнату?

— Но я не знаю, могу ли вам доверить такое...

— Можете!

Посмотрели друг другу в глаза, и Верюжский понял: выкрутиться ему не удастся.

— Видите ли... Его в данный момент у меня нет...

Наступила тяжелая пауза. Порученец зачем-то опустил руки в карманы. Верюжский-то знал зачем!

— Пожалуйста, Иван Егорович, поедемте тогда со мной. Семнадцатый в таком случае очень просил вас приехать.

Господи, что же сделать-то?.. Лучше бы всего ударить его в рожу, чтоб он...

— Хорошо... Я готов дать объяснения... Не вам, естественно!

Эх, надо бы теперь с ним поласковей...

— Я только пиджак надену.

И быстро прошел в кабинет. Егор еле-еле успел сделать покорный вид ни в чем не повинного сына. На самом деле он с облегчением и полной уверенностью в своей постоянной удаче думал о том, как отец сейчас будет болты болтать с пришедшим мужиком, а он, Егор, смотается в Ложкин переулок... Место, куда подбросить эту дурацкую штуку, было придумано им замечательное!

Иван Егорович резко взял сына за плечо:

— Сиди здесь, тля. И чтоб ни шагу до моего возвращения!

— Да я и не собирался! — крикнул Егор в сердито закрывшуюся дверь кабинета. И вдруг услышал, как отец поворачивает ключ! Дубовую эту дверь, знал Егор, ему не взломать — проще сквозь стену пройти.

Вот падла!

Егор ударил по дубовым крепко пригнанным доскам. Дверь ответила слабо и безучастно, словно и правда была стеной. Вышел на маленький, так сказать, «кабинетный», балкончик. Нет, до большого балкона только на крыльях долететь — метра три, не меньше... над пропастью седьмого этажа — да что Егор, пыльным мешком стебанутый?.. Вернувшись в кабинет, он слазил в известный ему ящик отцовского стола, где лежали закордонные журнальчики про любовь и дружбу, взял один из них и улегся на диван, справедливо рассудив, что коли сделать ничего нельзя, то какого фига попусту дергаться! А когда отец вернется, успеет принять свой коронный вид безвинно пострадавшего человека.

* * *

— Ну, так что случилось, хороший мой? — спросил Семнадцатый, едва Верюжского ввели в его дачный кабинет.

Слова мягкие, но произнесены они были таким голосом, что Ивану Егоровичу, который в машине немного успокоился и даже наметил некий план поведения, стало очень не по себе.

Наличие универсальных этих переговорников давало возможность людям из их организации почти не встречаться. В этом были немалые преимущества. Ведь заговоры чаще всего проваливаются именно из-за того, что заговорщики время от времени вынуждены собираться вместе. Сборища такие вызывают подозрение и... дальше в зависимости от строгости режима в стране: или голову с плеч, или в тюрьму на многие лета, или послом в какую-нибудь занюханную державу...

С переговорниками жилось много проще. Набирай нужный код и говори, с кем необходимо. Ни одна чужая сволочь ни подстроиться, ни подслушать не может. А переговорников этих всего сорок, не то сорок два. Техника — чудо!

В определенные дни, в точно назначенный час — общий сбор. Верней, перекличка. Вопросы, касающиеся всех, ну и вообще проверка, так сказать, боевой цепи. Кстати, некоторые люди из организации никогда друг друга и не видели. Знали только по голосам и номерам. Но вот с «товарищем Семнадцатым» Иван Егорович как раз оказался знаком. Это был генерал КГБ Костров... Антон Кириллович, кажется... Он отвечал за их общую безопасность.

«Вот, значит, к кому я попал,— подумал Верюжский, как не про себя.— Ну, естественно: пропажа переговорника — это ведь...»

— Так что же вы молчите, Иван?..

— Егорович...

— Иван Егорович... Сейчас вам молчать никак не следует!

— Понимаете,— Верюжский развел руками (легкая доверительно-товарищеская растерянность входила в его план поведения),— понимаете... просто ничего не могу сказать. Исчез!

— Украли?

— Нет, но...

— Домашние?

— Упаси Боже!

— Есть у вас хоть какие-то предположения? — А глаза стальные, серые... как сверла.

— Н-нет, к сожалению...

— Простите, я не верю вам!

Это продолжение разговора тоже было предусмотрено Иваном Егоровичем: кагэбэшники — такие собаки, они сыну родному не поверят! Вспомнив о сыне... о Егорке, Верюжский невольно напрягся. И вместо того, чтоб возмутиться и начать говорить про честь партийца с почти тридцатилетним стажем, про товарищеское доверие (к нему со стороны Кострова), про их общее дело и так далее и тому подобное, Верюжский вдруг услышал, как то ли в груди, то ли в животе образовалась острая режущая боль, которая была... жутким страхом.

Его так называемая «линия поведения» не отличалась оригинальностью: как-то отбояриться, улизнуть домой и вытрясти из Егорки правду. А уж потом — вот он, ваш переговорник, никакой утечки не было и быть не могло, да в конце концов я же не предатель!

Но теперь он почувствовал: так просто отсюда не вырвешься, и разговоры о тридцатилетнем...

— Прошу вас, хороший мой. Времени совершенно нет!

Верюжский мучительно пытался сообразить, как бы ему выкрутиться — хотя б на ближайшие двадцать минут.

— Ну, глядите сами.— Костров встал. И Иван Егорович наконец понял, отчего ему так неуютно было во время этого разговора: он стоял, ему даже не предложили сесть.

— Володя! — позвал Костров спокойным, комнатным таким голосом. Вошел «бухгалтер» — тот, который привез Верюжского сюда.— Надо узнать все, что ему известно о переговорном устройстве. Он знает!

— Слушаюсь, Антон Кириллович!

— Быстро и... как сумеете. А вы сами виноваты, Верюжский!

С этими словами Костров вышел.

— Орлов! — таким же спокойным, как у шефа, голосом позвал «Володя».

Вошел малый, которого иначе, как «громила», не назовешь.

— Давай!

Орлов схватил Верюжского сзади, мгновенно заломил руки. Иван Егорович ойкнул и согнулся. Тут же «Володя» ударил его в пах.

— Будешь говорить?!

Ужас охватил Ивана Егоровича, он ничего не соображал, ничего не чувствовал, кроме боли и нестерпимого желания помочиться.

— Ты по ребрам его,— посоветовал Орлов.

— К черту, некогда!

«Володя» вдруг схватил Верюжского за ремень, расстегнул его, сдернул штаны вместе с трусами. Иван Егорович просто уже ничего не соображал от страха, ему хотелось визжать, заплакать. А «Володя» вырвал толстый витой шнур из настольной лампы, перочинным ножом обнажил проволочки. Делал он это споро и умело, словно всю жизнь занимался такими вещами... Вдруг плюнул Верюжскому на голую ляжку и ткнул в плевок проводками.

Тут уж Верюжский не мог удержаться, он взвизгнул и визжал до тех пор, пока «Володя» держал провод у ноги. Потом ударил Верюжского кулаком в живот. Не слишком сильно — только чтоб прекратить визг.

— А теперь я сделаю электротерапию на твоих мудях!

Сейчас же Орлов подсунул Верюжскому стул. Иван Егорович упал голым задом на холодное кожаное сиденье.

— Будешь говорить?

— Буду! — заорал Верюжский. И заплакал.

— Ну, рожай, дерьмо!

— Не смейте так со мной обращаться! — Верюжский вырвал руку, пытаясь утереть слезы и сопли.

— Где?!

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

— Как вы смеете, я секретарь Ноябрьского райкома партии.

— Ты еще нам «Интернационал» исполни, гнида! Где?!

— Не знаю я... У сына...

— Эх ты, подонок!— удивленно сказал Орлов, стоящий за спиной, и дал Верюжскому по уху.— Ну, еще увидимся...

Иван Егорович упал со стула и лежал, весь согнувшись, словно ребенок, не вылезший из чрева матери. Он ощущал себя голым, плачущим, действительно подонком. И еще понимал: с Егоркой что-то сделают... Когда он поднял глаза, его мучителей в кабинете не было.

«Я не хочу,— сказал себе Верюжский.— Понимаешь, не хочу, совершенно!» — И выдернул шнур из розетки.

* * *

Капитан Степанов («Володя») и лейтенант Орлов спустились на первый этаж дачи.

— Товарищ генерал?

— Здесь я.

Они вошли в просторную курительную комнату. Костров сидел в кресле, катал в зубах сигару.

— Сын! — сказал «Володя».

Неожиданно Костров рассмеялся.

— Не поверите, ребята, я так и думал! — Но тут же стал серьезен: — Немедленно туда! И...

— Да сделаем, товарищ генерал.— кивнул «Володя».— Разрешите идти?

— Действуйте!

Подручные ушли, но Костров не спешил наверх. Он-то знал, подобные признания просто так не делаются — пусть придет в себя... Только что теперь с этим Верюжским?.. Вопрос... Да, в сущности, осталось-то четверо суток... Досидит!

Костров уверен был, что Верюжский не предатель... Почти уверен... Но ведь это никому не объяснишь!

Он никого и не собирался убеждать. Да и опасно. «Жалеть — не наше занятие»,— подумал он. Хотя сильно этого Верюжского и не жалел. Просто неудобно вроде...

Глянул на стенные часы с медленно прыгающей секундной стрелкой — минут семнадцать прошло. Пора.

Верюжский болтался под потолком с отвратительно высунутым язычищем, с налитыми кровью, висячими, как у рака, глазами, с огромным мокрым пятном на штанах.

«Странно, почему они всегда мочатся? — подумал Костров.— Вот никогда б не поверил, что такой шнур выдержит...» А сам, несмотря на почтенный свой возраст, вспрыгнул на стул, перочинным ножом, валявшимся на столе, срезал провод. Почти беззвучно тело рухнуло на толстый ковер. «Мешок картохи»,— подумал Костров, склонившись над бывшим секретарем Ноябрьского райкома... Пожалуй, его еще можно было бы откачать.

Но стоит ли?

Что Бог ни делает, все к лучшему.

Только противно стало находиться в даче, и Костров вышел в сад. Все дальнейшее было не его работой. Пусть этим займутся нижние чины.

* * *

Они уже подъезжали к дому Верюжского, когда в машине заверещал радиотелефон. Орлов, продолжая одной рукой держать руль, другой взял трубку:

— У телефона!

— Отставить! — услышал он голос шефа.— Дай-ка мне Владимира.

— Слушаюсь, товарищ генерал.

Машина остановилась у подъезда.

— Степанов?

— Я, товарищ Семнадцатый!

— Покончил с собой этот дурак...

«Володя» сжал зубы.

— Повесился... Ты слышишь меня?

— Так точно.

— Ну, значит, решай там!

— Понял вас!

— Все, отбой.

* * *

Неправда, что дубовые двери так уж трудно открыть. «Володя» справился с этим делом простой отмычкой. Пока он бренчал железками, Егор успел принять свой проверенно-понурый вид.

Однако вошел не отец...

— Здравствуй! Тебя как зовут?

— Егор... Верюжский...

— Очень хорошо, Егор, будем знакомы — дядя Толик. Я от твоего отца... Только пойми, времени очень мало! Ты куда девал эту вещь?

Егорка, по обычаю своему, хотел что-то соврать...

— Прошу тебя, некогда! Речь идет... Ты видел, на какой машине твоего папу увезли?!

Как ни странно, этого было достаточно для Егора Верюжского. И он — без слез, спокойно, как другу — рассказал то, что мы уже знаем.

«Дядя Толик» с особой какой-то внимательностью посмотрел на него:

— Слушай, а чего ты бледный такой стал, а?

— Я?.. Не-ет!

— Без разговоров! Ну-ка марш на балкон! — И улыбнулся:— Свежий воздух — цвет лица!

Они вышли на «кабинетный» балкончик.

— Хе! А вон вроде и батька твой возвращается?

— Где? — Егор посмотрел вниз. И тут же подумал: «Наврал мне этот мужчина, засранец!»

Вдруг его ноги легко, словно во сне, оторвались от пола.

— Мама! — закричал Егорка.— Ма-ма!

Говорят, люди, которые падают с верхних этажей, умирают еще в воздухе. Дай-то Бог, чтоб это было так!

* * *

Генерал Костров играл с компьютером в покер на раздевание. Две дамы на мониторе — соперницы генерала — были уже почти полностью раздеты. Ох и любил же он эти компьютерные штуки — сил нет! И обращаться с ними наблатыкался! Недаром квартира, дача и даже служебный кабинет Кострова были напичканы электроникой под завязку. Пристально следил генерал и за новинками в этой области. Как где какая появлялась, тут же старался добыть ее по своим хитрым гэбэшным каналам.

Но, сколь ни был увлечен Антон Кириллович игрой, нет-нет, а поглядывал на стоящий рядом телефон: где ж там его соколики?

Когда в правом верхнем углу монитора высветилось время 16.53, телефон наконец зазвонил.

— Объект обнаружен,— доложил Степанов.— На столе в радиомастерской. Рядом никого нет.

— Ну? — нетерпеливо буркнул генерал.

— Взять его в данный момент не представляется возможным, товарищ генерал. Мастерская заперта, а кругом полно народа.

— Ладно,— после недолгого раздумья сказал генерал.— Не спускайте с него глаз. И действуйте там по обстановке. На всякий случай высылаю к вам «Скорую».

Костров положил трубку и включил секретный переговорник. Часы на мониторе показывали ровно пять часов.

* * *

Вадька вернулся с обеда где-то в полпятого. Прием он решил на сегодня закончить. Работы и так навалом. Он было пошел в подсобку — проявлять трудовой героизм, как на глаза попался переговорник. «Вот черт, парень-то в шесть явится. Придется впустить на пару минут. Про колбасу все равно в пять говорить обещались. Успею послушать. Глядишь, и нам что перепадет». Без двух минут пять он выбрался из подсобки и врубил «портсигар» известным ему способом. Оттуда доносилось лишь тихое шипение. Вадька пододвинул Ларискин магнитофон и нажал кнопку «запись».

— Здравствуйте, дорогие радиослушатели. Начинаем передачу для самых маленьких,— радостно гаркнул он в микрофон и поставил его рядом с переговорником.

Тут Вадька увидел, что на магнитофоне треснула клавиша, и побежал в подсобку. Он вспомнил, что у него была где-то точно такая же, только целенькая — разве худо сделать что-то приятное для такой сестрицы?

«Портсигар» заговорил в уже пустой комнате:

— Внимание! Начинаем перекличку: что с Верюжским?

— С Верюжским вопрос решен. Подробности...

— Подробностей не надо. Его сообщение сегодня будет?

— Нет.

— Понятно. После доложите. И если этот вопрос вами решен, давайте обменяемся... Пресса.

— Тридцать восьмой здесь!

— Как у вас?

— Да все вроде нормально. Готовим несколько публикаций о том, как демократы замышляют очередные акты по дестабилизации. Приводятся неплохие факты, а также мнения простых...

— И где же эти статьи выйдут, интересно? Что, опять в «Советской России»? В «Правде»?

— Но, товарищ Третий...

— Отставить! Ты мне тюльку не гони, ты сделай, чтобы такие намеки появились в ихней прессе. В «Московских новостях». В «Литературке» на худой конец.

— Попробуем...

— Да уж, милый мой, попробуй, пожалуйста! Следующий — группа поддержки.

В этот момент Вадик вернулся в мастерскую. Он хотел сразу заменить треснувшую клавишу, но разговор из «портсигара» неожиданно заинтересовал его настолько, что стало не до работы.

— Группа поддержки — здесь. У нас пока не все ладится.

— Что так?

— Не хотелось бы раньше времени высовываться. Чтобы не получился октябрьский вариант. Людей перебросим, а демократы опять вой поднимут. Да и части еще отобраны не окончательно.

— То, что раньше времени не хотите высовываться,— мысль правильная. А с частями надо поштурмовать...

— Да вы из Прибалтики берите! — подал кто-то голос.

— Не перебивать! — рявкнул Третий.— Но по здравому смыслу это правильно. Из Прибалтики солдат придет злой. Его нам долго учить не придется. Ну, и пару взрывов там в казармах устройте, для наглядности. Бойцы после этого демократов зубами рвать будут...

— Сделаем, товарищ Третий.

— Теперь что у нас в Моссовете?

— Никаких новостей, товарищ Третий. Болтают.

— Недолго осталось! Верховный Совет страны?

— На связи, товарищ Третий... Все без изменений.

— Это хорошо,— сказал Третий со значением.— К тому и стремимся.— Не выдержал все же и хохотнул. Его недружно поддержали.— Ладно, дальше. Верховный Совет России.

— Я здесь. В принципе у нас нормально. Но беспокоит одна деталь.

— Слушаю. Всем внимание!

— Есть тут один депутатик... с телевидения... В доверительном разговоре со мной намекнул, что имеет факты о готовящемся перевороте. Сейчас пишет по ним бумагу на самый верх.

— Семнадцатый?

— Здесь.

— Слышали?

— Так точно.

— Разберитесь с этим умником. Только без шума. Нам шум сейчас ни к чему.

— Есть, понял.

Вадька сидел у переговорника чуть дыша. Не такой уж он был дурак, чтобы не разобраться, о чем тут шла речь. И он прекрасно понимал, что от этих деятелей лучше держаться подальше. Надо поскорее все забыть, выбросить из головы и орать везде и всегда: «Ничего не слышал! Ничего не знаю!»

Но через мгновение Вадька взял себя в руки: да что за бредятина? Какого фига они мне сделают? Да знаете, где я вас видел?! Валите вы все...

Он подумал про гласность, про независимые газеты, которые, правда, не читал, но сто раз слышал про них по телевизору... Есть «Огонек» в конце-то концов, «Аргументы и факты»! И ему уже представилось, как он...

У Лариски же связи...

Он увидел себя в кабинете, все глаза на него. И Вадька рассказывает. Потом: «Не верите? Да пожалуйста!» — и ставит кассету с Ларискиного мага.

Все это — и страх, и неожиданно нахлынувшее ощущение удачи — промелькнуло в его сознании буквально за секунду. А потом вновь зазвучали голоса в переговорнике:

— Где неформалы?

— Тут. Наши товарищи ведут большую работу в разных организациях. Агитируем за жесткую позицию в отношении правительства. Призываем к активной борьбе за...

К какой именно активной борьбе призывают неформалов, Вадька так никогда и не узнал. За окном послышалась занудная сирена «Скорой помощи», и в дверь мастерской резко постучали. Вадька обернулся: у входа стояли двое в белых халатах. Юный хозяин радиомастерской выключил переговорник и пошел открывать дверь.

— Здравствуйте. Это вы «Скорую» вызывали? — «Белые халаты» как-то сразу оттеснили его в глубь помещения.

— «Скорую»? Нет, спасибо, мне пока не надо.— Вадька улыбнулся симпатичному доктору.

— Ну, тогда извините.

Доктор коротко, резко и сильно ударил Вадьку кулаком по темечку. Что-то хрустнуло у Вадьки в шее. И он успел подумать: «Черт, как хрустнуло-то громко!» А доктор поймал довольно щупловатое, в сущности, безжизненное Вадькино тело. Видно, это были опытные «доктора». Его напарник споро закатывал Вадьке рукав. Вынул из чемоданчика уже заряженный шприц.

Первый «доктор» в это время взял со стола переговорник. Вся операция едва ли заняла полминуты. «Доктора» действительно оказались опытными. И одного только они не заметили: Ларискин магнитофон все продолжал работать на запись.

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

НАСЛЕДИЛИ

Михаил ПАРХОМОВ
Фото Марка ШТЕЙНБОКА

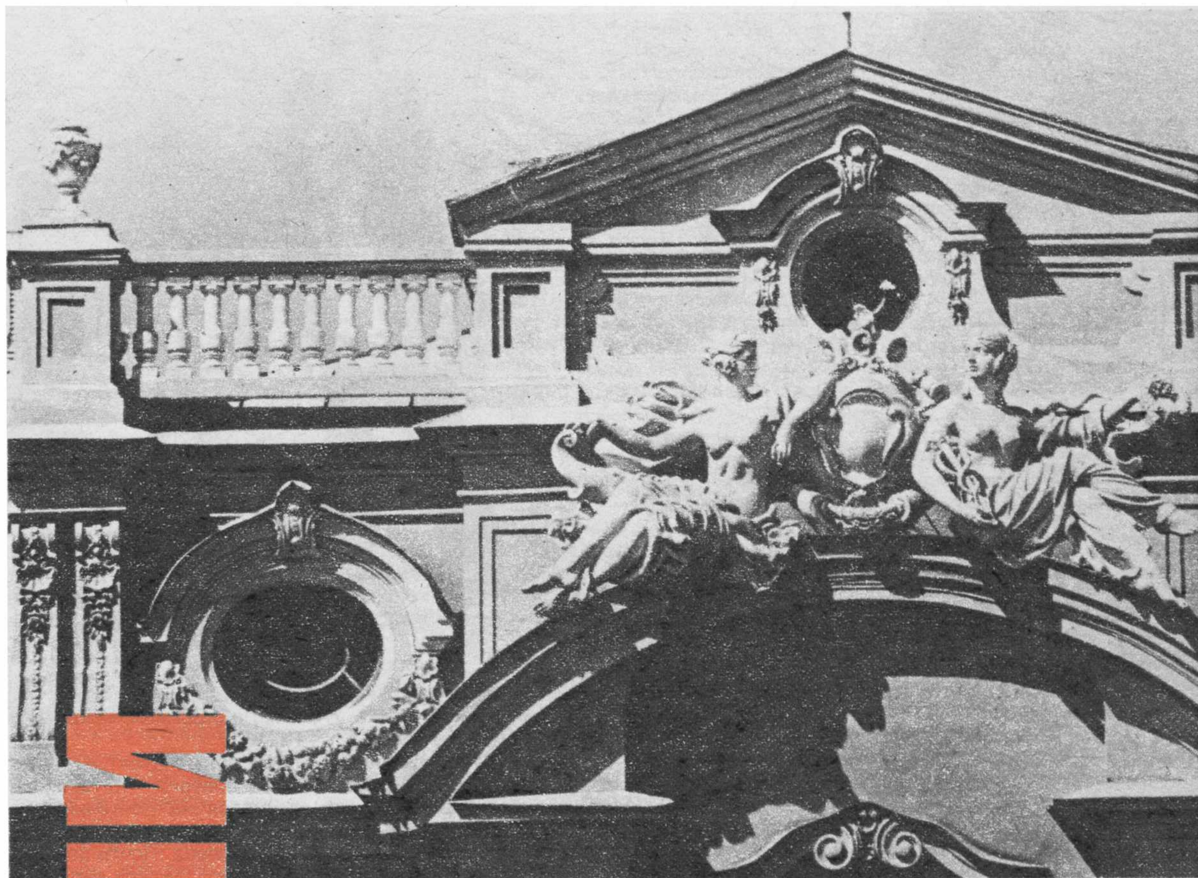
Моих сверстников выбила война и добивает время. Когда-то я и за час не мог одолеть Крещатик (всего километр!), меня то и дело окликали и останавливали. А теперь... Улица запружена молодым джинсовым народом, и это незнакомое племя не обращает внимания на старцев. Оно занято тем, что ловит кайф вместе с чернобыльским цезием.

Я же помню Крещатик еще с Деловым клубом и «Казино», с рестораном «Дарьял» и роскошным магазином Елисеева на углу Николаевской, с кинотеатром Шанцера и универмагом Людмера, с кондитерской Семадени и магазином «Динамо», в котором продавали подростковые мелкокалиберные пистолеты «Монте-Кристо» и мужские, по 45 рублей за штуку, никелированные «Смит и Вессо со смыком» молодой Леонид Утесов.

Так продолжалось долго. Все еще выходил двухнедельный журнал «Глобус», гражданин А. Грамзов производил в своей мастерской «вышивку дамских нарядов и знамен», производственно-кооперативная артель «Тахин-Халва» выпускала сладчайший рахат-лукум, а возле парадной двери нашего дома белели эмалевые таблички «Д-р Сергей Коломойцев. Сифилис. Триппер. Половое бессилие» и «Акушерка В. В. Ланда-Безверхова».

В тридцать четвертом столицу республики решили из Харькова перевести в Киев. И город вступил в эпоху «великих преобразований».

Республикой руководили С. В. Косиор и П. П. Постышев. Негоже бросать камни в мертвых. Тем более что П. П. Постышеву наша детвора обязана возрождением рождественских елок. Нравилось мне и то, что, когда я приходил к его сыну Вале, двери открывал не привратник, а сам Павел Петрович. Но лучше бы они не занимались вопросами градостроительства. В Харькове правительство занимало здание, перед которым лежала большая площадь, и руководители республики пожелали иметь в Киеве такую же.

Был объявлен конкурс на новый державный ансамбль. Победил проект архитектора Лангбарда. Полукругом располагались два здания, Цека и Совнарком, между ними высился монумент вождя, а площадь, площадь для парадов, должна была быть самой большой в мире, или, как теперь говорят, выше мировых стандартов. Правда, для этого пришлось бы снести златоглавый Михайловский монастырь XI века, Присутственные места и еще кое-какие здания, но это уже, как говорится, мелочевка.

Начали с монастыря. Его снесли, сровняли с землей. Затем построили партийный палаццо с колоннами. А вот грандплощадь, к счастью, не успели создать. Изменились хозяева. У новых — Н. С. Хрущева и Д. С. Коротченкова, потерявшего по дороге в Киев последнюю букву своей фамилии,— были другие творческие замыслы. Все силы бросили на сооружение

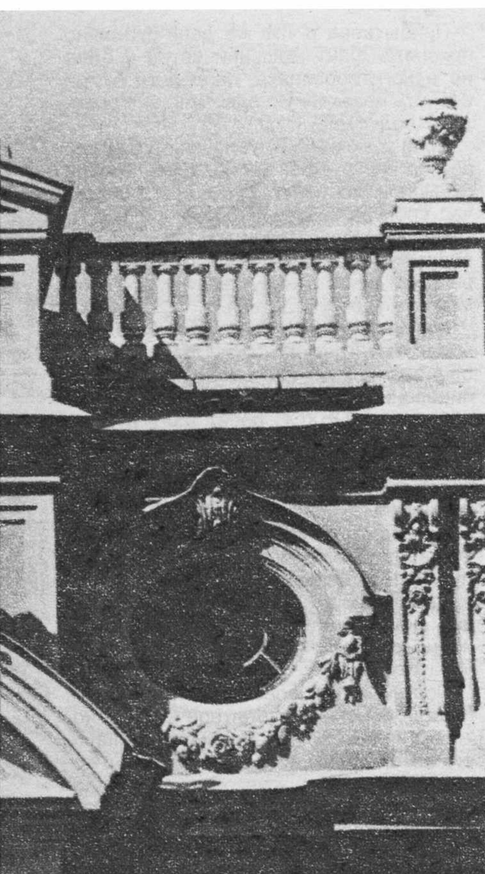
ны». Когда нарядные деньки переходили в спокойные сумерки, Крещатик оживал. По его нечетной стороне фланировали местные женихи в толстых пуловерах и широченных брюках фасона «чарльстон», не очень нагло, но настойчиво бравшие на абордаж девчонок в белых торгсиновских беретиках, отчего эту сторону улицы окрестили «Пижон-стритом», тогда как по противоположной неспешно прохаживались усатые пожарники и голенастые работницы с табачной фабрики в красных косынках. Демаркационной линией между ними служили трамвайные рельсы, проложенные посреди мощенной крепким булыжником мостовой. По ним резво бегали красные бельгийские пульманы, сиявшие медью и желтой кожей (кожзаменителей тогда еще не было); но пацаны предпочитали кататься без удобств, на «колбасе». Кстати, не тогда ли появилось родимое «Катись колбаской...»?

Короче говоря, город был удобен для жизни, спокоен и тих. Но не робкой провинциальной тишиной, а все еще губернски важной, старорежимной, хотя особняк бывшего генерал-губернатора его новые хозяева уже «переоборудовали» фанерными перегородками. В оперном театре давали «Травиату», в цирке выступали воздушные акробаты Донато, а в бывшем Купеческом саду распевал «Жил-был на Подоле Гоп

жение штаба Киевского военного округа (позже в нем поместился ЦК партии) и громадного здания НКВД (сейчас в нем помещается Совмин). Количество этажей последнего указать трудно, поскольку, говорят, под землей не меньше «кабинетов», чем на поверхности.

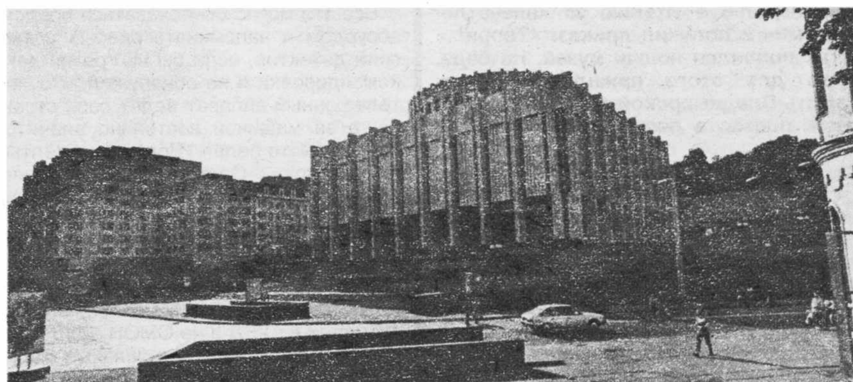
Мало-помалу стал меняться городской пейзаж. Куда девались уютные песчаные дорожки киевских парков, торцовые мостовые и выложенные плитами тротуары? Их залили черным жирным асфальтом. Зато появились троллейбусы и автобусы, а два интуристовских «линкольна» вывели за собой отары черных «эмок». Что же касается новых «объектов», то не многие из них были горожанам в радость. Отлично надстроил сооруженный им же в начале века Государственный банк архитектор Кобелев, да в парке напротив университета появился бронзовый Кобзарь работы М. Г. Манизера. Когда стоишь у его подножия, то невольно вспоминаешь, что ссыльный поэт писал: «Чаще всего я лелею мое старческое воображение картинами златоглавого, садами овитого и тополями увенчанного Киева. И после светлого, непорочного восторга, навеянного созерцанием красы твоей неувядающей, упадет на мое осиротевшее старое сердце тоска, и я переношусь в века давноминувшие».

Потом была война, вторая мировая. Потом было «затем» (помните? «...мы разрушим до основанья, а затем...»). Большой знаток скульптуры Н. С. Хрущев, доказавший это и в перепалке с Эрнстом Неизвестным в Манеже, первым делом распорядился установить памятник В. И. Ленину напротив Крытого рынка. Н. С. Хрущеву понравилась фигура вождя (скульптор С. Д. Меркуров). Когда-то эта скульптура стояла в нише советского павильона на Нью-йоркской выставке.

И вот Крещатик. Новый, возрожденный из пепла. Здания, построенные в стиле «свадебного пирога». Их первые этажи щедро облицованы гранитом, а последующие — керамическими плитками. Так что напоминают они не жилые дома, а гигантские голландские печи. Задираешь голову, чтобы разглядеть на квадратной плитке звездочку. Но без нее, очевидно, никак нельзя было. Социалистический реализм!

Над этим, помнится, мы с покойным Виктором Некрасовым посмеивались в гостиничном номере приехавшего в Киев Назыма Хикмета. Вдруг туда ворвался репортер местной газеты. «Мои ответы вы все равно не напечатаете»,— сказал поэт. «Даю слово»,— ответил репортер. «Ну, хорошо, спрашивайте...»

— Как вам нравится Крещатик? — был, естественно, первый вопрос.

— Совсем не нравится,— последовал быстрый ответ.

Репортера тут же словно ветром сдуло, хотя окно было закрыто, а мы схватились за животы.

Однако и теперь, показывая приезжим друзьям город, я обязательно подвожу их к зданию горсовета на Крещатике и — задачка на сообразительность!— прошу указать апартаменты нашего мэра. Когда-то были такие хитрые картинки. В путанице десятков ложных линий надо было разглядеть человечка или птицу. Помните?

Итак, где же прячется мэр? На десятый этаж он вряд ли забрался, ведь может отказать лифт. На четвертом или пятом ему тоже быть не резон, должен же мэр чем-то отличаться от своих подчиненных. А вот второй этаж как раз по нему. Но на втором этаже полтора десятка окон. Ах, какие вы непонятливые! Видите, все оконные рамы этого здания сосновые и только выкрашены в коричневый цвет, а на втором этаже справа от входа рамы чуть-чуть светлее. Дубовые, а не крашенные под дуб. Стало быть, там и обитает наш невидимый мэр.

«Наш дорогой Никита Сергеевич» оставил после себя в Киеве самые дорогие в мире фонарные столбы, которые и по сей день «украшают» Крещатик. Гранитные же тумбы на переходах пришлось снести, поскольку их постоянно сбивали грузовики.

Свою скромную лепту в изменение

облика Киева вложили и Н. В. Подгорный, и А. И. Кириченко. Последний прибыл в город из Одессы и, естественно, пожелал, чтобы ему соорудили вторую «Потемкинскую лестницу». Сказано — сделано. Так рядом с бывшей Институтской улицей появилась лестница, по которой, свидетельствую, за три десятка лет не поднялся ни один человек. Да и зачем, когда удобнее идти по пологой улице.

Но дольше всех в нашем стольном граде был Первым В. В. Щербицкий. Оттого и наследил он первостатейно. При нем город обогатился новым Дворцом бракосочетаний (старый мешал Хозяину спокойно отдыхать), монументом воссоединения Украины с Россией, установленным под гигантской аркой, которую киевляне назвали не без основания «Хомутом дружбы народов», памятником славным чекистам, зданием Укрсовпрофа, новым филиалом Центрального музея В. И. Ленина, вторым монументом вождя на все том же Крещатике, монументом Родины-матери и множеством других «объектов». Рассказать обо всех нет никакой возможности, и я ограничусь лишь некоторыми.

Разумеется, в Киеве был филиал музея В. И. Ленина. Вместительный, просторный, с отличным залом. И, как водится, он пустовал. Обычно туда приводили пионеров давать торжественное обещание и молодых солдат. Но Владимир Васильевич пожелал сделать подарок своей жене-учительнице и отвести это здание под Дом учителя. В связи с этим был вызван «наверх» мой однокурсник, архитектор Вадим Гопкало, послан на неделю в Италию за «впечатлениями» и получил приказ: «Твори!..» Так появился новый музей. Не беда, что для этого пришлось срезать часть Владимирской горки. За ценой, как поется в песне, мы никогда не постоим.

Узнав об этом, находившийся в изгнании киевлянин Виктор Некрасов задал резонный вопрос: «Была ли в этом надобность? Неужто обнаружили еще одну кепку вождя...» А здание по-прежнему пустует.

Теперь о самом величественном творении В. В. Щербицкого — монументе Родины-матери. Пронырливый скульптор Вучетич явился с готовым проектом, продал его за большие деньги, собрав местную братию, барственно посулил: «Работенки всем хватит, будете сыты...» Сооружение монумента велось сверхстахановскими темпами, чтобы престарелый маршал Брежнев успел освятить его своей скупой мужской слезой. Скульптура Родина-мать стоит к противнику спиной и занесла меч над Днепром. Острые на язык киевляне нарекли эту диву «нержавеющей бабой».

Мне понятно желание человека оставить след на земле. Вырастить сына, написать книгу, посадить дерево. Но делать это он должен сам. Иначе из желания во что бы то ни стало наследить возникают пирамиды глупости.

Впрочем, мне могут сказать: «Зачем ворошить старье? Ведь все уже в прошлом». Если бы! Безумство не самых храбрых, но сильных мира сего продолжается. Еще тысячи людей нуждаются в квартирах, еще не хватает школ и библиотек, а уже затевается новая «стройка века». Я веду речь о разрушенном в годы войны Успенском соборе киевской Лавры. Восстановить его невозможно, только построить заново. Но возникает вопрос: для чего? Чтобы устроить в нем антирелигиозный музей? А если речь идет о том, чтобы возродить храм, то надо бы посоветоваться со служителями церкви. Тем более что секрет кладки XI века нами утерян, а древние фрески тоже не возобновить.

ПРОИЗ

Ваиз ЮНИСОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Красивый и тихий Воронеж на этот раз напугал меня своей непредсказуемостью; здесь я стал чрезмерно бдительным и осторожным и ежеминутно думал о том, не совершаю ли чего антизаконного.

ЗА НАМИ СЛЕДЯТ

Все это могло бы показаться бредом, абсурдом и напоминать слабый советский детектив, если бы на третий день командировки я не обнаружил, что мой телефонный аппарат ведет себя странно, а за машиной постоянно влачится «хвост» — то белая «Волга», то желтый «жигуленок». Слежка, как я понял, была установлена не столько за мной, сколько за человеком, который сидел за рулем. Я же попал в фокус внимания лишь тогда, когда стал все чаще появляться среди тех, за кем уже наблюдало недреманное око. Мои стражи представляли не УВД и не ОМОН — то были просто здоровенные, развязные парни в кожаных куртках.

Когда мы тормозили, тормозили и они; когда увеличивали скорость, и они подгоняли. Один раз мы сделали почетный круг по площади — «хвост» совершил такое же действо. След в след.

— Вы думаете, кто они, эти люди? — спросил меня водитель.

— Видимо, те, кому вы насолили.

— Правильно. Это стукачи-информаторы. Но еще полгода назад они ходили в рэкетирах. Прокуратура Воронежа устроила облаву, замела многих, продержала в изоляторе и... выпустила. Почему, спрашивается?

— Так что, теперь в городе рэкета нет?

— Прямого, как раньше, стало меньше. Зато появился рэкет косвенный. Скорее, шантаж. Вот такой пример. Приходит к председателю кооператива человек и говорит: «Отстегивай 10 «штук», и все будет нормально». Кооператор, ясное дело, не дурак: чего ради 10 тысяч отдавать прохиндею,— показывает на дверь. А на следующий день — проверка фининспекторов, ОБХСС и т. д. А ведь вы знаете, в любой работе можно найти изъян, нарушение, любой расчетный счет можно арестовать, предприятие закрыть. В самый нервозный момент проверки опять появляется человек и спрашивает: «Ну что, не передумали?» Кооператор отдает деньги, и все, проверки прекращаются.

...Не буду интриговать читателя: мой собеседник Сергей Тюхин, 32 лет от роду, бывший работник ОБХСС, бывший старший лейтенант милиции. Его «дело» несколько месяцев шумело в городе уже после таких громких, как «дело» философа-убийцы Запевалова или «дело» Брыча-рэкетира. Я даже подозреваю, что оно и возникло благодаря запеваловской и брычевской историям, в которых воронежские правоохранители из УВД и УКГБ принародно представлялись некими героями, а на поверку, после тщательного разбора, многое оказалось фикцией, блефом (см. «Огонек» № 19 за май 1990 г., очерк «Крыша»). И чтобы хоть каким-то образом реабилитироваться перед общественностью, облпрокуратура затеяла ряд «дел», начались повальные обыски, аресты, аудиторские ревизии, суды, приговоры: одного парня, который вообще не был ни в чем виноват, чуть было не расстреляли (см. «Огонек» № 24, июнь 1991 г., очерк «Последний шанс»).

«НЕ ВИНОВАТ, А СИДЕТЬ БУДЕШЬ»

Сергей Тюхин пришел в органы по собственной инициативе, без всяких рекомендаций и без потаенного желания получить квартиру. Ушел из Новоусманского райкома комсомола с трудом. Его ценили: умен, гибок, умеет работать с молодежью.

И все же решился, собрал пожитки и уехал в Саратов, где окончил высшую школу милиции. Потом вернулся в Воронеж. Назначен был на конкретный объект, работал с охотой. Те, которых он «опекал», сразу предложили благоустроенную квартиру и дачный домик всего за три тысячи, что даже по тем временам считалось очень дешево. Отказался наотрез: себе дороже. Просто не от мира сего человек — ему дают, а он не берет.

Может, поэтому его и избрали жертвой?

Не забудем, что у каждого «опера» ОБХСС есть дополнительный объект, который он в виде служебной нагрузки обязан посещать в выходные дни. Такой «точкой» для Сергея Тюхина и его товарища по работе Георгия Врублевского был рынок с соответствующим названием «Придача». Работа там малоинтересная, обязаловка, к тому же не очень благодарная — поймать за руку спекулянта и при двух понятых, что очень трудно, составить протокол о незаконной деятельности, оштрафовать. Частенько работники ОБХСС за понятых сами же и расписываются. Но об этом позже, поскольку «изловили» Сергея и его коллегу совсем за другое.

Однажды к нему обратилась продавщица палатки № 74 Нина Ляскина — она обнаружила, что ее напарница по палатке Галина Прибыткова перешила на женских гамашах ценники. Вместо шести рублей 60 копеек на «самтрестовских» стояла уже новая цена — 16 рублей 50 копеек. Тюхин и Врублевский тут же приехали на рынок проверить информацию. И действительно: гамаши одни и те же, а цены разные. Врублевский опечатал палатку, составил акт, Ляскина же рассказала обо всем этом директору магазина В. Оноприенко.

Прибыткова в тот же день публично признала факт мошенничества и едва не в ноги бросилась: позвольте самой вернуть незаконную прибыль, не подводите под суд!

Если б Тюхин и Врублевский сделали все по инструкции, не посочувствовали бы Прибытковой, то мотала бы она сейчас срок за мошенничество.

Но случилось иначе. Прибыткова вдруг сообщает в 6-й отдел УВД, что вечером у нее возьмут взятку, и в этом можно будет убедиться.

Маховик УВД заработал на полную мощь: вот, дескать, как трудно разоблачать высокопоставленные коррумпированные элементы, если даже низовой состав ОБХСС берет взятки.

В ту ночь арестовали всех троих: Ляскину, Врублевского и Тюхина. Ордер на арест был выписан задним числом, исполнитель — следователь В. Хрыкин. Надо отдать должное Хрыкину: он с энтузиазмом и особым радением ведет липовые «дела».

Что и говорить, наклевывается крупная скандальная история с разоблачением целой группы «взяточников и вымогателей».

Сергей Тюхин опешил, когда Хрыкин предъявил ему в изоляторе кастет, который якобы был найден в багажнике его автомашины, и боевые патроны, обнаруженные во время обыска на квартире родителей.

— Патроны,— признался Сергей,— я привез из армии. А вот кастет-то зачем мне подбросили? У меня сроду его не было. Ну, подумай, Хрыкин, зачем мне кастет, тем более в багажнике, если у меня есть табельное оружие?

Хрыкин равнодушно зевнул:

— Иначе, старик, дело не натягивается.

Долгих семь месяцев следователь «натягивал» ему статьи 218 (хранение холодного оружия и боеприпасов), 173 (взятка), 170 (должностное преступление), 175 (должностной подлог), заставляя признаться в том, чего не было. Сергей все отрицал и ничего не подписывал, хотя там, на воле, где его знали как честного и порядочного человека, уже вовсю была раздута кампания в прессе: преступная группа разоблачена, скоро состоится суд.

Прибыткова тем временем гуляла на свободе, правда, изредка ее мучила совесть, ведь взятки-то никакой не было, а было только ее мошенничество.

Ни в чем криминальном не признавались ни Врублевский, ни Ляскина. Начальник 6-го отдела А. Куркин тщательно выуживал из Ляскиной «компромат» на Тюхина и его товарища, подводя продавщицу под 173-ю.

Однажды на допрос к Тюхину пришел начальник следственной части Деньдобрый:

— Если ты, мент, протокол не подпишешь, мы тебя в «петушатник» переведем.

(«Петушатник», или «пресс-хата» в тюремных заведениях — самое унизительное местопребывание: там из нормального человека делают педераста.— **В. Ю.**)

— Ты меня уже посадил в камеру

ВОЛ

с убийцей. Если отправишь в «петушатник», то за себя не ручаюсь. Прибью зеков, а отвечать будешь ты — за умышленный перевод в другую камеру. А лишнего ничего не подпишу!

Николай Деньдобрый хлопнул дверью. Хрыкин прилежно гнул свое:

— Серега, ты не виноват, но сидеть будешь. Подпиши лучше. Иначе твой отец сядет за хранение патронов.

Это была знаменательная его фраза. Через некоторое время в местной газете появится даже статья с заголовком «Серега, ты не виноват, но сидеть будешь». А пока шли допросы, очные ставки. «Дело», шитое белыми нитками, наконец-то было передано в суд, но даже там удивились всей нелепости подтасованных аргументов и «составов преступления».

Все трое были освобождены. Но чтобы хоть как-то оправдать незаконное содержание под стражей работников ОБХСС, их осудили по 175-й, а срок, предусмотренный ею, соответствовал времени, проведенному в предварительном заключении.

Так что под должностным подлогом подразумевалось то самое, о чем я сказал в начале сюжета: оформление протокола на рынке без одного понятого (кстати, подписи милиционеров на протоколах были обнаружены уже потом, в конце так называемого следствия). За такой «состав преступления» нам следовало бы упечь за решетку весь низовой состав ОБХСС! Заодно и следователей воронежской прокуратуры, ведь в ходе расследования ими также использовался должностной подлог (кастет), использованы другие противоправные методы. Подложенный кастет, к слову, до суда так и «не дошел», однако в деле С. Тюхина фигурирует — это можно проверить.

Никто, разумеется, не извинился перед потерпевшей «группой вымогателей» за моральный и физический ущерб. Ляскина, я был у нее дома, окончательно сломлена: ей стыдно перед сыном, ушедшим в армию, перед соседями, перед бывшими сослуживцами — с такой записью в трудовой книжке она не может даже устроиться на завод, где работают «химики».

Тюхин и Врублевский, заполучившие в тюрьме кучу болезней, тоже подавлены, все их свободное время уходит на поиски работы.

— Сейчас в Воронеже создается служба наподобие московского «Алекса». Из «бывших». Туда приглашают, ведь я себя ничем не запятнал,— мечтает Сергей.— Служба будет поинтереснее, да и заработок побольше.

— Чем же ты там будешь заниматься?

— Доказывать, что беззаконие, которое происходит в Воронеже, будет твориться до тех пор, пока его покрывают «верха». Ты думаешь, я злюсь на Хрыкина? Ничуть. Хрыкин — бедный человек, мне его жаль. Он исполнитель, подставка, чиновник, не допущенный к кормушке. Как-то встретил его на улице и спросил: «Виктор Васильевич, ну ведь вас заставили состряпать всю эту галиматью, ведь было?» А он ответил: «Да, было, Сергей. Заходи какнибудь ко мне в гости, чайку попьем».

— Как ты думаешь, знают ли они о твоих «робингудовских намерениях»?

— Еще бы. Ведь не зря же «пасут» день и ночь. Мне терять нечего. Я человек их Системы, много знаю. Ведь до сих пор неизвестно, куда подевались компрометирующие документы на один из «южных» кооперативов. Куда они испарились из сейфа Деньдоброго? Сегодня у меня вообще нет гарантий, что вновь не окажусь на Заставе. Так наша тюрьма называется...

ЛЬВЫ, ПАВЛИН И СУНДУК С БРИЛЛИАНТАМИ

Более чем уверен: сейчас, на излете 1991 года, в каждом городе есть свой преуспевающий бизнесмен, вызывающий зависть у одних и мешающий жить другим. Таким здесь стал директор НТЦ «Новатор» Александр Горячев, который ранее в партии не состоял, благами системы не пользовался и был ничем не отличающимся от других инженером ПО «Электросигнал». Но была и разница — инициатива, изобретения, четыре опубликованные научные статьи и 128 внедренных рацпредложений.

Главный инженер как-то сказал ему: «Горячев, не нужны никому твои рацпредложения, которые принесут миллионный эффект. Я же ведь все равно этого миллиона не увижу, не потрогаю даже».

Рабочие тоже едва не возненавидели Горячева, когда тот в выходные дни соорудил свой станок. Они его просто сломали — чего доброго снизят расценки.

Горячев ушел с завода, организовал хозрасчетный клуб рационализаторов, а потом и НТЦ «Новатор».

...Первая зарплата Горячева — а он в «Новаторе» работал почти круглосуточно — составила 5 рублей 12 копеек. Александр объединил самые светлые головы Воронежа: его бизнес в подвальном помещении заключался в том, что он выполнял заказы и разрабатывал проекты для ведущих предприятий города. В принципе значительную часть средств, как это сейчас многие делают, он мог бы класть в карман, но, как человек предприимчивый, вкладывал в оборот, в расширение производства, в посредническую деятельность, в новые разработки и программы. Первый конфликт с властями был таким: позвонили из областного общества изобретателей и рационализаторов и предложили отдавать в их фонд не три, как записано в уставе, а двадцать процентов с прибыли. Он тогда разозлился и сказал: «Никого лишнего кормить не собираюсь. С меня хватит!»

После этого и начались санкции: финансовые ревизии, визиты работников ОБХСС, осмотры складов. Только за два с половиной месяца подобных проверок было... 65! Увы, никаких зацепок прокуратура не находила: все документы были в полном порядке. А между тем Горячев продолжал вкладывать всю прибыль, причем без проигрыша, в новые предприятия, в филиалы; его центр уже насчитывал 300 штатных работников, около восьми тысяч договорников; под Воронежем, куда мы ездили, «Новатор» купил небольшой инкубатор и кролиководческую ферму; взял у военных бросовые станки и наладил производство мебели, столь дефицитной в городе.

Торговой мафии он перешел дорогу тогда, когда покупатели стали брать у него, Горячева, цыплят по 2 руб. 20 коп., а не в госмагазинах, где точно такие же стоили 2 руб. 60 коп. Тут же начались проверки, которые опять ни к чему не привели.

По Воронежу поползли слухи, что Горячев — миллионер, что его частный домик охраняют два льва, купленные в Африке, что по саду гуляет павлин, а в подвале припрятан сундук с золотом и бриллиантами. Многие знакомые отвернулись от Горячевых: в самом деле, если в разоблачении директора, пусть и талантливого, принимает участие прокуратура во главе с прокурором области Горшеневым, значит, дело нешуточное.

Ревизии возобновились, когда неутомимый Горячев учредил в Воронеже авторынок, единственный в Черноземье. Таким образом, был перекрыт «кислород» южной мафии, господствующей в регионе не без чьей-то поддержки: теперь все желающие могут спокойно, официально купить или продать автомобиль, заплатив, разумеется, комиссионные НТЦ «Новатор». Так что «черный рынок» сам по себе.

«Большевистское» меньшинство города ахнуло, когда 35-летний бизнесмен внес полмиллиона рублей в уставной фонд Воронежской биржи (она функционирует в здании горкома КПСС).

Я зашел на эту биржу, поинтересовался списком учредителей-пайщиков. Расклад такой: НПО «Электроника», изготавливающая видеомагнитофоны, внесла 200 тыс. рублей, завод «Риф» — 100 тыс., НПО «Сигнал» — 50 тыс., НТЦ «Новатор» — 500 тыс.; ПО «Электросигнал», где всего три года назад работал Горячев.— 100 тысяч.

Конечно же, власть имущим в эпоху становления рынка такое обстоятельство не шибко понравится: какой-то инженеришка, молокосос, вырос в руководителя крупного коммерческого предприятия с годовым оборотом в 138 миллионов рублей. Следовательно, он, Горячев, и ему подобные будут рано или поздно ставить условия воротилам воронежской промышленности!

Уставший от бесконечных проверок и вызовов в финансовые органы Горячев рук не опускал. К нему стала тянуться не только научно-техническая интеллигенция, но и работники МВД, КГБ, юристы. Например, начальник отдела охраны «Новатора» — бывший капитан милиции, начальник отдела кадров — бывший полковник КГБ. Словом, многим бездельникам от совпартократии Воронежа Горячев «наступил на горло».

Окончательно он разозлил их тем, что учредил агропромышленную биржу «Черноземье» и стал ее вице-президентом. Парадоксально: будучи человеком, далеким от сельхозпроблем, он ныне будет если не заправлять, то по крайней мере играть первую роль в формировании воронежского рынка сельхозпродуктов. Это уже сегодня вводит в состояние шока тех чиновников, которые раньше кормили воронежцев протухшим мясом и несвежим, разбавленным молоком,— они попросту не выдержат конкуренции.

...Громкое дело о жулике-миллионщике Горячеве повисло над городом, как тяжелая грозовая туча, которая вот-вот должна разразиться проливным дождем. Капкан был уже поставлен, оставалось только дождаться, пока «зверь» сам ступит в него.

Сам того не подозревая, Саша Горячев дал «делу» ход по собственной же инициативе и наивности. На день рождения в мае этого года сотрудник «Новатора» А. Гусев дарит ему малокалиберную винтовку. «Мелкашку» Гусев приобрел еще лет пятнадцать назад у охотников Нерюнгри. Винтовка, зарегистрированная на имя А. Гусева,— небеспособная, со сбитым бойком. Гусев, бывший работник КГБ, клялся потом, что винтовка им никогда не использовалась, потому что не стреляла, а висела дома для красоты. Единственно, что в ней было ценного и действующего,— это оптический прицел, при помощи которого охотники когда-то отстреливали белок.

Когда Горячев получил подарок, он сказал Гусеву:

— Кузьмич, пойдем завтра в РОВД и перерегистрируем винтовку на мое имя.

— Пойдем, конечно. Порядок должен быть.

На следующий день они пошли в Коминтерновский РОВД к начальнику разрешительной системы А. Дашко. Тот, зная уже, что на Горячева установлен «капкан», посоветовал принести рекомендации, характеристики и ходатайственные письма из областного общества охотников, членом которого состоял Горячев.

Ясно как день, что подобные бумаги не соберешь сразу. Горячев не успел бы это сделать при всем желании, хотя он в тот же день направился в общество. Рекомендации он не получил, потому как в тот день были чьи-то похороны...

Обыск и арест директора НТЦ грянули в тот же день: 14 мая сего года. Причем ордер на арест, как и в истории с Тюхиным, был выписан уже потом, в следственном изоляторе.

Я изучил позже протокол обыска. Как записано в соответствующей графе, он проводился с целью отыскания и изъятия черновых записей, документов, имеющих значение для дела, а также ценностей, добытых преступным путем. Сразу же возникает вопрос: какое имеется в виду «дело», если до ареста оно никем не возбуждалось? Само ведь «дело» будет возбуждено уже после того, как Хрыкин и его «команда» обнаружат нестреляющую винтовку, подаренную накануне Гусевым. Собственно, ее-то и искали стражи правопорядка и, разумеется, нашли, но почему-то не опечатали — грубейшее нарушение!

Уже через день после ареста следователь заявит Горячеву, зло и ехидно улыбаясь:

— У вас, сударь, вполне исправное оружие.

— О чем вы говорите! У винтовки сбит боек, и это подтвердят и Гусев, и милиционер Дашко.

— А вот посмотрите-ка — и предъявил арестованному акт экспертизы о том, что винтовка может стрелять с осечками.

Горячев понял, что «мелкашку» уже здесь, в изоляторе, отремонтировали, что теперь уже ни черта не докажешь, ведь он даже не запомнил ее номера и во время обыска ее не опечатали.

«А вдруг мне подбросили другую винтовку, из которой, например, вчера убили человека?»

Да, у Хрыкина и его шефов это был, пожалуй, единственный шанс нейтрализовать, «выключить» талантливого предпринимателя из воронежской экономики, поскольку ни миллионов, ни сундуков с бриллиантами не обнаружили. Подчеркну еще раз: Горячев с самого начала своей коммерческой деятельности ущемлял самого себя в зарплате, вкладывая недополученное в производство. Светлана, жена Саши, вспоминает, как Хрыкин разочарованно развел руками, найдя сберкнижку во время обыска: там значилась весьма непристойная для «миллионщика» сумма — 50 рублей!

Горячев сидел в одной камере с ворами, гомосеками и убийцами 14 дней, но эти две недели запомнились навечно: вши, летняя духота, отсутствие воды, умопомрачительный «аромат» параши, в камере вместо шести человек сидели, лежали, стояли 38. Причем все делалось специально, чтобы деморализовать, уничтожить веру в себя, запугать. Всех зеков, например, вызывали

по фамилиям, а его именно так, чтобы там, за тяжелой массивной дверью, вызвать у уголовников злобу:

«Кооператор, директор коммерческого центра Горячев, на выход!»

Пока он кормил вшей, счет «Новатора» арестовали, склады опечатали. В итоге ежедневно центр терпел убытки на сумму в 160 тысяч рублей. И если б не жена, не коллектив «Новатора», не обком профсоюзов, не депутаты, городские и областные, поднявшие небывалый шум в Воронеже по этому явно сфабрикованному делу, сидеть бы Горячеву на Заставе, пока не подыщут удобную статью.

Адвокат Горячева Ю. Сныткин, человек, между прочим, годы отработавший в самой прокуратуре, многое рассказал мне о том, как фабрикуются воронежские «дела» и кто такие Деньдобрый, Пасечный и Хрыкин. Многое стало Сныткину ясно, когда он пришел в прокуратуру уже в качестве защитника Горячева и случайно, сидя у кабинета Деньдоброго, услышал, как тот распекает следственную бригаду Хрыкина. Суть «планерки» заключалась в том, что если Хрыкиным не будут найдены удовлетворительные «компроматы» на Горячева, то уволят всех к едреной бабушке.

Сейчас, когда под давлением общественности Горячева освободили из-под стражи, взяв, впрочем, подписку о невыезде, давление на него все равно продолжается: чуть ли не через день вызовы в прокуратуру, ревизии, подбрасывание через подставных лиц крапленых денег, чтобы хоть за взятку привлечь.

Короче говоря, ничего у Хрыкина не получается, никак ему к Горячеву не подкопаться. Вот и приходится круглосуточно вести слежку, «хвосты» вешать и т. д.

Когда я пришел в офис «Новатора», намереваясь позвонить, А. Гусев, умудренный опытом отставной чекист, посоветовал:

— По серому телефону лучше не звоните. Он прослушивается.

Горячев сидел, обхватив голову руками, изучая биржевые документы.

— Ты боишься, Александр? — спрашиваю у него.

— Мне нет смысла бояться. На меня все равно будут искать улики, ведь установка уже есть, колесо закрутилось. Даже если бы я отдал в фонд правопорядка Воронежа не 100 тысяч, а миллионы, они все равно нашли бы у меня если не эту дурацкую винтовку, то что-нибудь другое. Понимаешь, я мешаю им заправлять рынком труда и капитала — вот в чем вопрос.

БЫЛ БЫ ЧЕЛОВЕК — СТАТЬЯ НАЙДЕТСЯ

Я не стал бы писать этого очерка, если б в Воронеже было только два этих незаконно состряпанных «дела». Вся беда в том, что жалобщиков здесь много, подобных историй — десятки, и я выбрал лишь самые типичные и показательные из них.

«Дело» Татьяны Арсентьевой, директора торговой фирмы «Электрон», вообще не лезет ни в какие рамки: печально известный следователь Хрыкин бросил в тюрьму эту видную и энергичную женщину только за то, что она не пожелала продавать с «черного хода» работникам местного УВД и власть имущим телевизоры. За семь месяцев содержания в следственном изоляторе ей подорвали здоровье, всуе ошельмовали. Трижды она хотела наложить на себя руки. А когда «дело» лопнуло, как мыльный пузырь, отпустили, даже не извинившись. Ее шофер, двадцатипятилетний парень, до сих пор томится в тюрьме: ему вменили в вину хранение небольшого, для зачистки проводов, ножика, который во время обыска был обнаружен в багажнике. Здесь немудреная фантазия легендарного следователя потешилась: парню впаяли срок к тому же и за ношение холодного оружия. А в чем это ношение заключалось? Да в том, что шофер когда-то, быть может, лет пять назад, пронес этот ножик из дома к автомобилю (расстояние между домом и автостоянкой, мотивировал Хрыкин, равно 50 метрам). Словом, как говаривали раньше, был бы человек — статья найдется.

Известно воронежцам и «дело В. Чумакова», токаря колхоза «Путь Ленина». Токарь влепил публичную пощечину местному парторгу, за что прокуратура Нижнедевицкого района на год подвергла его тюремному заключению. Облпрокурор Горшенев лично курировал это «преступление века», защищая таким образом интересы местечковой партократии. Законникам наплевать на то обстоятельство, что пощечину в отличие от прямого удара в челюсть трудно назвать хулиганством.

Интересно: посадил бы Горшенев парторга, если б тот сделал то же самое по отношению к токарю?

...Список незаконно репрессированных в 1990 — 1991 годах в Воронеже можно продолжить, боюсь только показаться чересчур занудливым, хотя бы потому, что их «дела» слеплены слишком банально. Однозначно другое: аресты неугодных и ни в чем не повинных людей, униженных бесправием и позорным следствием, стали здесь едва не привычными, и ответственность за это беззаконие лежит прежде всего на прокуроре области Ю. М. Горшеневе. Общественность, народные депутаты, различного рода движения и профсоюзы Воронежа в различных формах высказали протест не только по поводу присвоения ему звания заслуженного юриста РСФСР, но и оставления его в должности на третий срок — случай редчайший.

Я долго и методично искал аудиенцию с главным прокурором и с его подчиненными Яковлевым, Деньдобрым, Пасечным, Хрыкиным — напрасно. Встреч они всячески избегали, и не только со мной, но и с корреспондентом программы «Человек и закон», приехавшим тоже из Москвы. Причем делали это совсем уж по-школярски: поднимали телефонную трубку и говорили, что их нет. Следователь же Хрыкин, которому мне просто хотелось в глаза посмотреть, выяснить некоторые детали его липовых «дел», ссылался на то, что не будет говорить с представителем «Огонька» без ведома начальства. А начальство им же и было предупреждено о моем визите — такой вот замкнутый круг.

Понятное дело, без мнения самих работников прокуратуры на предмет их незаконных действий этот материал не мог появиться в печати. Поэтому пришлось подождать и приехать в Воронеж ровно через месяц, уже после провалившегося военно-коммунистического переворота. И что бы вы думали? Никто уже меня не избегал, даже напротив: и Н. Пасечный, и заместитель прокурора В. Яковлев встретили очень даже радушно, ведь ситуация-то поменялась. Пасечный, например, который совсем недавно ошельмовал и опозорил на весь белый свет педагога-новатора П. Бабкина, в третий уже раз возбудив против него уголовное дело, убедительно и безапелляционно оправдывался, что в таких «делах» трудно найти конкретного виновного. И разговор уводил в сторону, вспоминая какие-то американские книги, в которых как бы оправдываются ошибки следователей, говорил о неких прорабах, из-за которых получают травмы и гибнут строители, и кто в этом виноват конкретно — сказать и определить непросто: то ли мастер, то ли сам рабочий, то ли инженер.

Я смотрел на Пасечного и удивлялся: как можно так легко, даже легкомысленно, говорить о людях, которым нанесен серьезный моральный и физический ущерб, ведь и Тюхин, и Арсентьева после этих сфабрикованных Хрыкиным «дел», натурально говоря, заболели, Саша Горячев вообще попал в стационар с повышенным давлением, сердечными болями и открывшейся на нервной почве язвой.

Откровенная ложь — это случайность или принцип в наших правовых органах?

Когда я спросил у Николая Пасечного, как у заместителя прокурора, насчет «дела» Татьяны Арсентьевой, он также уверенно заявил, что такого «дела» не знает, хотя именно с его подачи ее арестовали и больше полугода продержали среди уголовной публики.

Что же касается В. Яковлева, то он вел себя чересчур осторожно. Его ответы были односложными, ни о чем. Единственное, на что он дал согласие,— это на мою встречу со следователем Хрыкиным.

Виктора Васильевича Хрыкина я «достал» в местной тюрьме. Я его вызвал в сквер и спросил: «Вы никогда не жалели о содеянном? Вам никогда не было жалко людей, которых посадили в «кутузку»?»

С какой-то странноватой гордостью он сказал, что в его работе брака никогда не было, иначе он не был бы следователем по особо важным делам. Хрыкин упрямо стоял на своем: Александр Горячев — жулик, у него была преступная (кстати, недоказанная) связь с другой фирмой.

...А потом В. Яковлев публично позвонил Хрыкину, отругал его, как полагается, и сказал, чтобы тот прекратил «дела» Арсентьевой и Горячева.

Справедливость восторжествовала? Да что вы, упаси Господи! В нашем Отечестве, видно, еще долго будут сажать по звонку и также по звонку отпускать на свободу. И делать эту процедуру легко и умело. Теперь у прокуроров области один вопрос: а что вы делали 19 — 21 августа? К очень многим согражданам...

Воронеж

Рисунок Алексея МЕРИНОВА

ПЕРВАЯ СЛУЖБА

Марк ШТЕЙНБОК
Фото автора

«9 ИЮЛЯ В 10 ЧАСОВ В ЗДАНИИ МОНАСТЫРЯ СОСТОИТСЯ БОГОСЛУЖЕНИЕ, КОТОРОЕ СОВЕРШИТ ЕПИСКОП КРАСНОЯРСКИЙ И ЕНИСЕЙСКИЙ ВЛАДЫКА АНТОНИЙ В СОСЛУЖЕНИИ СВЯЩЕНСТВА. ПРИГЛАШАЮТСЯ ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ ПРИСУТСТВОВАТЬ НА БОГОСЛУЖЕНИИ».

Объявление на дверях ресторана в городе Туруханске

Накануне первой службы у церкви. Говорит отец Павел.

— Я прибыл сюда 4 июля по назначению Владыки Антония. Создана община, 12 человек записано по документам. Значит, нужен священник. Крестить, отпевать, венчать.

Я думал, здесь вообще нет церкви, а остатки есть, слава Богу. В церкви склад был, сегодня только в два часа выехал, надпись еще осталась. Сейчас люди моют, чистят.

Завтра Владыка Антоний прибудет на теплоходе «Антон Чехов». Он миссионерскую поездку совершает по Енисею. Будет первая служба.

Меня Владыка посвятил в сан, так как сейчас священников не хватает. Это дефицит — священники. Не говоря уже о дьяконах, псаломщиках... это вообще...

Сам я с Урала, из Свердловской области, из Ирбита. Там мотоциклы «Урал» делают. Служил в Тобольске, в Тюмени... с малых лет при церкви.

Я ходил по деревне, спрашивал, люди отличные тут, добрые, пожертвовали иконы. Есть подлинные иконы из этой церкви. Крест даже есть — уникальнейший, запрестольный!

У меня намерение... Мы этот храм сделаем до зимы... и служить, даст Бог, будем регулярно.

Утром в день первой службы. На пристани в ожидании теплохода «Антон Чехов». Говорит экскурсовод Светлана Прокофьевна Ростомашвили, научный сотрудник дома-музея Свердлова в Туруханске.

— В XVII веке Тихон-монах привез сюда несколько своих сослуживцев и построил маленькую деревянную церковь... Ему приходит такая коварная мысль: на Мангазее в часовне находятся мощи Василия Мангазейского. Обманным путем он привозит их в свою церковь, и с этого момента церковь начинает процветать. Люди приезжают преклоняться перед

мощами. Едут даже из других стран, из Скандинавии, были случаи — приплывали из Китая, чтобы исцелиться и поклониться. В 1738 году маленькая деревянная церковь выросла в большую белокаменную. Здесь отбывали ссылку наши декабристы. Бобрищев-Пушкин находился в ссылке в стенах монастыря.

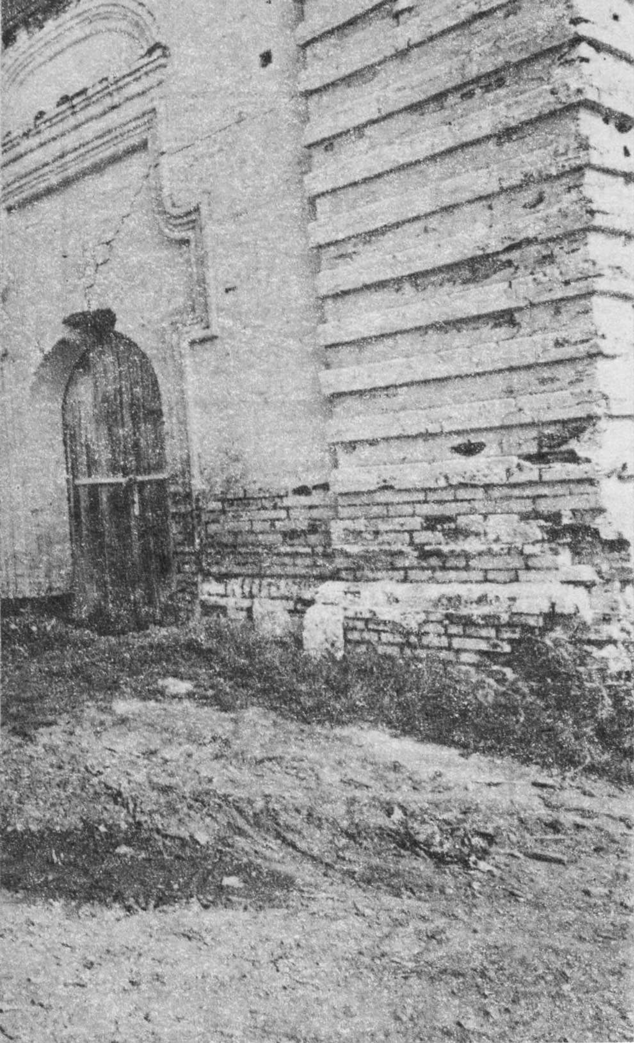
А в 1930 году церковь была разрушена, мощи Василия пропали бесследно.

Перед началом первой службы у церкви. Говорит председатель райисполкома Михаил Иванович Стерехов.

— Сегодня у нас событие, связанное с первым богослужением, и тем, что мы намерены общими усилиями реставрировать наше святое здание. Мы приняли решение, и склад отсюда выехал. Полагаем, что это будет, наряду с братской могилой и обелиском, местом, где пожилое население сможет исполнять свою волю и желание. Мы будем в этом всячески оказывать содействие и практическую помощь.

Во время первой службы Владыка Антоний провозгласил:

— Это радость, что на этой земле мангазейской совершается первая служба. Значит, храм будет жить!

... И пусть храм страшен сейчас, пусть он неухожен, как неухожены наши души, он уже вселяет в нас надежду на то, что мы приобретаем те сокровища, которые были здесь, очагом которых был этот храм для всех ранее живших.

Время обновления настало. Время истинной радости ждет нас!

К концу службы в храме остались немногие: только истинно верующие и особо любопытные, хотя вначале народу было изрядно. Когда распахнулись облупленные врата и двинулся крестный ход, вспомненное Богом место было пустынно.

А Туруханск назывался ранее селом Монастырским.

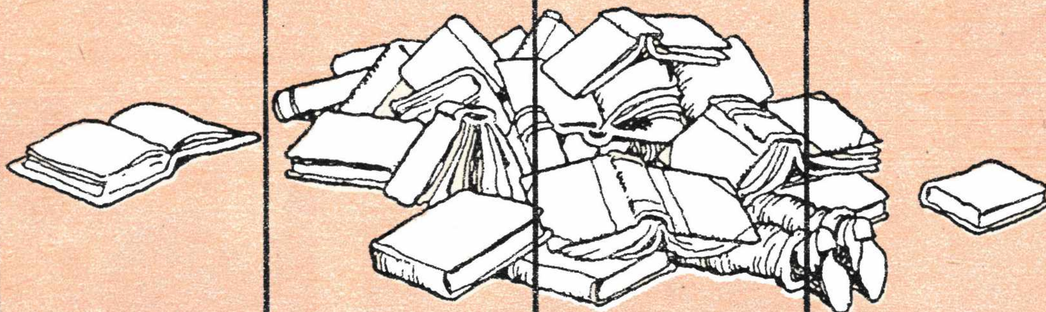
КНИЖНЫЙ ШКАФ

Была ли Фанни Каплан другом семьи Ульяновых?

Британская энциклопедия станет советской. Но не сразу.

Набоков оплакивал их вместе с Линкольном.

Черная сотня под красными флагами.

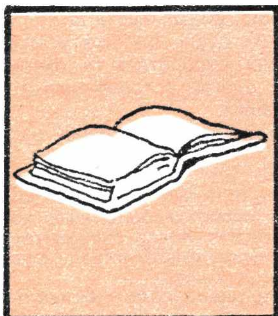

ЛИТЕРАТУРА И ПРИВАТИЗАЦИЯ

Летом 1917 года в Крыму был открыт санаторий для политкаторжан. В нем и отдыхала Фанни Каплан. Здесь познакомился с ней Баранченко, а также Дмитрий Ильич Ульянов, младший брат Ленина...

С. РЕЗНИК.
«Тайна покушения Фанни Каплан», журнал «Литературные записки» № 1.

С некоторых пор литераторы полюбили собираться вместе и что-нибудь учреждать.

Создан Союз российских литераторов. При нем — клуб бардов, замаскированный под секцию авторов песен. За руки там возьмутся все — от Вероники Долиной до Аллы Пугачевой. Секция будет почти как профсоюз, с больничными и т. д., а сам Союз, по слухам, уравняют в правах с СП РСФСР.

А вот журнал новый появился. «Литературные записки» — славное название. Имя совершенно новое, хотя ассоциаций с веком прошедшим рождает массу. Да и кредо журнала... Он печатает так называемую нетабуированную литературу. Понимай так: все, что под запретом,— темы, мысли, отдельные выражения. Вот и покойный «Венечка» Ерофеев в журнале присутствует, посмертное интервью с ним. И духу его следовать собираются.

Придумали журнал, кроме главного редактора Леонида Прудовского, как водится, еще трое. Игорь Иртеньев за поэзию отвечает. Александр Кабаков — за себя лично. Александр Минкин — должно быть, за еврейский вопрос. В первом номере его эссе так и называется: «Еврей». Хотя журнал вроде бы к аполитичности тяготеет. К свежему русскому слову.

Кстати, о слове. Что же понимается под запретами?

«Юнкерские» поэмы М. Ю. Лермонтова (с матом). Баркова — тоже далеко не ханжу — знаем понаслышке, а читали? Проза С. Юрьенена, А. Куркова, А. Хургина, Л. Улицкой — это из содержания первого, уже вышедшего, и второго, еще только ожидаемого номера «Записок».

И какая же новая литература без своих собственных наград?

Несколько литераторов учредили Булгаковскую премию — ради открытия новых и воскрешения забытых имен. Каждый член комитета по Булгаковским премиям отвечает за что-то: А. Вайнер (детектив, фантастика), А. Жигулин (стихи), И. Золотусский (критика), Л. Жуховицкий (публицистика), Г. Семенов (проза), А. Кучаев (сатира). Председательствует Сергей Шаповалов.

Как и ко всякой уважающей себя премии, к этой прилагается чек. Сумма его зависит от спонсоров. Непонятно, правда, кому он будет вручаться. Главная премия за драматургию присуждена, например... пьесе Исаака Бабеля «Мария». Среди трех поэтических лауреатов — Дмитрия Иванова, Александра Вознесенского и Марка Степанова — лишь последний — наш современник, который сможет обрадоваться премии. Правда, помоложе компания у прозаиков: Борис Шишаев из Рязани, Юрий Вяземский из Питера, Олег Сысоев из Воронежа, причем первые двое печатались в толстых журналах, а вот Сысоев может получить премию сразу за рукопись повести «Блюз для Ольги».

А все-таки, что удержит от присуждения премии какому-нибудь ровеснику Боратынского — ведь **там** тоже было немало славных поэтов? И что помешает пяти (или, скажем, тринадцати) литераторам иных вкусов и пристрастий собраться и объявить Лесковскую, Блоковскую или Бабелевскую, наконец, премию? И многого ли она будет стоить?

А это уже и есть вопрос НОВОЙ литературной ситуации. Той ситуации, которая рождает сегодня и частные издания, и относительно частные инициативы, хотя и носящие характер общественных (как, например, с секцией бардов), и, наконец, частные литературные премии.

Разгосударствление литературы. Приватизация основных ее институтов.

Нет, старые никто не отменял и не присваивал. Государственные премии по-прежнему будет присуждать государство. Ленинские — верные ленинцы. Но...

Во Франции, например, около тридцати литературных премий. А ценятся из них по-настоящему пять-шесть. Учредить премию может кто угодно, а вот относиться к ней будут так, как к учредителю относятся.

Канет в вечность незыблемая основательность государственных литературных наград, союзов писателей, фондов. А что придет взамен? И у нас ведь будет скоро, судя по всему, как во Франции,— в литературе уж точно. Как в незапамятные времена, станет она делом частным, приютом влюбленных и домашних ораторов. Политика в ней останется — куда же без нее,— но будет не главным.

А главное — изменится сама литературная политика. Но как? Сможет ли секция российских бардов прокормить отечественных Вийонов? Найдут ли «Литзаписки» читателя-оригинала для своего оригинального кредо? Поможет ли Булгаковская премия нашей словесности, и станет ли она когда-нибудь престижной?

Доведет ли нас до добра эта приватизация в литературе?

Ой? Или «ах»?

А. М.

История повторяется не дважды и даже не трижды, и, хотя фарсов в ней не меньше, чем трагедий, трагедиями, а не фарсами освещено пространство человеческой жизни.

Перед нами — документ. Речь Авраама Линкольна, произнесенная почти сто тридцать лет назад и переведенная уже в нашем веке Владимиром Набоковым. Пафос этой речи созвучен той, еще не произнесенной, при освящении огромного, в одну шестую часть суши кладбища, и по окончании другой гражданской войны, семидесятилетней войны государства против собственного народа. Прочтем ее внимательно и — умудри нас, Господи!

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ПРИ ОСВЯЩЕНИИ КЛАДБИЩА В ГЕТТИСБУРГЕ

Восемьдесят семь лет тому назад наши праотцы породили на этом материке новую нацию, зачатую под знаком свободы и посвященную принципу, что все люди созданы равными.

Ныне мы ведем великую гражданскую войну, подвергающую испытанию вопрос, может ли эта нация или любая другая нация, так зачатая и тому посвященная, долго просуществовать. Мы сошлись на поле одной из великих битв этой войны. Мы пришли освятить часть этого поля, как место последнего упокоения тех, кто отдал жизнь свою, чтобы эта нация могла жить. Такое действие нам вполне подобает и приличествует.

Но, в более обширном смысле, мы не можем посвящать, мы не можем освящать, мы не можем возводить в святыню это место. Мужественные люди, живые и мертвые, здесь боровшиеся, уже освятили его, далеко превысив при этом все, что мы с нашими слабыми силами могли бы прибавить или отнять. Мир мало заметит и не запомнит надолго то, что мы здесь говорим, но он никогда не сможет забыть то, что они здесь свершили. Это нам, живым, скорее следует здесь посвятить себя незаконченному делу, которое сражавшиеся здесь двигали доселе столь доблестно. Это скорее нам следует посвятить себя великому труду, который еще остается перед нами; дабы набраться от этих чтимых нами усопших вящей преданности тому делу, которому они принесли последнюю полную меру преданности; дабы нам здесь торжественно постановить, что смерть этих умерших не останется тщетной; что эта нация, с помощью божьей, обретет новое рождение свободы; и что правление народное, народом для народа не сгинет с земли.

Авраам ЛИНКОЛЬН.
19 ноября, 1863.

Перевел Владимир НАБОКОВ.

МОДА НА ЭМИГРАНТОВ ПРОШЛА?

На тоненьких эротических ножках вбежал Пушкин в большую поэзию и произвел переполох. Эротика была ему школой — в первую очередь школой верткости, и ей мы обязаны в итоге изгибчивостью строфы в «Онегине» и другими номерами, о которых не без бахвальства сказано:

Порой я стих повертываю круто,
Все же видно, не впервой я им верчу.

Уменье вертеть стихом приобреталось в коллизиях, требующих маневренности необыкновенной, подобных той, в какую, к примеру, попал некогда Дон-Жуан, взявшись ухаживать одновременно за двумя параллельными девушками. В таком положении хочешь не хочешь, а приходится поворачиваться.

Или — Пушкин бросает фразу, решительность которой вас озадачивает: «Отечество почти я ненавидел» (?!). Не пугайтесь: следует — ап!— и честь Отечества восстановлена:

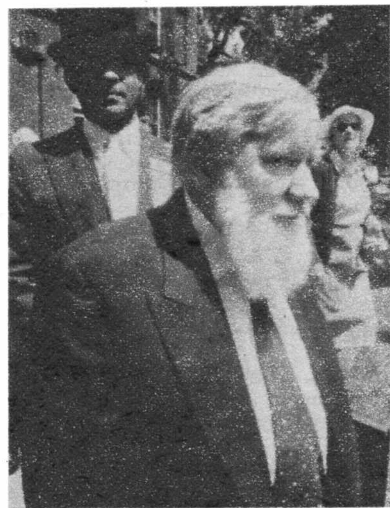
Отечество почти я ненавидел —
Но я вчера Голицыну увидел
И примирен с отечеством моим.

И маэстро, улыбаясь, раскланивается.

Абрам ТЕРЦ.
Прогулки с Пушкиным.

Андрей Синявский стал почетным доктором Гарвардского университета. Вот он, Синявский,— на фотографии.

Впрочем, оба утверждения могут быть недостоверны. Нет, диплом доктора «гонорис кауза», точно, был вручен, но — кому? Ведь профессор Сорбонны Андрей Синявский одновременно еще и писатель Абрам Терц. Так кто же из них был награжден? И кто этот деревенский мужичок-старичок, что выглядывает из своего костюма, как из избушки, косит острым хитрым глазком?

Фото П. ВАЙЛЯ

Кого же все-таки поздравлять? Ясно одно: Абрама Терца поздравлять рано — настоящие почести в его жизни еще впереди.

Терц — идеальный, законченный тип писателя, как бывает законченный бездельщик или меломан. Причем «идеальность» здесь отнюдь не синоним эфемерности, хоть и существует Терц лишь в воображении Андрея Синявского. Идеальность, абсолютность Терца-писателя в том, что он, кажется, научился работать, обходясь без читателя. Конечно, не от хорошей жизни. С читателем ему всю жизнь не везет. Сначала в этой роли выступило государство, оценив стилистические упражнения Терца в семь лет лагерей строгого режима. Затем его не приняла эмиграция, и, наконец, Абрам Терц остался без читателя в нынешней России — ни одна из его книг, написанных уже после ареста в лагере, а потом в Париже, пока в отечестве не издана. Мода на эмигрантов прошла, советы их успели надоесть, все политические карты эмиграции разыграны, пенки сняты, что ж теперь еще — их книжки читать? Да еще художественную прозу, «чистое искусство»... Смеетесь?

А нужно, в общем, немного — прочесть и понять. Услышать наконец те слова, которые писатель всю жизнь говорит чуть ли не в пустоту, ищет, словно навеки обреченный на непонимание, своего читателя, который должен быть в России — не может не быть. И когда он найдется — это и будет награда посерьезнее гарвардской.

А. К.

ЛЮДЯМ С ИНТЕЛЛИГЕНТНЫМ ЛИЦОМ

адресована библиотека Гуманитарного фонда имени А. С. Пушкина (не путать с газетой «Гуманитарный фонд», завоевавшей внимание поклонников изящной словесности!). Библиографической редкостью уже стала книга «Видимость нас», знакомящая читателя с творчеством широко известных пока что в узких кругах московских эстетов Н. Байтова, А. Гаврилова, О. Дарка, а также дебютировавших за рубежом В. Сорокина и З. Гареева и других. Следом вышел уникальный том «Индекс» — путеводитель по рукописным поэтическим и прозаическим журналам современности. Скоро выйдут сборники прозы «Абстинентки», «Парагон», «Мальчик мой дорогой, самый хороший» и справочник «Кто есть кто в современном андерграунде».

— Многие современные авторы не вписываются в рамки «перестроечных» журналов, даже самых прогрессивных, — сказала Ольга Соколова, один из идеологов серии. — И хочется, чтобы читатели поближе познакомились с талантливой прозой тех, чьи эстетические позиции выходят за пределы существующего закона.

Н. А.

«БСЭ» — БРИТАНСКАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Весной в Москве должна была начаться подписка на «Британнику» — энциклопедию, издающуюся в США. Ее русский вариант выпускает «Прогресс». По сведениям, полученным редакцией, подписка перенесена на позднюю осень.

Как сообщил директор фирмы «Прогресс-Энциклопедия» Евгений Губский, подписку проведут не только в столице, но и в других городах. Причем «Прогресс» хочет заняться ею сам, минуя «Союзпечать» и сеть магазинов «Подписные издания». Тем самым издательство рассчитывает получить максимальную прибыль.

Тираж не более 100 тысяч экземпляров. Залог при подписке составит сумму около 30 рублей. Что необычно: деньги не зачтутся при получении последнего тома, они лишь гарантируют получение полного комплекта.

«Британская энциклопедия», или «Британника»,— одна из самых авторитетных универсальных энциклопедий в мире. Первое издание — 1768 год, Эдинбург. С начала XX века к шотландцам подключились американские предприниматели; к 40-м годам они уже полностью завладели издательским циклом. В 1974 году вышло 15-е издание «Британники». Каждый год ее переиздают в обновленном виде. Из 32 томов (включая 2 тома указателей) 12 занимает «Микропедия», 17 — «Макропедия». Первая состоит из 90 тысяч статей (в Большой Советской их около 100 тысяч); «Макропедия» публикует более полные варианты самых важных статей первых 12 томов. Информация деидеологизированна.

«Британника» переведена (или переводится) во Франции, Японии, Китае, Португалии, Турции и в других странах. Чаще всего издается одна «Микропедия».

«Русская Британника» также начнется с 12 томов (плюс один справочный). Выйдут ли последующие, пока неизвестно. Статьи, не представляющие интереса для советского читателя, исчезнут. В качестве примера Е. Губский назвал информацию о бейсбольных командах или мелких, до 5 тысяч жителей, городках США. В то же время будут расширены (или написаны новые) статьи, посвященные русским реалиям, прежде всего истории, культуры, религии. Подобные изменения практикуются в иноязычных «Британниках». Американской стороне сообщат о них, хотя это и не оговорено в контракте.

Работа над текстом не будет произвольной. Сохранятся принципы научности и объективности. Изменения не коснутся и статей типа «Марксизм» (их могут лишь дополнить), а статья «Горбачев» появится в соответствии с изложенными выше принципами.

«Русская Британника» выходит под наблюдением Научно-консультативного совета. Сопредседателем его с советской стороны стал бывший член бывшего Президентского совета А. Яковлев.

Переводом займутся почти 100 человек. Два первых тома выйдут в 1993—1994 годах. Американская редакция обещала все это время присылать изменения и дополнения к статьям. Энциклопедия будет соответствовать американскому изданию середины 90-х.

Последний том на русском обещан к 1997 году. На вопрос, стоил бы том больше 50 рублей, выйди он в марте 91-го, Е. Губский ответил: «Не дороже». В результате наш читатель заплатит за энциклопедию столько, сколько... он заплатит.

А. М.

Русская жизнь не может быть понятна без учета того, что в среде интеллигенции тон задавали евреи и полукровки — русско-еврейские, польско-еврейские. Из их среды шло особое неприятие коренных начал русского народа. С помощью денег евреи легко получали дворянство и приобщались к высшему обществу. Эта среда, крикливая, самоуверенная, легко схватывающая вещи по формальному признаку и неспособная проникнуть в глубь предмета, была склонна конструировать идеологические схемы-псевдоистории с крайним упрощением (Бердяев, Милюков и др.), заниматься конструированием схем улучшенного будущего, в котором себя видела вершительницей судеб. Народ русский был для этих людей чужд по своему складу.

В. ОСТРЕЦОВ.
«Черная сотня и красная сотня».
М., Воениздат, 1991.

МИЛЛИОН ДЛЯ ОМОНА...

Пламенные борцы с жидомасонством получили скромный подарок. В переходах Московского метрополитена появилась книжка Виктора Острецова «Черная сотня и красная сотня». По мысли издателей, в ней «впервые за весь советский период правдиво рассказывается о «Союзе Русского Народа».

Открыв ее, любители антисемитской литературы с удовольствием прочтут, что «когда говорят о революции 1905 г. и тут же о погромах, то уже из этого сочетания революции и погрома ясно, что речь идет о защите русским народом своего национального государства».

Особенно неприятно автору все либеральное. «Либеральный гуманизм,— пишет он,— сделал свое дело. Он разрушил державу и подарил власть завоевателям, условно именуемым большевиками. Этому корпусу наемников враждебной русскому народу силы. (...) Сегодня имена замечательных русских публицистов, историков и богословов того времени старательно вычеркиваются из нашей памяти. Теперь нам называют имена тех, кто готовил власть для большевиков: мелькают имена кадетов, октябристов, генерал-предателей и их потомков с мягко грассирующим «р». Теперь они, эти потомки, учат, как жить». В конце этого исторического очерка добросовестно помещен Устав «Союза Русского Народа». При желании можно вырезать и отнести на регистрацию в райсовет...

Словом, обычная в своем роде книжка. В свободной стране человек волен в своих симпатиях и антипатиях. Однако вот что настораживает: книжка Острецова выпущена в свет Военным издательством тиражом в 1 000 000 экземпляров. В своих чувствах мы вольны, но тиражировать свою ненависть не имеем права. Тем более издавать такие книжки на средства налогоплательщиков и предлагать их людям, которые по долгу службы имеют в руках автоматическое оружие.

«К чести Российской империи, она никогда не знала столкновений на национальной почве между русскими и другими народами»,— пишет В. Острецов. Воениздат, вероятно, решил восполнить этот пробел...

А. З.

В «Книжном шкафу» рылись: Надежда Ажгихина, Алексей Зайцев, Александр Котиков. Речь Линкольна принес Александр Межиров. Ключ от шкафа хранит Алексей Мокроусов.

НИКАКИХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕ НУЖНО...

Когда я попытался вызвать в своей памяти образ Кирилла Померанцева — таким, каким я его знал и любил почти двадцать лет назад и каким он мне запомнился при нашей последней встрече в Париже — незадолго до смерти, я неожиданно для себя обнаружил, что невольно домысливаю и дорисовываю его образ. Не то, что дополняю его вымыслом, а вынужден искать и находить какие-то «связки», чтобы из многих встреч связать, сплести цельный облик. Пока, наконец, не понял — единого образа не получится, ибо в жизни Кирилл Померанцев был удивительно неоднозначен: простой, но не простодушный, бережливый, но широкий и даже расточительный, искренний и лишенный притворства, но готовый при случае незлобно слукавить. И через всю эту человеческую многомерность в нем просвечивали и проявлялись необычайные доброта и доброжелательность. И еще — скромность. За все годы эмиграции он в отличие от многих не оброс ни имуществом, ни вещами. Жаден, ненасытен он был только в одном — в страсти познания, но не книжного (хотя читал много и охотно), а взятого, выхваченного из жизни. Пока хватало сил, он на велосипеде объехал чуть ли не всю Европу, затем, к старости, пересел на мотоцикл, пока случай (в лице княгини Зинаиды Шаховской) не одарил его автомобилем. И из каждой страны, где он побывал — день, неделю или месяц,— он вывозил какую-то мудрость — не чужую, а собственную, выношенную и продуманную самостоятельно. Так у него складывалось совершенно необычное мировоззрение, самобытное, не похожее ни на одну философскую систему. Размышляя о России, он считал, что ее страдания и беды предопределены свыше — для духовного и нравственного очищения человечества, полагал, что напрасно евреи стремятся к воссоединению в собственной стране, так как их назначение — находясь среди других народов, в соответствии с божественным предначертанием, нести в мир истину и справедливость. Ни в какие каноны не укладывалось и его христианство — оно было близко верованиям схимников и одновременно срасталось с первобытным язычеством. И как-то особенно нежно и трогательно он относился к России. Встретив русских людей еще в те годы, когда они нечасто приезжали на Запад, он старался сблизиться с ними. И если его не отталкивали (случалось и такое), тащил их в дом, в свою неуютную и неухоженную квартиру старого холостяка, или приглашал в ресторан и долгими часами расспрашивал о Родине, бесконечно далекой и невероятно близкой и дорогой. Искренне радовался наступающим там переменам, пытаясь понять и вникнуть в новые для него понятия «гласность», «ускорение», «демократизация», с сожалением вздыхал: «Мне, старику, видать, уже не придется побывать в России». И обижался: «Имею на то право — я среди первых начинал то, что называется перестройкой». И был прав. За долгие годы изгнания он опубликовал в различных эмигрантских изданиях, в том числе в газете «Русская мысль», где проработал почти 30 лет, сотни статей, рассказов, очерков. И в каждой из этих публикаций был кусочек его России, пропущенной через собственное восприятие и чувства, и неизменно одухотворенной и гордой — такой, какой он ее видел в прошлом, и такой, какой она обязательно — он верил — станет в будущем. Точно так же писал Кирилл и свои стихи. Главное для него — передать, выразить свое отношение к тому, что он писал, что его интересовало и волновало.

Профессор Илья ЗЕМЦОВ
Иерусалим

Кирилл ПОМЕРАНЦЕВ

* * *

Я так мелко, так скучно старею,
Стал придирчив, рассеян, болтлив.
Были б деньги — махнул бы
в Корею,
В Абиджан или в Тананарив.

Потому что известно с пеленок:
Хорошо только там, где нас нет.
Это скажет вам каждый ребенок,
Каждый русский и каждый поэт.

Потому что — и это известно,—
Что, проживши всю жизнь наобум,
Нам под старость становится
тесно
От себя и от собственных дум.

* * *

Пускай летят, пускай летят
пустыни!
Сегодня ты, а завтра я помру...
Мы позабыли, блудные, о Сыне,
Заканчивая нудную игру.

Застряли звезды в рваной
стратосфере,
Летит Земля в свинцовое ничто,
Готовится к отплытью на Цитеру
Из Валансьена шелковый Ватто.

Сегодня день святого
Всепрощенья,
Благоухает колокольный звон,
И не нарушат Высшего решенья
Какие-то Москва и Вашингтон.

* * *

Если бездна в тебя заглянула —
Значит, долго ты в бездну
смотрел.
Значит, от нестерпимого гула
Оторваться ты не захотел.

Или, может быть, сил не хватило,
Или воля, слабея, сдала —
И кромешная тьма воскресила
Помышленья, слова и дела?

Все, что память настойчиво жгла.

* * *

Не дай мне, Боже, впасть
в отчаянье.
Но научи — как мне не впасть:
Какому вовериться мычанию,
В какую провалиться пасть.

А дни бегут — не стало Брежнева,
В Париже правит Миттеран,
И все отчаянно по-прежнему:
Кабул, Варшава, Тегеран

И прочая фантасмагория:
Мир без руля и без ветрил —
«Господство разума в истории»,
Как Гегель некогда сострил.

* * *

Но, может быть, в страдании есть
смысл,
Таинственный и страшный смысл
страданья...
Как птица, бьется каторжная мысль
О ледяные стены мирозданья.

Но так же медленно встает луна
И, в царственном сияньи нерушимы,
Над черною Голгофой тишина
И звезды над сожженной Хиросимой.

* * *

Не ставил целью я богатство
И славы тоже не искал,
«Свободу, равенство и братство»
Великодушно презирал.

Они ничто не изменили
И никому не помогли,
Туманным облаком парили
Над скорбной участью земли.

Как прежде, Ротшильд проплывает
В своем «роллс-ройсе» на Лонгшан,
Клошар подвыпивший ныряет
В метро на свой ночной диван.

И так плетется все земное,
Звеном цепляясь за звено...
А прочее, а остальное —
Да нужно ли еще оно?

НА ДОРОГАХ ИТАЛИИ

Опять на дорогах Италии:
Порывисто дышит мотор.
Флоренция, Рим и так далее...
Неаполь, Миланский собор...

Блаженствует вечер каштановый,
Над Лидо в полнеба закат,—
Совсем как в стихах у Иванова,—
Сгорает и рвется назад.

Но мне ли теперь до Венеции,
До кружев ее базилик,
Когда, оборвавшись с трапеции
В бессмысленность, в старость,
в тупик,

Я вижу: в конце траектории,
На стыке дорог и орбит,—
Огромное небо Истории
Последним закатом горит.

* * *

В каком-то полуобалденье,
Не то в аду, не то в бреду,
Вдруг, словно головокруженье,
Ложится звездное смиренье
На золотую ерунду.

Бежит минута за минутой
Блаженной микротишины,
И кажется мне почему-то,
Что все мы будем спасены.

* * *

Я давно примирился со всем,
Я давно ко всему безразличен.
Как лакей, я со всеми приличен,
Как отшельник, не спорю ни с кем.

Никаких доказательств не нужно —
Доказательство даже смешно:
Предрассветное небо жемчужно
Потому, что жемчужно оно.

* * *

Налей чайку. И если можно —
крепче,
Без сахара и коньячку подлей...
Ты думаешь — с годами будет легче:
С годами будет много тяжелей.

Горячий воздух листья сушит,
Проносит пыль по мостовой.
В мясных торжественные туши
Сверкают сытой желтизной.

А мы с тобой бредем неспешно,
Толкуем о добре и зле
На этой маленькой и грешной
Очаровательной Земле.

НАКАЗАННЫЙ НАРОД

Ю. ПЕСИКОВ

28 августа было 50 лет со дня издания Указа Президиума Верховного Совета СССР о выселении немцев Поволжья.

«В 1916 году издается закон «против немецкого засилия». ...Стало подготовляться изгнание из Поволжья всех немцев, намеченное на апрель 1917 года. Свержение монархии помешало осуществлению этого варварского мероприятия. Когда колонисты обратились к Временному правительству за отменой этого закона, то Керенский согласился лишь «действие указа приостановить». Отменила этот указ Великая Октябрьская социалистическая революция, покончившая с национальным угнетением и открывшая широкую дорогу для развития национальной культуры, социалистической по содержанию и национальной по форме... Тов. Сталин с самого начала революции уделял огромное внимание вопросам самоопределения Немцев Поволжья... Немцев Поволжья... республика в результате последовательного проведения Ленинско-Сталинской национальной политики стала республикой цветущей социалистической культуры... По интенсивности внедрения новой агротехники республика занимает одно из первых мест в Советском Союзе».

Большая Советская Энциклопедия. 1939. Том 41, статья «Немцев Поволжья Автономная Советская Социалистическая Республика».

* * *

«Варварское мероприятие», не осуществленное ни при последнем царе, ни при Керенском, провели осенью 1941-го, два года спустя после публикации энциклопедической статьи о счастливой жизни немцев Поволжья. Народ был сослан с родных берегов Волги в Сибирь и Среднюю Азию. Республика ликвидирована, ее районы вошли в состав Саратовской и Волгоградской областей, все немецкие названия стерты с карты.

* * *

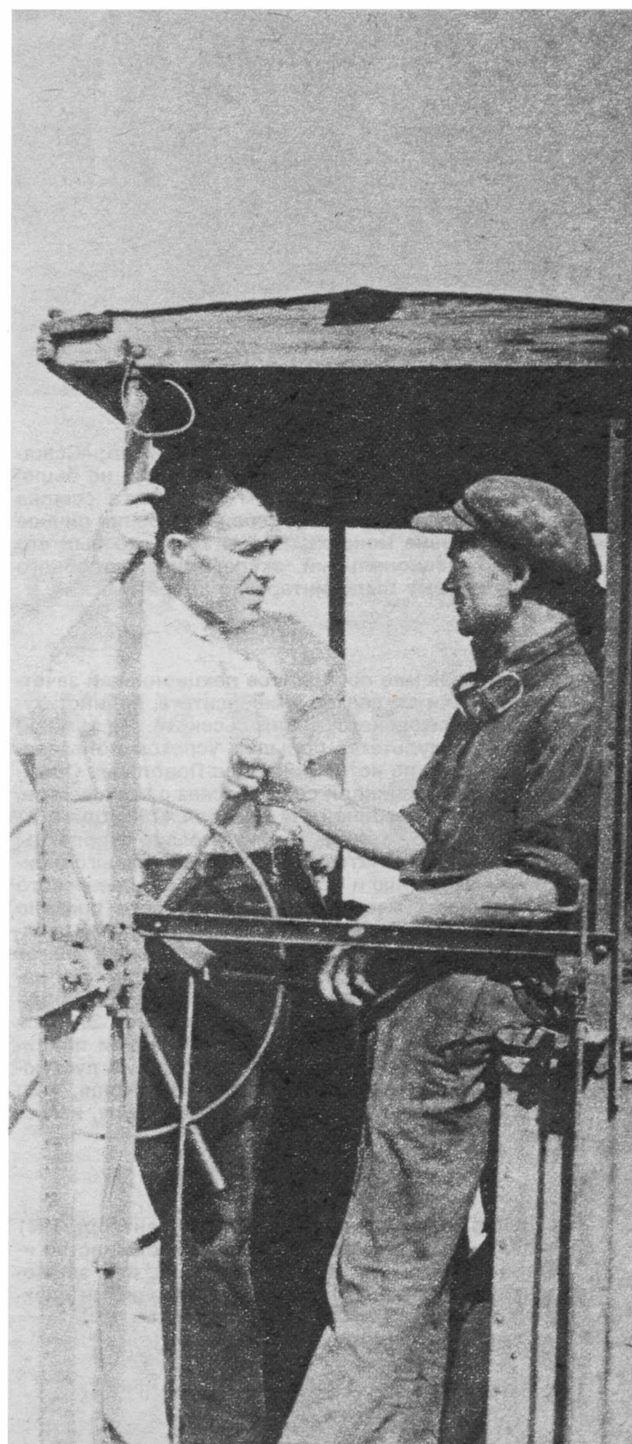
«О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья.

По достоверным данным, полученным военными властями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами Поволжья.

О наличии такого большого количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья никто из немцев, проживающих в районах Поволжья, советским властям не сообщал, следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает в своей среде врагов советского народа и Советской власти.

В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья или прилегающих районах, случится кровопролитие, и Советское правительство по законам военного времени будет вынуждено принять карательные меры против всего немецкого населения Поволжья.

Во избежание таких нежелательных явлений и для предупреждения серьезных кровопролитий Президиум Верховного Совета СССР признал необходимым переселить все немецкое население,

проживающее в районах Поволжья, в другие районы с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах.

Для расселения выделены изобилующие пахотной землей районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие соседние местности.

В связи с этим Государственному Комитету Обороны предписано срочно произвести переселение всех немцев Поволжья и выделить переселяемым немцам Поволжья землю и угодья в новых районах.

Председатель
Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН».

* * *

Не переселение это было, а самое настоящее выселение, изгнание, ссылка — геноцид.

этажными нарами. Для семьи, в том числе многодетной,— нара. Спать приходилось по очереди. Туалета в вагонах не было. Даже отверстия для слива на полу не сделали. Эшелоны останавливались редко — лишь на больших станциях. Раз в день давали миску баланды, кусочек черного хлеба. Многие заболели. Сотни умерли в пути.

В Сибирь и Среднюю Азию сослали не только немцев из Поволжья, но и с Украины, Северного Кавказа, из других мест. В 1942 году всех сосланных за исключением стариков и детей насильно мобилизовали в трудармию. Туда попали и те мужчины, которые в начале войны были мобилизованы или добровольно пошли на фронт — их демобилизовали. Были настоящие концлагеря — бараки, колючая проволока, вышки с часовыми... Каторжный труд в тайге, на лесоповале, в шахтах. Все вручную. Жизнь впроголодь.

1945 год. Фашистская Германия разгромлена. Теперь, казалось, можно было разрешить немцам вернуться в родные края, на Волгу. 26 ноября 1948 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому немцы, самовольно, без особого разрешения выехавшие из мест поселения, привлекались к уголовной ответственности. Им грозили каторжные работы сроком до 20 лет.

Этот указ отменили только в 1954 году. В декабре 1955 года был принят новый указ — о снятии ограничения в правовом положении немцев и членов их семей. Однако в нем оговаривалось: выселенные не имеют права на возврат конфискованного имущества. Ссыльным не позволяли возвращаться в родные края, лишь в 1972 году разрешили жить в любом месте, вернуться в родные города и села.

Великий гуманист Андрей Дмитриевич Сахаров писал: «Для советских немцев национальное угнетение стало повседневной судьбой. В каждой семье — погибшие во время депортации, в резервациях и лагерях, невозможность поддерживать национальную культуру, даже язык полузабыт».

Закончить эту подборку материалов хочется словами академика Лихачева: «Нужно сделать все возможное, чтобы помочь нашим соотечественникам-немцам воссоздать свою государственность, которой они лишились в эпоху, когда целые народы объявлялись врагами народа».

Эти фотографии говорят о том, что до войны поволжские немцы жили точно так же, как все советские люди.

Фотоматериал из ЦГАКФД СССР — готовил А. Юськин

Александр Исаевич Солженицын писал: «Ссылка немцев... Юридической формы у нее не было. Уголовный кодекс был сам по себе, а ссылка сотен тысяч — сама по себе. Это было личное распоряжение монарха. Кроме того, это был его первый национальный эксперимент подобного рода, это ему было интересно теоретически».

* * *

В архивах мне попадались лекционные и зачетные книжки студентов университета, пединститутов — Саратовского и Энгельсского. На гуманитарных факультетах большим успехом пользовались лекции по истории немцев Поволжья. Обычно лекторы начинали свой рассказ с манифестов, изданных Екатериной II 4 декабря 1762 года и 22 июля 1763-го, коими все желающие европейцы призывались селиться на Волге в «наивыгоднейших к населению и обитанию рода человеческого полезнейших местах Империи, до сего праздно остающихся». Колонистам отводилось по 30 десятин на семью, кроме многочисленных льгот в виде освобождения от налогов, рекрутских наборов и прочее. На зов императрицы откликнулись немцы из Германии, Швейцарии, Эльзаса и Лотарингии. Первые немецкие колонии появились на Волге в 1764 году. Благодаря им пустующие земли превратились в цветущие края, был внесен огромный вклад в науку, культуру, искусство страны.

* * *

Депортация проходила с 3 по 20 сентября 1941 года. Выселили около 400 тысяч. Большинство — старики, женщины и дети. Везли их, как заключенных. В товарных поездах с деревянными двух-

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГАРАНТИЯ ВАШИХ ВКЛАДОВ -

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ
БАНК
Р С Ф С Р

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК РСФСР ПРЕДЛАГАЕТ САМЫЙ ШИРОКИЙ ВЫБОР БАНКОВСКИХ УСЛУГ:

- НАДЕЖНОЕ И ВЫГОДНОЕ РАЗМЕЩЕНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ В ДЕПОЗИТАХ И ВКЛАДАХ
- КРЕДИТЫ НАСЕЛЕНИЮ И ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦАМ
- БЕЗНАЛИЧНЫЕ РАСЧЕТЫ
- ОПЕРАЦИИ С ВАЛЮТОЙ

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК РСФСР - УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК ДЛЯ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ!

103473, г. Москва, ул. Селезневская, 40

телефон	284 - 40 - 43
телекс	411001 SMT SU
телефакс	281 - 93 - 33

ОГОНЁК

ЮВЕЛИРНОЕ ИСКУССТВО РОССИИ

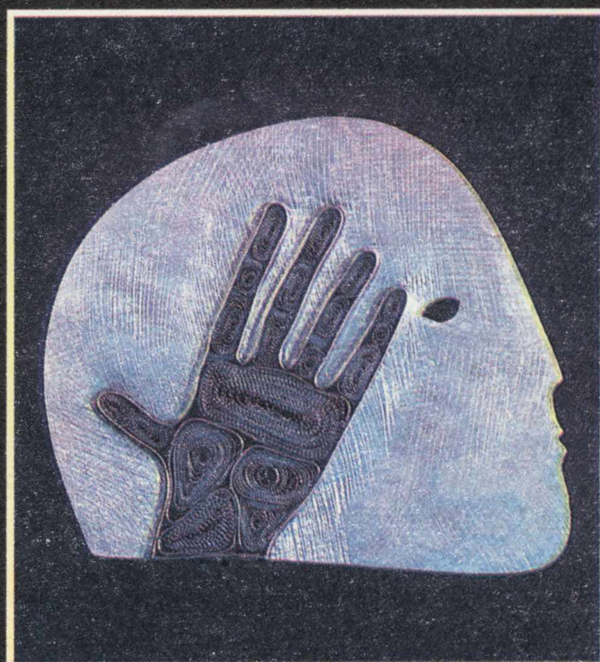
Е. Сарыкин. БРАТИНА. 1989. Серебро, оконная эмаль, скань, золочение.

Имена современных ювелиров России мало известны широкой публике.
Почти нет альбомов, открыток, журнальных статей и критических обзоров.
«Мы никому не нужны»,— говорят сами художники.
И действительно, мало у кого есть мастерские, негде приобрести инструменты, металл, камни, эмаль.
О работе с серебром большинству приходится лишь мечтать — получить специальное разрешение очень сложно. Даже с мельхиором сейчас проблемы.
Приходится регулярно посещать «птичий рынок» и промышленные свалки, искать дружбы с геологами, скупать бусы и раковины в комиссионках.
Работать даже с алюминием, медью, пластмассой.
Вот и уходят из ювелирного дела мастера...
И все же выставка «Ювелирное искусство России» — более трехсот произведений 144 авторов в Государственных музеях Московского Кремля — доказала, что соседство со всемирно известной Оружейной палатой нынешние мастера выдерживают.
Тончайшая скань из села Красное-на-Волге, миниатюры фабрики «Ростовская финифть», рядом — авторские произведения из золота, бриллиантов, самоцветов, выполненные на ювелирных заводах Москвы, Ленинграда, Свердловска...
Зарубежные коллекционеры охотно покупают работы наших ювелиров только за художественные достоинства, оригинальность. Почему же нам не экспортировать гораздо больше ювелирных изделий из драгоценных металлов, вместо того чтобы вывозить их в слитках?
Тем более что, сравнивая искусство прошлого и дня нынешнего, понимаешь, что при всей разности вкусов и возможностей вряд ли бы, скажем, Карл Фаберже отказался от поистине золотых рук наших современников.

И. КОСТИНА

В. Беляев. БРОШЬ «БУКЕТ». 1990. Серебро, гроссуляриты, фианиты, берилл.

В. Тихомиров. БРОШЬ «РАЗДУМЬЕ». 1990. Серебро.

Е. Сарыкин. ЛАДЬЯ «ЗАКАТ», КОВШ «ВЕСНА», ЛОТОК ДЛЯ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ «ИДИЛЛИЯ». 1990. Серебро, оконная эмаль, золочение.

ДУМАЯ О КОМФОРТЕ

Автомобиль «Ниссан Санни» по-разному может привлечь ваше внимание.

На приведенной выше фотографии «Ниссан Санни Седан». Вглядимся в него. Он элегантен. Красив. Очень аэродинамичен.

Под капотом находится мощный, имеющий 16 клапанов и сдвоенные толкатели двигатель, который чутко реагирует на любую вашу команду. Он удивительно хорошо отвечает самым высоким эксплуатационным требованиям.

Машина имеет также мягкий ход. Систему подвески с передним траверсом и параллельными стойками сзади.

Трансмиссию, позволяющую плавно переключать все пять скоростей.

И, конечно, «Ниссан Санни» обезоруживает своей роскошью. К примеру, контурными сиденьями с точной регулировкой. Обивкой салона.

Усовершенствованной системой вентиляции. И вместительным багажником. «Ниссан Санни» выделяется из ряда себе подобных. Эта машина рассчитана на того, кто независим и имеет свой стиль.

Автомобили для страны под названием Европа.

На фотографии показана четырехдверная модификация «Ниссан Санни Седан». Наличие и характеристики моделей могут изменяться. За более подробной информацией обращайтесь по адресу: 103031, МОСКВА, ул. Петровка, 15/13, ИнНис, тел. 927-11-87. 129010, МОСКВА, Грохольский пер., 29, Авто-Сан, тел. 280-34-00.

МУКИ

ЛИТВА ПРЕДЧУВСТВУЕТ РОССИЮ?

Нет мудрых или глупых народов, но есть судьба, которая предшествует другой судьбе и в этом случае может служить знаком, предчувствием, уроком для тех, кому уготовано пройти такой же путь. Предчувствием, уроком, но не опытом. Опыт — свой.

Человек, который просил не называть его имени, рассказал мне, что сегодня особенно остро он ощущает в своей Литве отчужденность, появившуюся в людях.

Этот человек сказал: «Мы сумели избежать «охоты на ведьм», но мы не сумели избежать ее причин. Дайте нам пожить спокойно, и это пройдет».

Наверное, он прав. Но разве задумывались мы, как сложен путь души? От просветленных общих слез во тьму одиночеств? От одиночеств — к ясности?

Из Каунаса позвонил ученый и сказал: у нас спокойно, даже скучно. И он пытался иронизировать над собственной грустью и слегка стыдился своего замешательства. Когда заканчивается парад или проходит опасность, кажется, что нечем заняться, и хочется еще немного музыки и громких слов и... страшусь спросить: эха дальних выстрелов? Кровь Литвы предсказывала и нам кровь.

Но мятущийся дух Литвы светло и сурово осеняет нас предчувствием: нам будет трудно, и мы пройдем тот же путь, ибо в духе возвышаются, падают и поднимаются одинаково. Я думаю: неужели прав мой герой и мучения обыденной жизни, включающие в наши дни уже и кровь, и выстрелы, проще бескровной муки духовного самоопределения человека и народа? Проще, поскольку много раз испытано. Проще, а значит, вдруг явится притягательным, явится почти спасением от МУКИ и сможет от нее отвлечь. Так физическая боль отвлекает от терзаний совести. Так иная власть ограждает от истинной ответственности (хотя не всех).

Нина ЧУГУНОВА

Читающие в лицах, маги, где вы? Сюда.
Иосиф Бродский

ЛИТОВСКАЯ КРОВЬ

Озоласа иногда цитировали с ужасом, мне в назидание. Два года назад он будто бы сказал: «Русский скорее умрет, чем станет работать». Ужасная фраза. Похоже, что Озолас на самом деле однажды выразился подобным образом. Но разве вскоре мы сами не ужаснулись правде? Он сказал мне, что я сумею ощутить себя русской. Нет, невозможно, ответила я тогда с горечью. (Помните Россию 89-го — была она?) Но через полгода в изувеченном нашей счастливой жизнью Павловском Посаде перед многослойно крашенным известкой длиннoруким Лениным и облупленной пионеркой я испытала сильный приступ этой боли... (И вдруг прошел тайный страх, преследовавший меня в Литве: будто всякий может меня ударить.)

Лето 89-го: он был тогда «одним из лидеров «Саюдиса». Название этой организации некоторые литовцы переводили на русский как «Перестройка». Сегодня в это не поверит ни один литовец.

Озолас тогда говорил: «В феврале на выборах в Верховный Совет депутаты от «Саюдиса» получат большинство. Новое правительство займется вопросом изменения нынешнего статуса Литвы путем поиска новых форм сотрудничества с Россией».

Этот фрагмент был опубликован. Но далее в записях следовало: «...— с Союзом? — нет, с Россией. Союз, полагаю, к тому времени перестанет существовать».

Это не было опубликовано. Это не воспринималось даже как смелый прогноз. Это было просто невозможно, как и ощутить в себе русскую кровь.

— У меня такой вопрос: теория коммунизма вам нисколько не близка?

— Если позволите, нисколько. Но она опирается на одну извечную идею, советской практикой ее осуществления безнадежно скомпрометированную. Это идея разумной общей жизни. Не только отстаивать, но и заново обновлять эту идею сейчас бессмысленно, бесполезно. Всем это настолько... осточертело. И просто выбираю индивидуализм, людские муки на этом пути.

Тогда же он произнес слово «танки».

После публикации в «Огоньке» очерка «Ажуолас»[1] пол-Литвы узнало «тайну» Ромуальдаса Озоласа, латыша по отцу. Пол-Литвы разоблачило себя легкой судорогой: один из отцов «Саюдиса» не был чистокровным литовцем! А ведь то было еще время слез и объятий.

Так камень, брошенный Озоласом, на пороге литовского горестного и счастливейшего года обнаружил ряску, начавшую стягивать чистый пруд с кувшинками (чистый пруд с кувшинками — это образ Озоласа, философа и поэта: небывалая Родина).

Прошлым летом во время поездки членов правительства по крестьянским хозяйствам, когда официальные лица и крестьяне вели полукартинную беседу в чистом поле, Озолас вдруг подошел ко мне. Загнанная земля. Загнанные люди.

Прежде я не слышала в его голосе ярости.

— Что же будет? — спросила я тоскливо.

Литовской крови в нем, конечно, было больше, чем во многих других.

Весь прошлый, литовский, год мне пришлось часто бывать в Литве, и я часто оказывалась вовремя... и весь этот год Ромуальдас Озолас был для меня тем, кем он является, думаю, на самом деле: философом, бросившимся в политику, как бросаются в огонь. Иное звучание его латышской фамилии на литовском помогало мне различать политика и поэта.

Ажуолас был пришелец вечности, нуждающийся в абсолютной тишине, накопивший тридцать томов записей о литовской провинции и хранящий груду детских рисунков сына, «большущего литовца».

«Слышит ли Литва, понимает ли Литва Озоласа, любит ли его латышское имя?» — записала я в одну из наших встреч прошлым летом, когда он сказал: «У меня ощущение переломного момента: кажется, еще немного — и начнется хаос».

После он слово «хаос» заменил более нейтральным.

Озолас стремился к взвешенности, осторожничал, себя останавливал на полуслове. Резкость Ажуоласа смущала, пугала. Но неосторожный Ажуолас не ошибался никогда — теперь вижу ясно.

— Вы говорите, что «вопль Духа о спасении» в Литве раздался вовремя. Но уже воспитаны поколения на иной правде. Не поздно ли? Разве вы имеете иной народ, чем всюду у нас?

— Мы надеемся на другой народ (сухо, осторожно, внятно — после паузы).

Озолас часто беспечно очаровывался жизнью — Ажуоласа утомляли предчувствия. Озолас надеялся — Ажуолас уповал. Озолас исступленно желал «Саюдису» святой и страстотерпной судьбы Вечной оппозиции, то есть судьбы философа и поэта, то есть своей судьбы? Борьба за власть и взятие власти, как

[1] Так по-литовски звучит фамилия героя.

и всяческое партийное поведение, губительны для живого движения «Саюдиса», говорил Озолас. (Он знал: мука противостоять любой власти силой сомнения жестока. Он предчувствовал: трудно сопротивляться жажде власти, лишающей сомнений.)

При первых признаках свободы Озолас стал настаивать: депутаты парламента, избранные от «Саюдиса», обязаны уйти из движения в том случае, если они получают властные должности. Первой не смирилась Прунскене: став вице-премьером, она оставалась в «Саюдисе». Озолас **надеялся:** уходящие во власть оставят в «Саюдисе» простор для новых оппозиционеров. (То было время поэтов в «Саюдисе». Потом пришло время клерков... «бойцов партии», и надвигалось время аплодисментов стоя, запрета на иные, чем официально-саюдистские, идеи. Надвигалось время клятв в верности, исключающее сомнение как ересь.)

Сейчас я думаю: в какой степени это было уверенностью, а в какой заклинанием терявшего надежду, провидевшего путь?

(«Саюдис» рванулся к власти как армада.)

Еще не было крови. Еще литовской кровью не был обозначен наш путь. Еще мы, русские, не прошли через испытание литовской кровью с тем, чтобы откреститься от наших. Еще не было недавней новой крови, не было и таможни... и Москвы! Еще кровь не развела нас настолько, чтоб мы не помнили, не могли разглядеть сквозь кровь лица брата, настолько похожего на тебя, что делается страшно... до му́ки, вот как метит преданное родство.

ПЕРВЫЕ ДНИ

Я хорошо помню Озоласа тем, первым мартом, как, впрочем, и всех. Ландсбергис был ликующим бенефициантом. Бразаускас отказался со мной говорить. Казимера Прунскене появлялась во дворце парламента в окружении западных журналистов тоже ликующая. Даже Озолас был лишен сомнений. Но он был сух и отчужден.

Очевидное отсутствие в нем сомнения задело меня, и я сказала ему об этом.

— Сомнения никакого не было и нету,— отвечал он.— Мы приблизительно за неделю знали, что случится и когда, и, выступая в Доме ученых, я многих привел в недоумение, сказав, что независимость будет провозглашена не позже одиннадцатого числа двенадцати часов ночи.

— От каких ошибок в восприятии последних событий вы хотели бы предостеречь?

— От гипертрофированной оценки происходящего. Но независимость Литвы можно оценивать только положительно. Даже если Горбачев, став президентом, установит свой режим, это будет означать только модификацию генерального развития.

— Не оправдываются ли сегодня опасения насчет «Саюдиса»? По-моему, «Саюдис» теперь захватывает власть.

— Не так. «Саюдис» теперь осуществляет власть посредством демократически выбранных народом депутатов. Что они создадут, будет нечто отличное от программных установок «Саюдиса». После восстановления независимости многие из депутатов уйдут. Я буду одним из первых. Также мы постараемся создать оппозицию советским формам восприятия...

— Назовите эти формы.

— Вождизм. Который и поныне процветает. И другое...

— И в сознании литовского народа?

— А как же!

— Не этим ли обстоятельством объясняется замешательство многих в связи с тем, что Бразаускас проиграл?

— Именно! Пока не сумеем мыслить абстрактно, каждая идея будет воплощаться в образе. В образе Бразаускаса, в образе Ландсбергиса... или в образе любого другого!

Через полгода в своем кабинете вице-премьера он говорил:

— Да, я имею сомнения! Но для сомнений у меня остается мало времени. Я не свободный человек. Я инструмент, инструмент общества, которое что-то осуществляет или хотя бы желает осуществить. Имею надежду, что так будет не все время. Но пока Литвы не признает мир, я не уйду. Другого дела пока нет. Потом как дары будет другое... я надеюсь.

Почти мимоходом он сказал о том, что «несвободой» страдают и «не участвовавшие» и она наилучше видна в том, как одинаково они проклинают большевиков, между тем как «компартия Литвы на пути самоуничтожения вела себя достойно, что редкий случай среди компартий».

Итак, в самом начале литовского трагического года он видел многое. Прежде всего несвобода проклинающих.

А судьбе его было не до даров. Литовская судьба уже не щадила его.

«Страх, который приводит меня в ужас,— это страх перед абсурдом. Абсурд постоянно таранил мою жизнь...»

Год Литвы заканчивался под Рождество.

СВЯТАЯ НОЧЬ

Из репортажа. Декабрь 1990 г.:

«Это была самая одинокая и холодная ночь Литвы.

(В электрическом море европейского Рождества Литва плыла кораблем с потушенными огнями, под шепот пророчеств и дурных предчувствий она встретила свое первое рождество, его святую ночь; наутро в храмах толпились и скупо, как прежде, ликовали вне их; по талому снегу прогуливались с детьми, покупали сухие цветы и пили горячее красное вино из бумажных стаканчиков: и тайная радость, и тайный, всех разом охвативший страх. Солнце и яркое небо были чрезвычайны — как в Сибири в трескучий мороз.)

Примерно за неделю перед тем в Литве и коегде в Москве распространилось известие о том, что воинские части, дислоцированные в Литве, получили секретные пакеты с приказом вскрыть их именно в ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое.

В интервью агентству Рейтер Ромуальдас Озолас предупредил мир о возможном содержании секретных предписаний. Он настаивал на существовании опасности и требовал от Литвы готовности на сей раз зафиксировать факт новой оккупации, чего не произошло, напоминал он, в сороковом: оккупация не была подтверждена выстрелом, хотя бы единственным, в оккупанта. Еще летом Озолас говорил нам о том, насколько важно для Литвы иметь подразделения национальной армии; при этом совсем не важно, насколько велика и как оснащена будет эта армия, необходимо, чтобы были люди, которым по службе положено выстрелами реагировать на попытку или факт нового захвата Литвы. Сопротивление, возможно, безнадежное, должно быть делом и обязанностью государства, но не общественности. «В случае новой оккупации наша маленькая армия, конечно, обречена на уничтожение»,— говорил Озолас. Эти рассуждения на макушке мирного лета казались мне фантастичными. Следует отметить, что речь не шла о вооружении народа или о создании добровольческих вооруженных отрядов, но о цивилизованном и юридически обоснованном поведении государства, над которым почти неощутимо нависла угроза.

Сейчас, в декабре, новость о секретных пакетах в войсках, распространившаяся до «западных кругов», сильно возмутила военных в Литве».

...После 13 января Витаутас Ландсбергис для большинства литовцев является воплощенным образом свободы и Литвы.

Литве сегодня не нужны философы, сказал мне молодой философ.

Увы, не философы определяют время своего прихода. Но, к счастью, и не мы с вами...

«...человек не должен стать чистой духовностью. Иначе он опять станет большевиком и захочет умертвить даже материальное».

(...Сына Озоласа убили в новогоднюю ночь, во вторник. В воскресенье был час Озоласа на телевидении. Неполный год в один и тот же час он, вице-премьер, появлялся на экране, готовый к тому, чтобы «вырвать слова прямо из горла», к тому, чтобы выслушивать упреки о своей неспособности выступить, и уже знающий, что в этот традиционный час Литва приникает к экрану с ей самой неясной тягой, с мукой.

В воскресенье он сказал о сыне: я постараюсь сделать все, чтобы ему там было спокойно. И после стал говорить о ценах.

Через день правительство подало в отставку.)

МУКИ
(фрагменты записей 1991 г.)

1

Небо не воспринималось как небо. Но вроде бы как зеркало. Вроде бы я сюда заброшен, и временность моего пребывания мне абсолютно ясна. И только некоторые моменты жизни были моментами пребывания.

Я с жаждой также ощущал стремление быть без остатка. Быть здесь, в этот момент, полностью...

Время «Саюдиса» было осуществлением этого желания. То было бытие в пребывании.

2

Мотив, объединяющий все прошлое время «Саюдиса», но продолжающийся и сейчас,— это мотив смелости. Не знаю, это ли слово или другое. Какие есть в русском слова? Нет, не отвага. Может быть, просто установка на небоязнь.

После 11 марта я понял: **не правда главное для многих, а то, как она существует.** *Это истоки политики.*

Я понял, что время «Саюдиса» прошло.

И сегодняшний «Саюдис» есть и будет иным.

3

Самые главные для Литвы две-три вещи. Международное признание, приватизация и армия — прежде всего. Признание — дело ясное само собой. Приватизация же важна как реальная возможность освобождения каждого и возможность создания гражданского общества с демократическим его устройством. А для обороны всего этого неужели опять «приглашать» будем?

4

Говорить о национальной литовской армии в обществе, воспринимавшем Советскую Армию как нечто абсолютно отрицательное, а Литву в то же время как нечто безоружное и мирное, было достаточно острым занятием. Я от этих своих речей и дел очень многое потерял. И до сих пор уходят «вроде бы друзья», и до сих пор напоминают... демагогически.

5

Я никогда не радовался и тем более не наслаждался своей работой в правительстве. С самого начала я знал, что иду в изгнание. Я, помнится, так и говорил об этом.

6

По мере того как Советская Армия все больше разбушевывалась, отстаивание правды — создание нашей армии — становилось все больше моим делом. Я хорошо понимал, что делаю, и работал, повинуясь инстинкту правильного шага.

И смерть сына должна была меня остановить.

7

После того как шок прошел, я понял, что отрублено все, что привязывало к жизни. Все, что доказывало мне: живу.

Все имеющее значение поднималось из жизни только как мука.

8

...му́ка как способ бытия.

Я давно знал, что без этого не можешь достаточно точно знать, что означает пребывание здесь.

Теперь понял, что лишь начинаю понимать.

9

Те, что вернулись из Сибири, вернулись в большинстве без мести. Настолько велика была их мука.

Те, что ненавидят, не страдали.

Или страдали из-за быта, не из-за бытия.

Сколько еще предстоит пройти нам, чтобы приобрести такое качество души, в которой мука — только момент Духа, не губительный для него, но лишь измеряющий его величину и подтверждающий величие.

Без муки душа наивна, детская даже в зрелых годах. Так с человеком и с обществом: порывистость и сварливость, с «мукой» из-за бытовых неурядиц.

А приобрести — как?

10

Никаким иным способом, как принятием на себя ответственности за все свое пребывание.

Это единственный источник здорового общества и здорового человека.

Такой человек в таком обществе даже в самых трагических обстоятельствах будет стремиться выйти на жизнь. Трагическое он будет ощущать как момент жизненного.

(У американцев, скажем, всегда подводится нравственная черта под страданием ради того, чтобы видеть жизнь. Так в литературе, в кино. Даже в фильмах ужасов побеждает ребенок или женщина, превозмогшая истерику.)

11

Сколько из нас с удвоенной энергией бежит от того, к чему должны были идти: от открытости всему достоверному и восприятия всего достоверного во всем его объеме.

Или прячется в старые норы. Даже не считая необходимым меняться.

Даже считая это опасным!

12

Ясно, что первый миллион не может быть чистым. Придется смириться со стремительным обогащением одних и обеднением других. Но последних следует уберечь от разорения и нищеты. Их должны охранять партии, профсоюзы и милосердие.

Мой отец не способен взять чужого гвоздя. Просто он таким родился.

13

Человек знает, что такое правда! Как бы старательно его ни воспитывали в «нужном духе».

Неудивительно, что Ленин начал с уничтожения правды.

Убежденность не имманентна правде. Стремление сохранить правду — это мýка души.

14

...мýка души, сотрясаемой стараниями установить, КТО ты и ЧТО ты.

Это очень неприятный процесс. С детства он воспринимается как пытка.

15

Правду мы потихоньку заменяем интересом.

А пока Дух будет пребывать в таком состоянии, будут выработаны институты, система их функционирования, законы, которые зафиксируют эту ориентацию.

Страсть к лозунгу, исполняющемуся в момент его провозглашения. Это — нежелание мук и правды.

Почему так? Да потому, что нету того, что могло бы заставить нас стать ответственными лицами.

16

Только собственность делает человека ответственным.

17

Беда Литвы не в том, что она «ушла» прочь от центра, беда Литвы в том, что она не дошла до самой себя.

МУЧЕНИЕ СТРАСТЕЙ

После одиннадцатого марта первое в новые времена правительство независимой Литвы составили изгнанники и оппозиционеры. Парламент, в большинстве своем составленный из тех, кто «лишь провозглашал себя новым», был во многих решениях воплощением нетерпения. Вспомните: страсть к лозунгу, исполняемому в момент его провозглашения, вождизм и требование образа национального героя.

Нетерпение и «твердая воля» парламента происходили, конечно, от простого непрофессионализма, что в сочетании с яростью нового революционного «духа» может стать сокрушающей силой, притягательной для народа, испытывающего понятный страх перед долгими муками долгого пути, народа, готового в ярости увидеть обещание скорого конца мучений. Такой парламент неминуемо должен был начать отвергать очевидное.

Очевидное — это путь перемен, когда новые законы могут встретить сопротивление жизни. Очевидное отрицало всеобщее благоденствие наутро (через полгода, через год) после провозглашения независимости. В позиции правительства не было намека на чудо. Но ожиданием чуда жили люди: ликование первых часов независимости хотелось продлить всем...

Парламент новой Литвы — вот ее драма — был понятнее и ближе народу, воспитанному на газетной «правде» наших заголовков и наших встречных планов, многократно перевыполненных...

Мы давно не знали, как долго прорастает зерно.

«Изгнанники» и «оппозиционеры»: их характер, уровень притязаний на власть, уровень образованности и опыт существенно различались. Это были очень яркие личности: Казимера Прунскене — «железная леди», любящая осязаемую власть, экономист, готовый говорить об экономике, отвечая на любой вопрос; инженер Альгирдас Бразаускас, проигравший музыковеду Ландсбергису, не запятнанному ни членством в партии, ни каким-либо иным «участием», но еще возглавлявший компартию, сохранившую достоинство и даже симпатии литовцев; и Ромуальдас Озолас, трудно понимаемый многими, не любящий митинги, вчерашний издатель и редактор газеты «Атгимимас» («Возрождение»), прервавший работы над философскими трактатами.

Прунскене была в этом составе «яростный мотор».

Проект Закона о приватизации был обсуждаем летом и все время тонул: обсуждался пятый, восьмой вариант.

Клеймо «коммунистическое» было применено противниками к правительству почти сразу же после сформирования кабинета. Следовательно, идея приватизации исходила от хитрых коммунистов.

Взрыв возмущения масс по поводу повышения цен был запрограммирован заранее — весной, в самом начале, под шум взрыва ликования: у нас будет, как в Финляндии.

Клятва на верность «Саюдису» в день открытия монумента Свободы в Каунасе. До январских событий так далеко...

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Противостояние парламента и правительства было неравным.

Нежелание муки — жажда чуда свободы.

Не было пока иного народа.

— Каковы бы ни были наши предложения, мы были предназначены для того, чтобы быть уничтожаемыми. После ухода правительства в отставку стали раздаваться требования отдать нас под суд за «политические и экономические преступления». Ну, я был бы рад суду... 13 января одним простым действием — военным вмешательством — наше натуральное развитие в раздирающей душу политической борьбе было ощутимо повернуто в сторону. Единое сопереживание нашей пролитой крови прикрыло наши разногласия и разные подходы.

Но разве «сплоченный народ» нужен в мирное время? «Понятливость» народа, послушность его, по-моему, становятся необходимы, когда государством не удается управлять при помощи экономики.

Экономику — новую свою экономику — мы тогда только начинали.

...Итак, мучения этой ночи заместили открывавшийся народу долгий путь мук? Страсти — терпение страстей.

Я видела утром 13 января единый, в слезах, народ, готовый терпеть страдания и смерть ради свободы.

Вчера этот народ отвергал на этой же площади неминуемую бедность с возмущением соблазненного обещаниями богатства.

Мучения ясны и знакомы. Многотерпение мук и аскетические опыты — нет.

13 января за занавесом крови и похорон мелькнуло продолжение правительственной драмы: едва назначенный новый премьер-министр (достоинством которого, как говорили, была исключительная и врожденная честность того рода, что не может гвоздя украсть и слова солгать) внезапно исчезает и некоторое время спустя объявляется, опозоренный доказательствами трусости. Третий в новой истории независимой Литвы премьер, говорили, вполне соответствовал требованиям обвинителей бывшего правительства.

(Вернувшись от Горбачева перед самой отставкой, Прунскене потом рыдала, рассказывая, какой прием ей был оказан.)

МУКИ

18

И в независимой Литве будут люди, продающиеся за идеи, будут интересы властвования, владения и преобладания. И дай Бог, что более великий — интерес к правде и справедливости...

19

Есть хорошее литовское слово «сжить»: пересилить, превозмочь жизнью.

20

Я не имею никакого удовольствия от того, как я фактически прожил этот год. Но я сегодня лучше чем когда-либо понимаю, что я полностью ответствен за то, сформируется ли в Литве демократическая среда, способная амортизировать и правые, и крайне левые силы.

В парламенте я буду заниматься Центром.

21

Нет страха и мало что связывает с жизнью. Имеется только потребность окончить работу. Работы.

Опасность — игра! Можно считать, что еще существует опасность оказаться опять в Союзе. Но мы уже вне Союза — мы полностью независимая страна. Остается опасность откладывать работу.

22

...Искушение отложить и искушение найти силы, мешающие действию, работе и честности, как правило, оказываются сильнее человека, объявившего себя иным.

23

Так Дух, восставший, вдруг ищет себе «спасительные» норы.

ЧИСТЫЙ ПРУД С КУВШИНКАМИ

Я говорю ему: не могу ощутить Духа Литвы вновь, как это было позапрошлым летом, когда вся Литва была вызов, вся — любовь. Весь год езжу.

Он говорит: может быть, он спрятался в конкретном?

Говорю: так? Ну, значит, в том нет моей вины.

Говорит: вы хотите легко жить. Есть вина.

В чем же, в чем.

С последней искренностью: как много всегда твердили о России. Но закрою глаза — вижу темное облако, мятущееся во мгле же. Это — Россия, родина?

А вы думали, Родина — чистый пруд с кувшинками? — говорит мне он.

СМЕРТИ НЕТ

Я приехала в Литву 5 сентября.

Озолас опять был вне сомнений. Дело сделано, сказал он. Работа завершена: 3 сентября дипломатические отношения с Литвой восстановили Соединенные Штаты.

— Да, мы — самый великий просчет Горбачева. Суть. И сегодня он этого не понимает. Да Бог с ним. Хоть я надеялся, что он осилит себя. Больше так не буду, ни с кем,— улыбается.

— Дальше — что?

— Дальше? Дальше надобно жить. Лично я должен освоить возвратившийся мир: оккупация захлестнула еще в бессознательном состоянии, и в советское время о «бывшем мире» мы почти ничего не знали. Надо переоценить и это пятидесятилетие. А как же! Иначе мы и дальше будем пробовать жить за счет антикоммунизма, а не некоммунизма. Надо все очень четко разграничить. И разложить по местам.

— С политикой я прощаюсь. Нет, не убегу, все будет окончено как следует. Только вот дело моей жизни совсем приблизилось, и когда предварительное условие — независимость Литвы — уже выполнено, я могу, я имею право отбрасывать все остальное и сесть за свое свидетельство, за свою книгу — как ОНИ хотели нас уничтожить, но как ИМ это не удалось (ОНИ, по определению моего убитого сына, не что-то конкретное, а все злое и опасное). И на какой мир мы можем надеяться в дальнейшем. Работа эта на каких-нибудь десять лет. Мне пятьдесят два. Даст Бог, осилю и это испытание?

Надежда АЖГИХИНА,
Борис МИНАЕВ

КОГДА ВСКРЫЛСЯ НАРЫВ

Комментарий к скандалу в писательском доме

Что происходит в Союзе писателей? Под этой шапкой последние недели практически все газеты, включая «Красную звезду», дают информационные сообщения, больше напоминающие хронику парламентских дебатов. В этих заметках мельтешат слова «кворум», «правление», «секретариат» и масса других, столь необычных для привычного освещения «литературной жизни». Да что дебаты! После того как Моссовет принял поспешное решение временно приостановить деятельность Союза писателей РСФСР, на Комсомольском проспекте, то есть там, где заседает правление бондаревского, российского СП, началось натуральное строительство баррикад, запись добровольцев в боевые отряды самообороны и прочая веселая игра (правда, сюжет для пародии выбран не очень удачно).

Но мало кто из пишущих, к сожалению, поставил перед собой вопрос: а что же такое этот самый Союз писателей, в котором все ЭТО происходит?

Сегодня «российские писатели» пытаются изо всех сил доказать: то, что произошло в «большом» писательском Союзе, антиконституционно, незаконно, противоречит уставу. А соответственно не имеет юридической силы.

Они же пытаются навязать этакий «легкий», житейский подход к проблеме: воспользовавшись встряской августовских дней, одна группа писателей во главе с Евтушенко отняла власть у другой группы ради привилегий, дач, пайков (это, в частности, мнение Василия Белова).

Третья, «теоретическая», грань той же точки зрения: «западники» и «либералы» потеснили «почвенников» и «патриотов». Ее на пленуме СП СССР сформулировал Феликс Кузнецов, с высот академических бросив в зал призыв: негоже, мол, товарищи западники, топтать братьев по духу — славянофилов...

Общественное же мнение в лице многочисленных корреспондентов взирает на эти события снисходительно: опять поцапались...

...На фоне глобального кризиса, глобального потрясения всех государственных структур аппаратные писательские страсти выглядят вроде бы мелковато, даже странно: Бондарев с Черниченко пытаются перекричать друг друга в микрофон — из-за чего?

Неужели из-за дач?..

На наш же взгляд, происходит на самом деле событие не менее важное, чем, скажем, приостановление деятельности КПСС: **освобождение советской литературы.** И одновременное ее умирание.

Ибо советская литература и Союз писателей были неразделимы и неразлучны. Разрушается немыслимый конгломерат лжи и правды, духа и насилия над духом, разжиревших начальников и гениев литературы, подвижничества и коррупции. Долгие-долгие годы все было перемешано, все варилось в одном котле, все мирно сосуществовало, буквально претворяя в жизнь миролюбивую политику партии и лично тов. Брежнева. Феномен двух зданий, соединенных рестораном,— на улице Герцена и на Воровского — наверняка будет еще и еще раз описан: в одном доме с черными «Волгами», штатными стукачами, солидными министерскими бумагами восседали Марков и Верченко (вернее, марковы и верченки), в другом — курили в буфете и вели непозволительные разговоры, ну, скажем, Аксенов и Войнович. Да и они ли одни?

Дозволенная вольность, инкубаторский рай, карнавал за колючей проволокой — ну какими еще словами выразить эту фантасмагорическую белиберду?

В этой белиберде, однако, был план, была строгая государственная мудрость, предначертанная еще Сталиным: самый неуязвимый, самый опасный очаг духовного сопротивления — после шока массовых ежовских посадок не только заботливо обкладывали камешками и окапывали канавками (чтобы огонь, не дай Бог, не перекинулся дальше), но и подкармливали дровишками.

И главное в этих «дровишках» — не дачи, не дома творчества, не гонорары (их подавляющее большинство и не видело), а иллюзии. Иллюзии, что МОЖНО писать. И даже что НУЖНО.

Сейчас мы к месту и не к месту вспоминаем трагические судьбы писателей. Навряд ли первой скрипкой в их удушении и изгнании был Союз писателей, он лишь выполнял порученную работу, ну да дело не в этом.

Вспомним, что в этой странной ауре, в этой чудовищной нише все-таки сумели вырасти и даже проявиться Трифонов, Шукшин, Абрамов, Битов, Искандер, Самойлов, Окуджава, Вознесенский и еще, наверное, два или даже три десятка имен, более или менее крупных и ярких, но чрезвычайно важных для нашей словесности.

А если заглянуть дальше? Паустовский, Федин, Твардовский, Гайдар — да это же целая эпоха умирает на наших глазах вместе с Союзом писателей. Мы уже не говорим о таких «частностях», как детская литература, подвижнические филологические изыскания, высокое переводческое ремесло (где охотно работали талантливейшие люди, чтобы не заставлять себя врать в стихах и прозе) — да это же фундамент национального духа, образования, воспитания, морали...

Стоп-стоп. А вот с «национальным духом», «воспитанием» и «моралью» было у нас не очень, в том числе и потому, что «эпоха» и «фундамент» были пронизаны гнилым союзписательским двойничеством.

И вот кончилось. Мы не повторяем уже пережеванный мотив панихиды по советской литературе, поскольку не считаем, что можно валить до кучи всех и вся, лишь излагаем свой взгляд на суть происходящих событий.

Дело даже не в том, как быстро раскручивается маховик бракоразводного процесса: одно московское собрание писателей не признает решение другого, один секретариат не признает другой секретариат, одно правление покидает один пленум и проводит другой, на котором признает решения того пленума недействительными... И так далее. Очень хочется верить, что до суда дело не дойдет и идея независимого Литфонда, который будет кормить всех пишущих независимо от символа веры (и это уже отнюдь не сталинское изобретение, придуман Литфонд в XIX веке), спасет писателей от унижений крючкотворства при дележе имущества.

Но вот в скорой гибели старого Союза писателей можно не сомневаться — не потому, что два собрания, два пленума, два секретариата не могут уступить друг другу, а потому, что раскол неизбежен. Грянул гром.

От перепада давления вскрылся нарыв и потек гной.

А иначе и быть не могло.

Все последние годы Союз писателей превращался в этот нарыв — ведь изменилась ситуация, появились свободные печатные трибуны, и стало ясно, что за одним столиком в ЦДЛ им уже не усидеть. Одни не брезговали ни расизмом, ни коммунизмом, постоянно перемешивая этот дикий коктейль: лишь бы доказать, что наступление демократии — это всего лишь заговор сионистов. Другие отвечали — порой запальчиво, порой не по делу, но самое главное — забывая о том, что не всем этот спор с идеологическими монстрами, с куняевыми и кожиновыми, был интересен.

Все пришло к логичному финалу: одни жаждали чрезвычайщины, торопили и звали танки Язова на наши улицы, другие предостерегали общество об этой опасности под свист и улюлюканье молодых и старых своих оппонентов.

После того как пролилась кровь на Садовом кольце и сели в самолет «декабристы» (да-да, именно с ними сравнил Василий Иванович Белов на союзном пленуме Варенникова, Язова, Крючкова и прочих), Союз писателей как единая организация перестал существовать де-факто. Нарыв вскрылся.

Занудное, но совершенно необходимое проведение этого процесса де-юре осуществляют сейчас временное руководство Союза писателей СССР и новый секретариат Московской писательской организации. Депутаты Евтушенко и Черниченко за время сессий и съездов, слава Богу, научились тому, как нужно вести себя с функционерами, подобными Ф. Кузнецову и Ю. Бондареву (ничего общего не имеющими с литературоведом Кузнецовым и писателем Бондаревым), как разговаривать с ними на их агрессивно-аппаратном языке.

...Люди шестидесятых годов с присущим им мужеством и последовательностью доводят до логического конца эпоху своих иллюзий и крушений — эпоху великой советской литературы (она же эпоха Союза писателей).

И у нас не вызывает сомнений главная цель их действий — вместо съезда писателей, выбранных и назначенных в узких союзписательских коридорах, провести общее собрание писателей, а вернее, членов Союза, чтобы решить судьбу бывшего литературного министерства. Есть сомнения другого рода: а не состоятся ли и съезд, и собрание параллельно, по уже проверенному сценарию? Удастся ли избежать тупика?

Подведем итоги.

Нет сомнений, что люди, отнявшие власть у одуревших от страха в дни переворота литературных чиновников, правы. Нет сомнений в их моральном авторитете. Нет сомнений в правомочности решений писательского пленума, на котором выступили Тимур Пулатов (Узбекистан), Сильва Капутикян (Армения), Мумин Каноат (Таджикистан), Алесь Адамович, Владимир Крупин, Юрий Карякин и в конце концов Белов с Куняевым тоже. Нет сомнений, что упразднение писательского министерства должно проходить в цивилизованных формах, но отнюдь не по крючкотворским правилам, им же самим и придуманным. Нет сомнений, что если бы путчисты продержались еще два дня, те, кто сейчас лихорадочно открещивается от них и вывешивает российский флаг в «желтом доме» на Комсомольском с его игрушечными баррикадами, показали бы себя во всей красе. И что эти люди во главе с Ю. Бондаревым будут держаться за юридические соломинки до последнего, ибо только вокруг союзписательской кормушки можно строить плотные ряды бойцов да еще изо всех сил создавать себе имидж гонимых, обиженных и запрещенных.

...Есть сомнения в одном: не погребет ли Союз писателей под своими многочисленными обломками нормальную, живую, некоммерческую литературу?

И горько слышать, как упреки — порой заслуженные — в адрес «победителей» дают основания журналистам смешивать суть и мишуру этих дней. На наш взгляд, есть принципиальная разница между происходящим в домах на Герцена и на Комсомольском проспекте. Есть разница между тем, как голос Евтушенко, возглавившего собрание писателей, звучал на чересчур высоких нотах, и тем, как с пафосом возводились баррикады из мусора и водочных ящиков. Есть разница между теми, кто готовил демократические перемены своими книгами, поведением, жизнью, продираясь к читателю, используя все возможности, весь талант, и теми, кто, посвятив долгие годы труда на ниве литературного бюджета, теперь стремится перекраситься «во имя великой имперской идеи», во имя сохранения немалых материальных ценностей.

Так хочется воскликнуть вслед за Юрием Нагибиным: да пропади он пропадом, такой Союз! Но чтобы превратить Союз в ряд независимых писательских ассоциаций или просто свободных литераторов, надо сначала разобраться со всем наследием, доставшимся от прошлого. Это не просто и не быстро, да и не слишком приятно, но прощание с прошлым, тем более таким, приятным не бывает.

Вероятно, читателей интересуют и чисто практические аспекты проблемы. Что будет с тысячами «советских писателей», кто их будет кормить? Что будет с изданиями и издательствами Союза? В чьем ведении останется Литфонд СССР?

Ситуация развивается...

ЕЩЕ РАЗ О ЛИТЕРАТУРНОМ ПРИЛОЖЕНИИ

Не успел августовский 32-й номер «Огонька» с объявлением о подписке на литприложения дойти до всех наших читателей, а в редакцию уже пошли телеграммы и письма. Из подмосковного Дмитрова и Хабаровска, Одессы и Кирова, Владивостока и Саратова... Их авторы недоумевают: почему обещанное приложение к «Огоньку» невозможно выписать? Сообщают, что «Союзпечать» по-прежнему распределяет литприложения по организациям и предприятиям, руководствуясь никому не известными мотивами.

«Подписаться на литературные приложения отказывают по причине распределения их «Союзпечатью». А почтовые отделения не имеют к этому никакого отношения. Н. Бобровникова, Орехово-Зуево».

«Оформив подписку на «Огонек», я поинтересовался, как подписаться на Конан Дойла, и был не совсем вежливо послан... в Петроградский отдел подписки, где меня спросили, не являюсь ли я: а) участником октябрьского переворота 1917 года, б) ветераном войны, в) многодетной матерью и т. д. Начальник отдела подписки прямо заявила: «Как вас обманывали раньше, так и теперь обманывают. Журнал таким образом набирает себе подписчиков. В. Зорин, Санкт-Петербург».

Вот так, с больной головы да на здоровую!

Кто же кого пытается обмануть?

Напомним, что редакция журнала «Огонек», Минсвязи СССР и Центральное рознично-подписное агентство (Москва, Д-308, ГСП, проспект Маршала Жукова, д. 4) договорились о том, что право на подписку одного из приложений будут иметь подписчики «Огонька». А для того чтобы это право реализовать, подписку решили проводить в отделениях связи.

Наши корреспонденты в Москве, Санкт-Петербурге и Новосибирске поинтересовались, как проводится подписная кампания, и выяснили, что действительно в почтовых отделениях подписка на литприложения проводилась и еще будет проводиться. Этот факт знаменателен сам по себе хотя бы потому, что ничего подобного до сих пор не было.

Значит, принятое правило действует? Не все так просто. Хитрость заключается в том, что местные отделения «Союзпечати» бо́льшую часть лимитированных изданий оставляют, как и прежде, для того, чтобы *распределять* их по предприятиям.

В подмосковных Мытищах местное агентство решило таким образом «защитить интересы трудящихся». Интересно бы знать, от кого? Как заметил один наш читатель, «на предприятиях своя книжно-журнальная мафия, которая так умело распределяет, что дефицитные издания почему-то всегда получают общественные распространители, начальники и близкие друзья начальников».

В Санкт-Петербурге тоже распределение пошло не в интересах читателей «Огонька». Только 25 процентов от выделенных тиражей поступило в отделения связи. Много это или мало? Судите сами: на почте подписку на Ходасевича сумеют оформить только 500 человек. Это из выделенных городу 2 тысяч экземпляров.

В новосибирских почтовых отделениях подписка проводилась организованно и быстро. Слов нет, заботятся здесь о читателях работники «Союзпечати», но не забывают и свои интересы, иначе как объяснить появление такого вот объявления в вестибюле консерватории: «Приложение к журналу «Огонек»... будет распространяться по предприятиям по общим результатам подписки коллектива».

Мы понимаем, что в нынешних условиях, когда подписка на литприложения лимитирована, удовлетворить читательский спрос полностью невозможно. Но, объявляя подписку, мы имели основания надеяться, что многие наши читатели получат возможность обзавестись одним из литературных приложений. Ведь тиражи их таковы: собрание сочинений А. Конан Дойла — 1 млн. 200 тыс. экземпляров, Ф. Скотта Фицджеральда — 480 тыс., В. Ходасевича — 120 тыс., Библиотеки сатиры и юмора — также 120 тыс. экземпляров.

Несмотря на сетования некоторых работников «Союзпечати» на то, что в этом году гораздо сложнее проводить подписку, спешим уведомить, что эту нелегкую ношу «Союзпечать» взвалила на свои плечи по собственной инициативе, игнорируя установленные правила.

Вынуждены напомнить еще раз, что подписчики «Огонька» должны иметь возможность оформить и подписку на одно из собраний сочинений приложения *в отделениях связи*. Попытки введения каких-либо иных условий рассматриваются как нарушение принятого порядка.

Подписку необходимо проводить гласно. В каждом городе или поселке читателей должны заранее уведомить, на какое количество лимитированных изданий они смогут подписаться. В почтовых отделениях обязаны предоставить каждому подробную информацию о порядке проведения подписки. Преимущественное право остается за подписчиками «Огонька».

ПАМЯТИ АНДРЕЯ САХАРОВА

С 21 по 25 мая 1991 года в Москве проходил I Международный конгресс памяти Андрея Сахарова «Мир, прогресс, права человека», посвященный 70-летию со дня рождения Андрея Дмитриевича.

На наше приглашение отозвались более трехсот человек из разных стран мира и Советского Союза. Среди них — известные ученые, парламентарии, представители политических и общественных организаций, деятели культуры и искусства, друзья и близкие академика Сахарова.

Мы благодарим гостей конгресса, отложивших все свои дела ради поездки в Москву на сахаровский форум.

Но самые горячие слова благодарности мы адресуем участникам юбилейного концерта в Большом зале Московской консерватории, ставшим, по сути, открытием Конгресса памяти Сахарова. Из Испании приехали «Виртуозы Москвы» во главе с Владимиром Спиваковым, разработавшим программу вечера. Ее открыл великий Святослав Рихтер. Всего на несколько часов, только ради того, чтобы выйти в этот день на сцену, прилетел в Москву Мстислав Ростропович, друживший с Андреем Дмитриевичем. Государственный республиканский Каунасский хор завершил концерт. Все участники концерта выступали бесплатно...

Мы благодарны художественному руководителю Симфонического оркестра российского Министерства культуры Михаилу Плетневу за помощь в организации концерта.

В один из дней работы сахаровского форума перед его участниками с благотворительным спектаклем «Сотворение мира» выступили артисты московского ансамбля «Классический балет» под руководством В. Василева и Н. Касаткиной.

Особую благодарность мы выражаем спонсорам конгресса — только благодаря их помощи и поддержке нам удалось провести это масштабное мероприятие. Речь идет не только о деньгах: многие из тех, кто любезно согласился разделить с нами труды по подготовке и проведению конгресса, стеснены в свободных средствах, и потому их участие выражалось в конкретных делах.

Коллективы редакций газеты «Аргументы и факты» и журнала «Огонек» перечислили на счет Оргкомитета Конгресса памяти Сахарова соответственно 200 и 150 тысяч рублей.

«Огонек» в списке спонсоров занимает особое место — редакция предоставила нам помещение и канал международной связи, многие огоньковцы тратили свое свободное время, помогая организации конгресса.

Выпускницы гуманитарно-управленческой школы «Суперреферент» московского товарищества «Дягилевъ Центръ» (президент — Ю. Я. Любашевский) безупречно работали на конгрессе буквально с утра до глубокой ночи.

Самоотверженно трудились в эти дни синхронные переводчики из агентства «Сертра» и из акционерного общества «Линкон» — по отзывам участников перевод на конгрессе отличался высочайшим качеством.

Очень серьезно помогли в реализации программы конгресса сотрудники совместного советско-американского предприятия «Pleiades publishing inc.» и московского научно-производственного объединения НИОПиК (генеральный директор — Г. Н. Ворожцов).

К сожалению, небольшой объем этого письма не позволяет сказать хотя бы несколько слов о каждом, кто деньгами или делом помог нам в организации и проведении конгресса. Поэтому мы благодарим всех, имевших отношение к этой акции в нашей стране и за рубежом. Ниже мы публикуем список организаций и частных лиц, еще не названных в предыдущих публикациях нашего Оргкомитета, которым адресованы эти слова.

СПИСОК СПОНСОРОВ
I МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА
ПАМЯТИ АНДРЕЯ САХАРОВА
«МИР, ПРОГРЕСС, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА».

Редакция журнала «Огонек»;
редакция газеты «Аргументы и факты»;
московское товарищество «Дягилевъ Центръ»;
СП «Pleiades publishing inc.» (СССР — США);
переводческое агентство «СЕРТРА»;
акционерное общество «ЛИНКОН»;
московское научно-производственное объединение НИОПиК (генеральный директор — Г. Н. Ворожцов);
АКП «Совкомфлот»;
НПО Радиевый институт имени В. Г. Хлопина;
ВТПО «Киноцентр»;
Центральный Дом литераторов;
ЦЭНДИСИ СССР;
МГ «Центр авторской песни»;
отдел института «Гипропищепром»;
советско-американский фонд «Культурная инициатива»;
ИПКО «Наука»;
акционерная компания «Акцепт»;
ИП «Обновление»;
кооператив «Этап»;
ИПА «Литгазета»;
объединенная редакция газет «Московские новости»;
МП «Модель» (директор — Б. Ф. Бобров);
тимирязевское отделение Союза московских филателистов (председатель правления — З. А. Сагайдачная);
ПО «Сокольники» (генеральный директор — Ю. Г. Гехт);
Ford Foundation (США);
американские профсоюзы AFL — CIO;
Czeshoslovak CHARTA-77.
Частные вклады:
И. С. Осминин — председатель правления АКП «Совкомфлот»;
господин Романюк (СССР);
господин Шиманович (СССР);
доктор Баклей (США);
доктор Арно Пензиас (США);
господин Лион Невас (США);
лорд Малкольм Пирсон (Соединенное Королевство);
Елена Боннэр.

Кроме того, в числе наших спонсоров было и совместное советско-британское предприятие «Репроцентр». Однако цена платных услуг этой организации, обошедшихся Оргкомитету в 20 тысяч долларов, явно не соответствовала их качеству.

Пользуясь случаем, мы хотим поблагодарить сотрудников организаций и учреждений, имевших касательство к проведению конгресса. Это Моссовет и дирекция Московской государственной филармонии, коллектив Большого зала Московской консерватории и Московского театра оперетты, руководство и коллектив гостиницы и комбината питания «Россия», Гостелерадио СССР и Российское телевидение,— словом, всех, кто помогал нам по долгу службы.

Мы еще раз от всей души благодарим каждого, кто внес свой посильный вклад в дело организации и проведения I Международного конгресса памяти Андрея Сахарова «Мир, прогресс, права человека», и хотим выразить надежду на плодотворное сотрудничество в будущем.

Председатель Оргкомитета
Елена БОННЭР
Исполнительный директор
Юрий САМОДУРОВ
Заместитель исполнительного директора
Константин СМИРНОВ

СЕСТЬ В СКРИПУЧЕЕ СЕДЛО

Наталья БЫКАНОВА

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Дорога из детства ведет к метро «Аэропорт», на улицу Викторенко, где за высоким красным забором в конском цокоте остановилось время и по широким каменным лестницам просторного особняка звенят шпорами усачи в погонах. Забор, штабной особняк, конюшни — все строили после войны пленные немцы специально для конной милиции, которая сегодня именуется кавалерийским батальоном патрульно-постовой службы ГУВД. Немцы не скупились на высоту потолков и на память, кроме качества, оставили выложенные крестом окна.

Романтика начинается и кончается 30-килограммовой тачкой с навозом, который новичку возить не перевозить целый месяц под пристальным взглядом старшины Валерия Николаевича Родичева. Он в первый же день может сказать, задержится парень в конной милиции или нет. Кто-то надорвется на навозе, кто-то покроется сыпью от конской перхоти, кто-то испугается мотнувшейся в его сторону лошадиной головы... Естественный отбор через хозработы. Хотя для кого как. Для меня, например, как и для тысяч московских девчонок, всё детство пропадавших на ипподроме, почистить лошадь, убрать денник было счастьем. Мы прогуливали уроки, копили «обеденные» копейки на сахар и печенье своим Павам и Дымкам и в обход конюхов прокрадывались на конюшню, чтобы торопливо сунуть руку с лошадиным угощением сквозь толстые прутья денника. Правда, если в школы верховой езды слабый пол со скрипом, но принимают, в конную милицию путь заказан. Декреты, дети, болезни... Женщин на улице Викторенко сократили в семидесятые годы. Во всех остальных странах конная полиция укомплектована ими на 50 процентов.

Несмотря на суженный вполовину простор для отбора достойных кандидатур, жаловаться на неукомплектованность и текучесть кадров нашей конной милиции в отличие от остальных структур МВД не приходится. Материальный стимул здесь ни при чем. Он ограничивается 15-рублевой месячной надбавкой «за чистку лошади». Проводник овчарки за вычес своего «напарника» получает в два раза больше. Логика финансовых органов — дело загадочное. Согласно такому прейскуранту, лошадь должна быть в половину собачьего размера.

Если говорить серьезно, милиция отбирает себе самых рослых коней, не ниже 165 сантиметров в холке: сами ездоки — мужики не маленькие, к тому же нарушители чем крупнее конь, тем больше уважают. Кстати, начальство единственного в СССР кавалерийского полка во время парада на Красной площади предпочло красоваться на милицейских лошадках. Они виднее, породистей, да и выезжены куда лучше.

Но с мощными конями теперь напряженка. Мельчают орловцы, орловская рысистая порода — главный поставщик в милицию нарядных серых жеребцов. Мутят на конезаводах древнюю кровь, замешенную графом Алексеем Орловым на чистокровных арабских аргамаках, резвыми, но неказистыми американскими рысаками. 150 сантиметров в холке для милиционера — конек-горбунок. Сядешь — ноги подожмешь.

Можно подойти к стадиону «Динамо» минут за пятнадцать до конца футбольного матча, когда конная милиция уже построит коридор от метро до главного входа, и скормить серому арбузную корку (лучше яблоко). Сахар тоже ничего, но фиг достанешь. Губы у серого шершавые, ноздри нежные, глаза синие, нет никакой возможности оторваться. И ужасно хочется стать милиционером, надеть блестящие хромовые сапоги, сесть в скрипучее седло и почему-то строго прикрикнуть: «Но, не балуй!»

Три завода, случается, объедут ветврач Владимир Ерофеев с помощниками и хорошо, если одну лошадку приглядят. Кроме роста и стати, характер у нее тоже должен быть соответственный, правоохранительный. Работа у лошадей нервная — с людьми. Целый год их учат, как с двуногими обращаться. Молоденького жеребчика после покупки сначала определяют на месяц в карантин, где его прививают, в том числе и от столбняка — на случай возможных ранений, а потом в ремонт, другими словами, лошадиную школу. Здесь же, на территории батальона, ремонтеры-учителя ведут индивидуальные занятия с новичками, не больше двух учеников в группе. Кроме выездки, лошадей приучают к городскому шуму, выстрелам, взрывам, к толпе. Для этого в манеже собственными силами устраивают небольшие беспорядки: стреляют холостыми патронами, взрывают взрыв-пакеты, брызгают из шланга водой, имитируют столпотворение с трещотками и пищалками. В общем, по полной программе. «Выпускник» проходит часовой экзамен, на котором по пятибалльной шкале оценивается его годность к строевой службе: как слушает команды, как ведет себя в экстремальных ситуациях, как ногу дает кузнецу для перековки. Двоечников отправляют на доработку. Но таких среди коней единицы. Полной отбраковки не бывает вообще. настолько придирчиво выбирают лошадей на заводе. У каждого лошадника в этом деле свои секреты, которые они не открывают журналистам.

Кроме владения профессиональными тайнами, не менее важно при отборе лошади умение сторговаться в цене. Не более 10 тысяч выделяется на покупку, что по нынешним временам сумма невеликая. Скоро хорошего коня меньше чем за 20 тысяч не достанешь.

В общем, не шикует конная милиция, чтобы в нее из пешей кидаться. Но бросают люди привычные и даже денежные профессии, бросают институты, как капитан Юрий Николаевич Чистяков, мастер спорта по троеборью, свой геологоразведочный. Промчится вневременная чапаевская конница, прогарцуют из небытия щеголи-гусары, просвистит ковбойское лассо. У каждого лошадника свое за душой.

В царской армии всякий полк имел свою масть, по лошади определяли, кто по дороге пылит. Гусары — на серых, уланы и казаки — на рыжих, кирасиры — на гнедых и вороных.

В московской конной милиции на исходе XX века едет серый патруль в Тимирязевский парк, рыжий — в Покровское-Стрешнево, гнедой и вороной — в Серебряный бор. Всадник сидит как влитой, сбруя блестит, лошадиная шерсть сверкает не хуже начищенных сапог... Глазеет толпа, как раньше на автомобиль; глазеют шоферы и, дурея от экзотики, жмут на клаксоны. Лошади вообще-то ко всему привычные, но особо нахальному автолюбителю могут и копытом шарахнуть. Вмятина на железе останется будь здоров.

Крепкие у лошади ноги, но перед асфальтом пасуют. Стираются подковы до толщины бритвы, калечатся кони. В Лужниках, когда «Спартак» играет, рысит наряд на место назначения 18 километров только в один конец, два часа по шоссе. У батальонного кузнеца в два раза больше работы, чем на гражданке, каждый месяц приходится лошадь перековывать. Хотя в США, например, коней обувают в подковы резиновые. Хоть шагай, хоть рыси, хоть галопируй по асфальту — и ноги целы, и подкова. Не хуже автомобильных шин.

Хозяин, милиционер, у каждого коня свой. 100 лошадей в батальоне, сто всадников. Напарников стараются подбирать по контрасту: горячий конь — спокойный ездок, конь-флегма — зато милиционер с южным темпераментом.

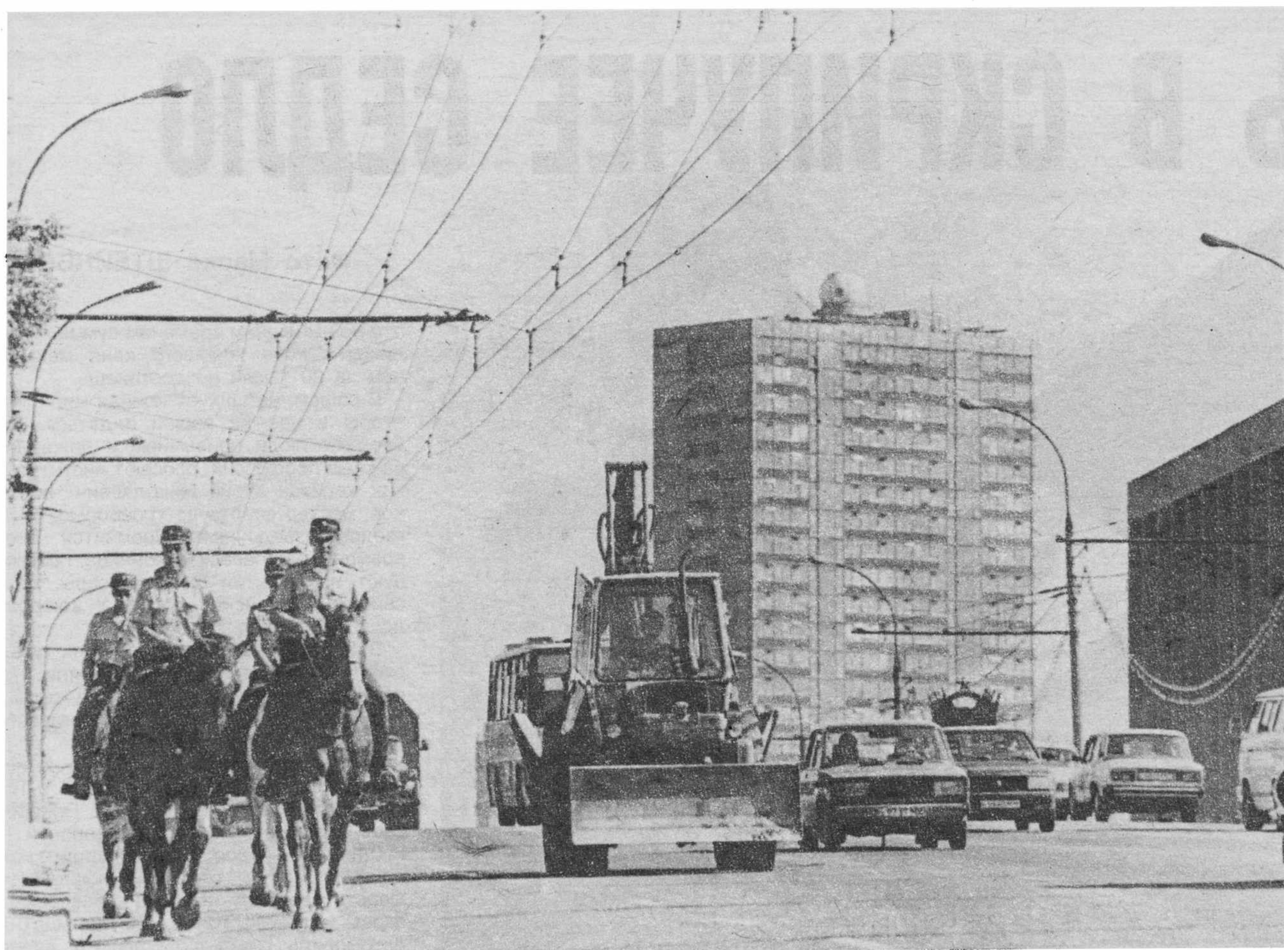
Отношения внутри этой пары — дело тонкое. Стоило, например, Василию Попову бросить ласковое слово соседу своего Демона по конюшне, как вороной моментально прижал уши и развернулся задом. Прямо баба ревнивая.

О взаимоотношениях человека и лошади легенды сложены. Те же арабы, у которых конь был членом семьи, детей могли ему доверить. И лошадь лучше няньки следила за хозяйским ребенком, не давала ему отползти далеко от дома, давила копытами змей и скорпионов...

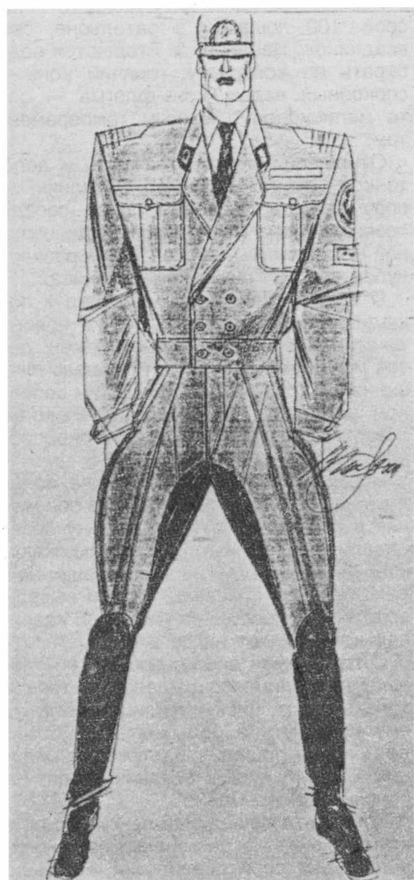
Наши туркмены только что не молились на своих ахалтекинцев. Из поколения в поколение, от отца к сыну передавали, как песню, родословную скакунов. Денег тратили на них больше, чем на капризных красавиц. Зато и вывели золотистых коней, коней-сказку, красивей которых нет нигде в мире.

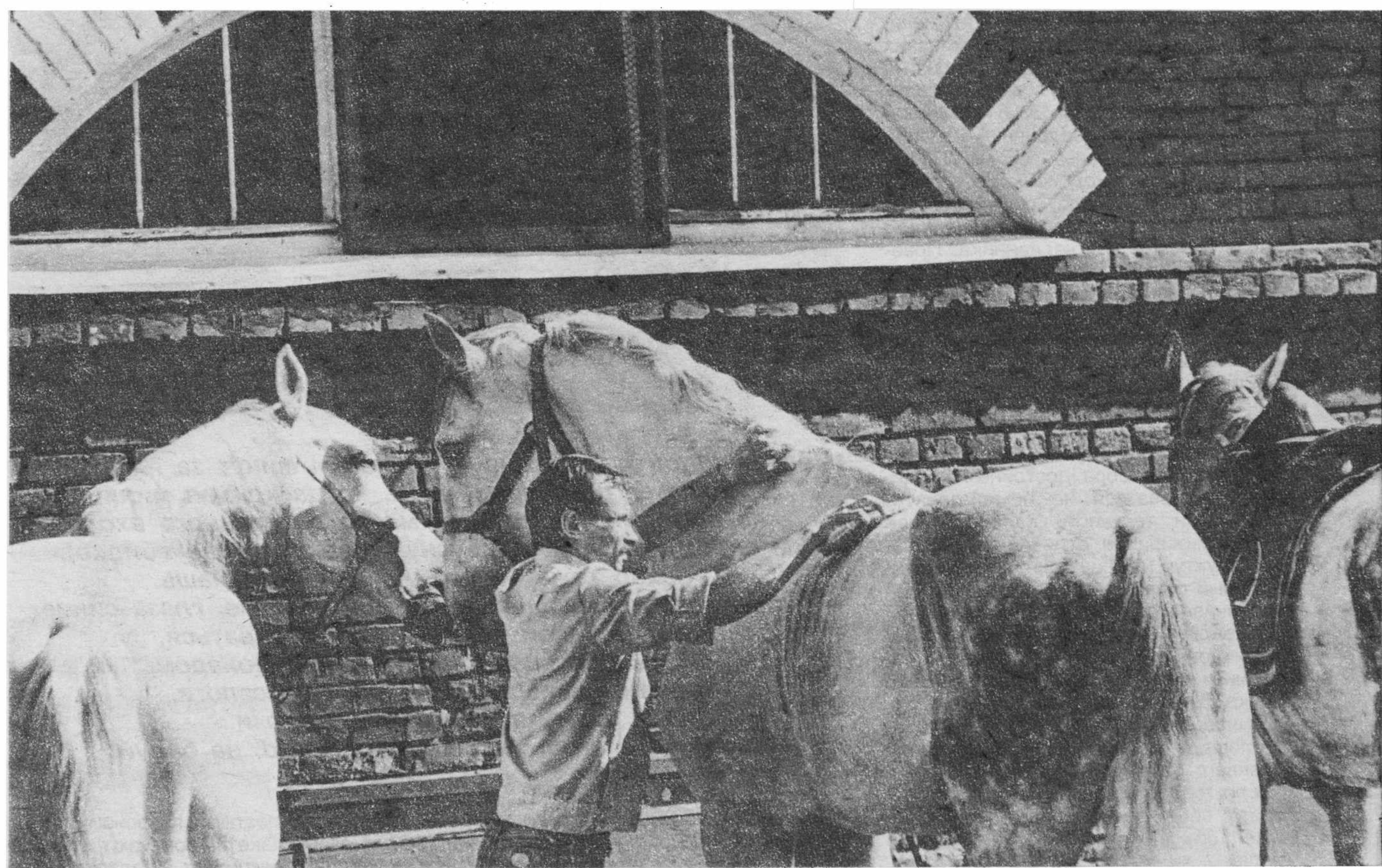
С тех времен диалог лошади и человека неумолимо сокращался, и теперь только спорт, цирк и милиция не дают ему исчезнуть в больших городах. 15 лет — срок лошадиной службы в милиции. Бывает, конь и всадник уходят на пенсию одновременно.

Вообще-то лошадиная пенсия по-простому значит мясокомбинат, но у «боевого» коня свои привилегии. Не было

такого случая, чтобы лошадь из милиции на колбасу списали. Пристраивают кого в лесничество, кого в прокат. Хорошо выезженным коням везде рады. Даже горячих и злых рыжих буденновцев (лошадей буденновской породы) милиция перевоспитывает в ручных и покладистых лошадок. Хотя особо усердных, «трудоголиков», среди коней не наблюдается. «Трудоголики» — это только к человеку относится в отличие от определения «лентяй», присущего, как показывают наблюдения зоологов, всему животному миру. И конная милиция не исключение. Некоторые умники. как седловка начинается, сразу больными прикидываются, хромать начинают.

Хитрят, но службу отрабатывают наравне с человеком. А она одинакова во всех странах. Самая заметная — «коридоры безопасности» от стадиона к метро после футбольных матчей и крупных рок- и поп-концертов. На аншлаговые мероприятия вызывают до 50 всадников. После таких дежурств, особенно после спартаковских матчей, у милиционеров на несколько дней голос пропадает.

Самая приятная служба, по словам самих милиционеров,— «патрулирование в лесных массивах». Здесь конной милиции равных нет. Она быстра, бесшумна, пройдет по любому бездорожью, экологически чиста. Кстати, об экологии. Брезгует конь купаться в московских водоемах. Зайдет в реку разве что ноги помочить, а дальше ни в какую. Пить категорически отказывается, только вздохнет глубоко, и круги по воде от ноздрей. Правда, травку пока ест. Так что загорать на ней вполне невредно для здоровья, а насчет купания — решайте сами.

Ежедневно с мая по октябрь выезжает конный патруль в московские парки. Обзор с лошади даже лучше, чем из машины, а про психологическое воздействие и говорить не приходится. Огромный, мощный конь со всадником на спине вызывает у бандитов панику, убежать от него невозможно. Один заслуженный легкоатлет проспорил своему другу-милиционеру, что убежит от него. 50 метров форы дал ему всадник и шутя достал бегуна.

Два конных милиционера спокойно разгоняют двадцать хулиганов. Вооружение: резиновые дубинки и пистолеты. Самое горячее время для патрульной службы — начало июля, когда 16—18-летние «детки» после учебной зимы выходят на солнышко порезвиться. И конец августа, когда, нагуляв силу, те же «богатыри» возвращаются с турбаз, дач и домов отдыха.

Одно из последних происшествий случилось в Серебряном бору. К двум гулявшим мальчишкам пристали два хулигана. Ограбили, сняли кроссовки, но далеко не ушли. Конный патруль сработал четко. На этот раз на лошадей посягательств не было, но нередко коня и ножом пытаются полоснуть, и палкой ударить.

Особенно опасно, когда две группировки выясняют отношения. Стоит милиции вмешаться — раздоры забываются и недавние противники объединяются против патруля. Но и тут шансов у хулиганов никаких. Один конный милиционер заменяет восемь пеших, и два всадника могут спокойно доставить в отделение 15 правонарушителей одновременно.

Подготовка лошади к патрулированию, чистка, седловка начинаются в 14 часов. В 15.30 патруль выезжает на Ленинградское шоссе. До дальних парков едут на спецмашинах. Обратно, на улицу Викторенко, возвращаются в десятом часу, когда начинает темнеть. И снова чистка и обязательная мойка из шланга. Кстати, два раза в месяц милиционеры моют своих лошадей шампунем, кто какой достанет, яблочный или детский. Зимой — регулярная конебаня.

Ни одно важное мероприятие в городе не обходится без конной милиции. Олимпиада, Игры доброй воли, молодежный фестиваль — сколько бы я ни называла событий, ответ заместителя командира батальона Николая Николаевича Лавренщенко был утвердительным.

На похороны Высоцкого сначала запросили девять лошадей, но для того, чтобы расчистить и отрегулировать вход в метро, пришлось послать на Таганку еще столько же.

Конная милиция контролировала вход в крупнейший столичный универ-

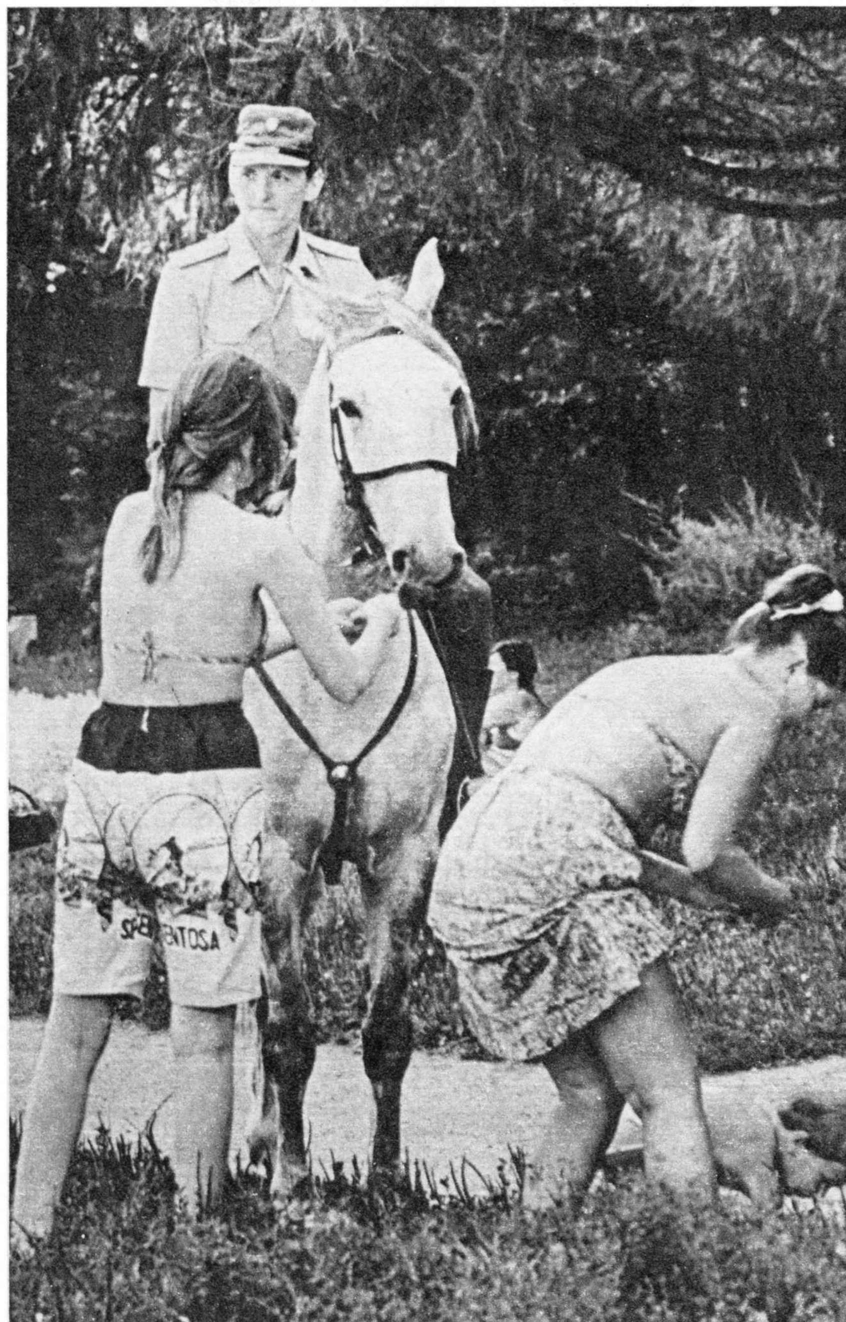
маг «Московский». В первые дни его открытия с раннего утра у дверей скапливалась огромная толпа. Чтобы не было давки, приходилось от метро выстраивать коридор безопасности, как после футбольных матчей.

Кроме того, на конюшне всегда в резерве девять лошадей на так называемый непредвиденный случай. Те же спецприемы работы с толпой, что во всех цивилизованных странах: отсечение, взятие в кольцо... Работа не самая приятная, но и без нее не обойтись. Как не обойтись конному милиционеру без борцовских приемов, которые отрабатываются в собственном спортзале. На зимнее время приходится слезать с седла и перевоплощаться в обычного милиционера. После полугода верховой службы трудно бывает нести службу пешую.

блемы я не говорю, их продают, как сувениры; дополнительный доход еще никому не мешал.

Наши тоже было дали волю фантазии, насмотревшись западных фильмов и журналов, где полицейский — первый человек и служба в полиции — одна из самых почитаемых и хорошо оплачиваемых. Насмотрелись, набросали эскизы удобной формы на все сезоны, благо талантов в милиции хватает. Отдали на обработку Вячеславу Зайцеву, тот довел эскизы до ума, но легкая промышленность больше одного комплекта не осилила.

Да что говорить, майор Юрий Владимирович Миев рассказывал, как в Швеции лошадей яблоками кормят. Нашим по рациону, кроме сена, овса, соли-лизунца да мела, ничего не полагается. Тащат милиционеры из дома кто суха-

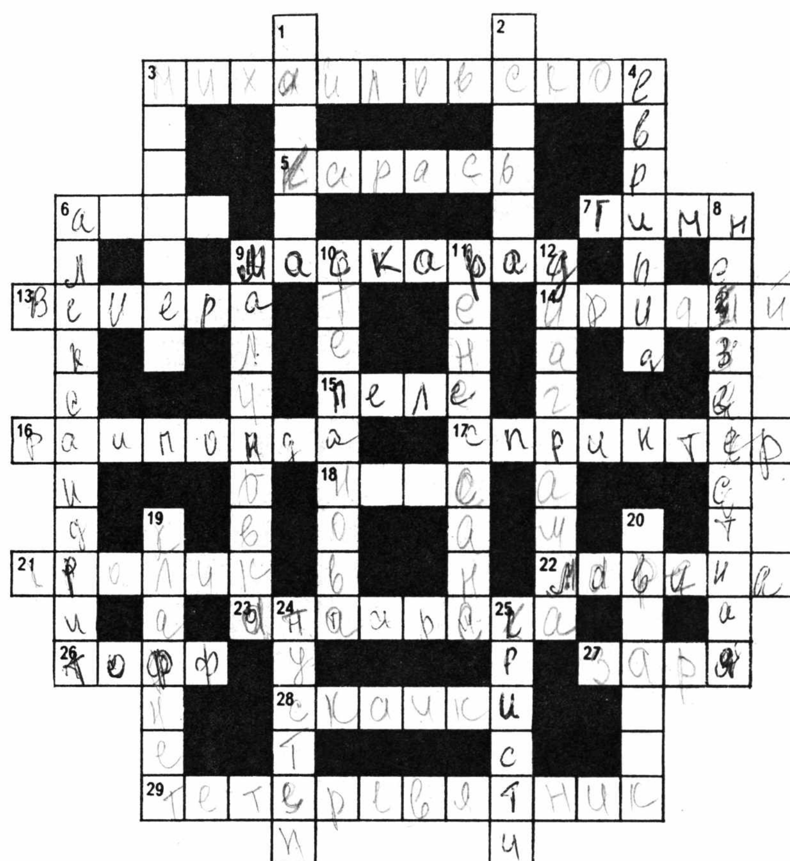

Хотя во всем остальном отличий между конным и пешим милиционером у нас не наблюдается, кроме разве что покроя брюк. Форма, экипировка один к одному, не то что у зарубежных коллег. Брюки у тех отделаны кожей, чтобы не протирались от долгого сидения в седле, плащ на случай дождя тоже кожаный, удобные бронежилеты, рассчитанные именно на всадника, на голове специальные защитные маски со встроенной рацией, чтобы руки были свободны для управления конем. Если маска в данный момент не требуется, рация крепится на плече. И венчают все это великолепие кокетливые шляпы-котелки американского полисмена. Про пуговицы и эм-

рики, кто морковку... Кому чего не жалко. Кто как может достает себе шпоры, на складе их нет уже шесть лет. Седла шорник латает бесконечно, все рекорды прочности бьют офицерские (варшавские) седла, которые уже 20 лет в строю, и удобней их не найдешь. Конское снаряжение, как детали автомашины, большой дефицит.

А в Швеции полицейский обязан на трех языках изъясняться, кроме родного, шведского, и на национальном празднике, шестого июня, отдавать честь королевской чете.

Может, и наши когда-нибудь так же с полным достоинством и честь отдадут, и на трех языках...

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Государственный музей-заповедник А. С. Пушкина. 5. Главное действующее лицо в опере С. С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». 6. Река в Западной Сибири. 7. Торжественная песня. 9. Драма М. Ю. Лермонтова. 13. Планета. 14. Химический элемент, платиновый металл. 15. Известный бразильский футболист. 16. Балет А. К. Глазунова. 17. Бегун на короткие дистанции. 18. Остров в Индийском океане, принадлежащий Индонезии. 21. Животное семейства зайцев. 22. Скопление обломков горных пород, образуемое передвижением ледников. 23. Озеро в Канаде. 26. Горючее полезное ископаемое. 27. Яркое освещение горизонта перед восходом и после захода солнца. 28. Вид конного спорта. 29. Хищная птица семейства ястребиных.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Старинный испанский танец. 2. Приток Сырдарьи. 3. Басня И. А. Крылова. 4. Древнегреческий поэт-драматург. 6. Драгоценный камень. 8. Картина И. Н. Крамского. 9. Певчая птица семейства дроздовых. 10. Народная артистка СССР, игравшая во МХАТе, Герой Социалистического Труда. 11. Период в культурном и идейном развитии ряда стран Европы. 12. Графическое изображение, показывающее соотношение каких-либо величин. 19. Духовой язычковый музыкальный инструмент. 20. Областной центр в Казахстане. 24. Американский бальный танец. 25. Английская писательница, автор детективных романов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Померанец. 7. Кобальт. 8. Имандра. 9. Эфир. 12. Ашуг. 14. Диагональ. 16. Синоним. 17. Магнето. 18. Аллаиха. 19. Штурвал. 21. Ступень. 23. «Рославлев». 26. Ария. 27. Лиза. 30. Саванна. 31. Обручев. 32. Календула.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Вертлюг. 2. Карийон. 3. Плац. 4. Цена. 5. Монисто. 6. Пришвин. 9. Эклиптика. 10. «Пигмалион». 11. Фломастер. 13. Гостиница. 15. Ондатра. 20. Радикал. 22. Пукирев. 24. Лазарев. 25. Вологда. 28. Барк. 29. Пума.

ДАЙТЕ НАМ ШАНС СЭКОНОМИТЬ ВАШИ ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ!

ОБЪЕДИНЕНИЕ «МММ» ПРЕДЛАГАЕТ:

КОМПЬЮТЕРЫ, СОВМЕСТИМЫЕ с IBM PC/AT, XT С ЛЮБОЙ ПЕРИФЕРИЕЙ И ОРГТЕХНИКУ. А ТАКЖЕ ШИРОКИЙ ВЫБОР ДИГИТАЙЗЕРОВ, ПИШУЩИХ МАШИНОК, ЭЛЕКТРОННЫХ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК, КАЛЬКУЛЯТОРОВ И Т. Д.

БЕЗ ПРЕДОПЛАТЫ.

ОПТОВЫМ ПОКУПАТЕЛЯМ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ СКИДКА.

ВЫ ВИДЕЛИ ГДЕ-НИБУДЬ БОЛЕЕ НИЗКИЕ ЦЕНЫ? МЫ ПРОДАДИМ ЕЩЕ ДЕШЕВЛЕ!

КОМПЬЮТЕРЫ

IBM PC/AT-286 — 44 000 руб
IBM PC/AT-386
(Винчестер 120 МБ.
ОЗУ 4МБ. 25 МГц) — 107 000 руб.

ПЛОТТЕРЫ

(графопостроители)
Формат А3 — 31 500—33 000 руб.
Формат А1 — 107 000 руб.

ЛАЗЕРНЫЕ ПРИНТЕРЫ

Формат А4
«LASERJET II P» — 51 000 руб.
«LASERJET III» — 85 000 руб.

КСЕРОКСЫ

Формат А4
«SHARP Z-50» — 28 000 руб.
«CANON FC-2» — 30 500 руб.
Формат А3
«RICOH M 100» — 62 000 руб.
«CANON 1215» — 80 000 руб.

ТЕЛЕФАКСЫ

«MURATE-M5»
и *«FI»* — по 21 500 руб.

АВТООТВЕТЧИКИ

«PANASONIC» — 7750—8000 руб.

ТЕЛЕФОНЫ

«PANASONIC» — 3400 руб.

Адрес: 109518, Москва, ул. Газгольдерная, 10 (проезд: метро «Текстильщики», автобусы 29, 725 до остановки «Вычислительный центр»). Телефоны в Москве: 171-03-97, 173-44-15, 171-13-81, 171-06-90.

У «МММ» НЕТ ПРОБЛЕМ!

АГЕНТСТВО СТОЛИЧНЫХ СООБЩЕНИЙ тел. 450-67-88, 412-95-06.

1 руб. Индекс 70663